

*Ольга
Гусева*

ВТОРОЙ ШАНС
Гура Елена

Можешь ли ты примерить новое тело и новое имя как новое платье? Способна ли ты сама выбрать свою судьбу? Угадаешь ли ты, что есть твоя любовь — дар или плата за возможность жить дальше? Ведь за все придется платить. Даже за способность исцелять. Возможно ты найдешь ответы, если почувствуешь сердце... Если не свое, то хотя бы чужое.

Ольга Гусейнова

Второй шанс для Елены!

Глава 1

Россия 2006 год

Я вошла в дом на подкашивающихся ногах и, привалившись к стене, с трудом позвала маму. Через минуту она вышла из столовой и, заметив меня, подпирающую стенку, побледнела и подскочила ко мне, с тревогой вглядываясь в лицо.

— Дочь, что случилось ты какая-то вся серая и мокрая как мышь?

— Не знаю, меня всю трясет и кости ломит. И, мам, ты знаешь, что-то сердце давит непривычно сильно.

Было так больно, что в данный момент что-то утаивать от мамы было сложно и глупо, но заметив ее еще больше побледневшее лицо, почувствовала себя еще хуже. А еще через минуту я свалилась к ее ногам, потеряв сознание. Через пару дней, пройдя обследование и начав лечение, поняла, что моя жизнь с этого дня полностью изменилась. Я родилась с пороком сердца, и все было бы ничего — с ним можно спокойно жить, но поход на природу неделю назад, во время которого я здорово простыла и ничего об этом не сказала маме, чтобы не посадили под домашний арест, повлек за собой необратимые последствия. Я не только простыла, но и продолжила ходить в школу, ведь до выпускных экзаменов осталась пара недель. Мой ослабленный организм с легкостью подхватил весенний грипп, ходивший по школе, и в итоге я попала в больницу с тяжелыми осложнениями. Мое сердце не смогло справиться с болезнью, и теперь я проведу в больнице море времени, пока врачи не наладят его работу. А ведь еще совсем недавно мечтала стать врачом и помогать людям, а теперь глупым безответственным поведением уничтожила все свои планы. Теперь моим вторым домом стала больница, а верными спутниками — кислородная маска и стойка с капельницей.

Россия 2012 год

Оторвав взгляд от ЖК-монитора, висящего на противоположной стене, наблюдала как в мою индивидуальную палату бесшумно вошли мама и папа и почему-то неуверенно, с печальными улыбками на лицах, молча подошли ко мне. Как всегда одетые в белые халаты и с масками на лице, уже привычно для меня расположились по разные стороны кровати. За шесть лет, что я провела в этой больнице, ко многому успела слишком хорошо привыкнуть. И даже к медперсоналу, который знал меня и подобных пациентов не только в лицо, а словно мы стали близкими родственниками. Несколько раз меня выписывали отсюда в надежде, что, наконец, состояние стабилизируется, и я иду на поправку, но уже через пару недель или в лучшем случае месяцев, я снова неизменно оказывалась здесь и борьба за жизнь возобновлялась. Юность плавно перешла в молодость, но на мне это никак не отразилось, ведь за время болезни я приобрела одно несвойственное столь юному возрасту, как однажды отметил мой личный врач, качество — рациональный подход ко всему, что со мной происходит или окружает. Именно благодаря этому качеству я смогла спокойно относиться к каждодневным медицинским процедурам, осмотрам и манипуляциям. Так надо для моего выживания, а значит, я потерплю и сделаю все как полагается. Иногда казалось, что из-за этой рациональности я превращаюсь в старушку, но как только эмоциональный всплеск проходил, на его место вновь возвращалась рассудительность и жесткое понимание необходимости того, что нужно и жизненно важно.

Месяц назад лечащий врач сообщил, что дела совсем плохи, и мне необходима

пересадка сердца. Когда родители слышали об этом, для нас всех это стало последней каплей. Мама рыдала, не переставая, папа утешал как мог, но и он словно ушел внутрь себя, а я лишь молча размышляла, пытаюсь осмыслить всю ситуацию целиком.

Чужое сердце?! Как это, что это, и каким образом с ним жить дальше? Думать о том, что могу не пережить операцию по пересадке или вообще не дождаться донора нельзя. Жить хотелось невероятно, а упаднические черные мысли заранее обрекали на провал. Ведь не зря же говорят, что мысли материальны. Весь этот месяц со мной работали психологи, пытаюсь вывести из странного состояния ступора. И лишь отец помог, однажды вечером без матери пришел ко мне и мы смогли душевно поговорить и, более того — всплакнули. Ему удалось убедить меня, что чужое сердце или даже другое тело не могут изменить мою сущность, потому что моё 'я' — это душа, а не кусок плоти. И благодаря его железной уверенности в этом, я поверила ему и приняла это для себя.

В юности отец перенес паротит, следствием заболевания стало бесплодие. Поэтому когда на свет появилась я, то стала для родителей бесценным сокровищем, а вот теперь умираю, а они ничего не могут поделать, не смотря на то, что наша семья является одной из богатейшей в России. Да, за деньги можно купить все, кроме любви и здоровья, и в этом я убедилась на собственном опыте. Из-за болезни полюбить не успела, а если операция пройдет неудачно, то и не смогу никогда. А ведь тайно от всех мечтала именно об этом.

Мама и папа, присев по бокам кровати, и взяв каждый по моей руке, с печалью в глазах смотрели на меня, а я только переводила взгляд, с пристальным вниманием следя за ними.

— Что случилось, говорите прямо, терпеть не могу секретов!

Мама тоскливо посмотрела в окно, а папа, спрятав боль из глаз, твердо и уверенно произнес, пожимая мою руку.

— Завтра тебя ждут в клинике в Германии. Для тебя нашли идеального донора. Та женщина попала в аварию сегодня ночью, ее мозг поврежден, и без аппарата невозможно поддерживать ее жизнь, да и с ним тоже долго не протянет. На все про все у нас не более трех суток, потом у нее начнут отказывать внутренние органы. Билеты в бизнес-класс я забронировал, с нами полетит твой врач для консультаций на месте и для подстраховки во время перелета. Не волнуйся, я с ним уже все обсудил и он считает, что обычным рейсом можно лететь. С администрацией аэропорта я договорился, нас пропустят без досмотра и волокиты. В Германии встретят представители клиники, где будет проведена операция. Так что скоро, солнышко мое, у тебя, наконец, начнется полноценная жизнь. Ты все сможешь, я в тебя верю, родная.

Пока слушала папу, глаза заволокло слезами. Господи, как же мне повезло с родителями. Столько любви и заботы ко мне. Не знаю других людей, кого любили бы так сильно и безмерно. Ради них я перенесу все, ведь они вложили в меня все что могли за шесть лет сплошных операций, уколов и процедур, они все время были рядом. Поддерживали, утешали, развлекали и учили всему что знали. Вытерев слезы, заметила как мама тоже готовится заплакать, а папа напрягся, опасаясь, что я расстроилась, смогла собрать себя в кучу и криво улыбнуться со словами.

— Я рада, что ситуация, наконец, подходит к своему логическому концу. Теперь или пан, или пропал, но честное слово, я устала так жить, хочется уже определиться с местом пребывания.

Последние слова вызвали у мамы неконтролируемые слезы, а папа слегка поморщился. Я же почувствовала что-то неладное, меня тревожило какое-то чувство недоговоренности.

Что они боятся мне сказать?

— Мам, пап, давайте без секретов, что еще случилось, и что вы боитесь сообщить?

Мама перестала плакать, круглыми глазами глядя на меня, все сильнее краснея, а папа сглотнул и нерешительно сказал, с тревогой посматривая на меня.

— Мама беременна! Три месяца уже! Оказывается! И только вчера догадалась об этом.

Последнее он как-то с ехидной усмешкой заметил. Наверное намекая на то, что женщина за сорок уже должна уметь замечать во время подобное состояние. Я, тоже округлив глаза, посмотрела на маму, которой в этом году стукнуло сорок три, и папу, в прошлом месяце отпраздновавшего свое пятидесятилетие, и только ухмыльнулась, отметив, что они, оказывается, до сих пор ведут активную половую жизнь, раз еще и детей делать успевают. А еще я представила, какой они испытали шок, узнав, что судьба подарила им еще один шанс стать родителями. Боженьки мои! Уже сейчас страшно за своего будущего братика или сестричку, ведь мама, живущая только папой и мной и отец, который кроме работы и своей семьи больше ничего и никого не видит и не любит, просто задавят своей заботой и любовью нового члена семьи. Но главное, у нас будет ребенок! Я не выдержала и громко, с замиранием сердца, счастливо выдохнула.

— У нас будет ребенок?! Охренеть! Родители, я вас люблю и уважаю!!! Папа, ты вообще супер, молоток! Боже, у нас будет ребенок! — я все повторяла это и повторяла, и не могла никак насладиться этой новостью и своим счастьем. Именно сейчас внутри отпустило, ушла тревога. Если я умру, не справлюсь, они выживут благодаря этому чуду, которое нам всем подарила судьба. Наш ребенок — моя страховка, что самые любимые люди на свете, смогут пережить боль расставания со мной. Если что!!! — Это такое чудо!

Заметив как папа и мама расслабились и вместе со мной счастливо улыбаются, в голову пришла тревожная мысль, которую я сразу озвучила, причем самым безапелляционным тоном, на который была способна.

— Извини, папа, но я лечу только с врачом. Вы с мамой поедете на поезде. Как раз к результатам поспеете. На самолете ей нельзя — это вредно для малыша, пока она будет одна добираться, посидит или заболит от тревоги, а это опять же вредно для здоровья. Сейчас будущий ребенок для всех нас — самый главный на свете. Мы с Петром Алексеевичем спокойно вдвоем долетим, подготовимся, прооперируемся, и я обязательно буду жить, потому что очень хочу увидеть нашего ребенка. — в душе понимала, что мои шансы пятьдесят на пятьдесят, но весело продолжила: — Вы же понимаете, что я за вас спокойна буду. Уффф, даже представить себе не можете, как обрадовали этой новостью. Мне теперь ничего не страшно, я все смогу. Я буду бороться и о плохом больше думать не буду. Спасибо, родные мои.

Они в шоке сидели и смотрели на меня, потом мама, судорожно всхлипнув и обвив мои ноги руками, уткнулась лицом в колени и зарыдала. Папа взял мою синюшную сухую ладонь, прижал к своей шершавой от щетины щеке и прохрипел, с трудом справляясь с эмоциями.

— Ты, дочь, только соберись, настройся на победу и все получится. Мы с мамой будем рядом, когда ты проснешься. Мы всегда будем рядом, чтобы не случилось, доченька. Только напрягись еще немножко, и все будет хорошо.

Мы еще час просидели вместе, словно прощались надолго. Мне почему-то показалось навсегда! И я не ошиблась...

Глава 2

Меня доставили в салон самолета и устроили в одном из кресел, прямо возле прохода и я оглядывала остальных пассажиров. Мы с Петром Алексеевичем сели последними в самолет, и после того как нас усадили, стюард сразу задрал двери и началась стандартная подготовка к взлету. А я с голодным любопытством продолжала вертеть головой. Все-таки это хоть какое-то приключение в моей жизни, и теперь, в свете последних событий, еще неизвестно — будет ли еще такая возможность потолкаться среди живого народа. В бизнес-классе располагалось всего двенадцать кресел, по два в трех рядах. Мой врач сидел возле окна, а я — возле прохода, и потому во всю использовала возможность с удобством разглядывать остальных пассажиров. Справа от меня, в первом ряду посередине салона, разместились две девушки моего возраста, судя по их редким репликам, они уже успели познакомиться или были знакомы до этого. Поймав на себе их любопытные взгляды, я улыбнулась и, отняв кислородную маску от лица, представилась.

— Привет, меня зовут Елена Севастьянова. Еду на операцию, надеюсь ее благополучно пережить.

Я сказала это с легкой усмешкой, а девочки, в первую секунду нахмутив лоб в сожалении, быстро взяли себя в руки и, улыбнувшись в ответ, по очереди представились.

— Привет, меня зовут Юля Крымова, я в гости к тетке лечу, она недавно замуж за иностранца вышла. — с веселой задорной усмешкой закончила высокая голубоглазая брюнетка, сидевшая чуть дальше от меня. После нее представилась шатенка с огромными раскосыми, потрясающей красоты глазами, золотисто-коричневого цвета.

— Привет, меня зовут Алев Штерн, лечу в Германию, потому что там, возможно, живут мои биологические родители. Я сирота и уже много лет ищу своих родителей и может быть немцы, к которым я лечу, они и есть. Кроме имени и фамилии ничего не помню о себе!

Юля и я с интересом и сочувствием посмотрели на эту красотку. Даже представить себе не могла, каково это — не иметь родителей. На пару минут меня отвлек вопросами о самочувствии Петр Алексеевич, а потом я снова повернулась к девушкам. Мы поболтали еще несколько минут о том, кто куда конкретно едет и где остановится, как уже набравший довольно большую высоту самолет затих, странная тишина резко ударила по напряженным от перегрузки взлета барабанным перепонкам. В этой оглушающей тишине, резко раздался щелчок, и все синхронно вздрогнули от того, что выпали оранжевые кислородные маски, затем самолет сильно тряхнуло, и в хвосте заорали. Крик длился всего секунду, за которую мы с Алев успели обернуться назад и увидеть огненный смерч, несущийся на нас. Непроизвольно схватившись за руки, посмотрели друг на друга, а затем нас накрыли огонь и боль. Боль длилась всего секунду, а может и меньше.

Темнота, тишина и я, парящая в нигде. Сознание никак не могло определиться где это нигде, но продолжало попытки это сделать, и почему-то от этого становилось очень больно и тоскливо. За что? Почему я? Мы? Ведь так безумно хочется жить! Я же так много не увидела, не почувствовала, не полюбила! Неожиданно показалась маленькая светлая точка, и я рванула к ней всем своим существом. Точка расширялась, в секунды превращаясь в большое светлое, но какое-то мутное пятно, неожиданно почувствовала, что не одна. Странное чувство, учитывая факт, что не чувствую тела, словно у меня нет его. Чувствовать без тела! Мысль появилась и пропала, как только заметила что-то знакомое. В этом сером

мареве проявилась сначала одна яркая звездочка, а потом и другая, и обе они подтянулись ко мне. Странно, но из ниоткуда пришло знание: это Юля и Алев. Они подплыли и слились со мной, отчего я почувствовала себя увереннее и спокойнее, и мы уже втроем куда-то плыли. То тут, то там из тумана выплывали похожие на нас звездочки разной степени яркости и суетливо мельтешили, то появляясь, то пропадая. Нас всех куда-то влекло, но мне становилось все хуже и страшнее, от этого. Всех в одно место, стало ужасно обидно и горько.

Я рванулась в сторону от этого стадного хоровода. Все сильнее пыталась вырваться из толпы и неожиданно почувствовала, что у меня есть поддержка в виде Юли и Алев. Не понимая моих действий, они, тем не менее, активно помогали рвать неведомые пути, которыми всю нашу поблескивающую толпу куда-то несло. Наконец, последний отчаянный рывок, и мы трое на свободе, неожиданно одни плывущие в серой пустоте. Сбившись в кучу, наша блестящая троица безмолвно парила в темной, но уже прозрачной пустоте. Времени здесь нет, и мы бы вряд ли смогли определить сколько вот так парили, пока неожиданно вдаль не увидели странное скопление огромных ярких звезд, напоминающих блестящее ожерелье из драгоценных камней на невидимой нити. Подплыв к ним поближе, мы застыли, замороженные этим сиянием, недоступным нашему пониманию. Между тем, темнота вокруг нас сгустилась, превратившись в чернильное пятно, причем с явным ощущением, что оно живое, а рядом с ним расплылось яркое светлое облако. И это облако почему-то выглядело таким родным для меня, таким притягательным, так хотелось слиться с ним в единое целое. Вся моя сущность засверкала, потянулась к этому облачку. А еще я услышала разговор. Станный разговор облака и чернильного пятна в пустоте, где ничто и нигде. Кажется я сошла с ума!

— Трое? Это странно, но зато как удобно, ты не находишь?

— Сестра, ты уверена, что приняла правильное решение?

— Да, родной, столько моих детей страдают, я должна им помочь исправить свои ошибки.

— Сестра, значит одна моя, мои дети уже слишком много заплатили за чужую вину, она станет искуплением и милосердием для них. Если ты правильно выберешь хрустальную слезу!

— Братец, не сильно ли ты много на себя берешь, требуя, что-то у меня.

— Я прошу у тебя. Ведь в них и твоя сущность тоже! Ведь это твои детишки как всегда неудачно поиграли в проклятье, ты не находишь.

В пустоте всплыло третье пятно, на этот раз тускло-серого цвета, и нагло вступило в напряженный разговор странной парочки.

— Брат, сестра, боюсь, вам обоим придется поделиться. Мои потомки вымирают, и скоро некому будет петь мне священные песни, и сила уйдет в пустоту, как и мы с вами. Мы слишком много дали воли своим потомкам, осталось мало времени и возможностей все исправить. Мы должны объединиться и решить эту проблему, иначе созданное погибнет, будет нарушен еще один закон мироздания, а главное, ожерелье миров распадется. Мне будет жаль, а вам?

Молчание остальных двух пятен тяготило души трех маленьких серебристых точек, зависших перед тремя высшими в ожидании неизвестно чего, но с трепетом вслушиваясь в разговор.

— Решено, дорогие братья, я согласна с вами. Каждому миру по одной возможности.

Одному из трех видов потомков шанс на выживание.

В моей голове раздался женский мягкий любопытный голос: 'Скажи дитя, чего ты хочешь больше всего?' Я ответила, не задумываясь: 'Жить! Хочу любить и быть любимой'.

Почувствовала и услышала такие же ответы своих спутниц, и то, как дернулись мы трое, поняв, что ответили синхронно в один голос. Значит это облако спрашивало одновременно всех? Серое пятно подобралось поближе, а я почувствовала холод, исходящий от него. Снова удивилась способности чувствовать при полном отсутствии тела.

— Занятные сущности, сестра? Не ошибись с выбором!

— Нам всем придется поделиться, брат, а тебе особенно, ведь твоему миру нужна двойная помощь.

Серый потемнел и облетел нас троих, снова сбившихся в кучу. Потом снова женский голос спросил.

— Кем ты хочешь быть, дитя мое?

И снова наш синхронный ответ, с легким удивлением в конце.

— Женщиной!

— Любой?

Мы молчали, не зная как ответить, вдруг Юля ответила, а мы мысленно с ней согласились.

— Какая разница, лишь бы молодой и красивой, но главное — счастливой!

Чернильное пятно заволновалось и тоже приблизилось к нам практически вплотную, но странное дело, Юля и Алев шарахнулись от него, а мне стало тепло и уютно.

— За счастье надо платить, ты готова, дитя мое?

Не раздумывая, с отчаянной надеждой выкрикнула, снова услышав нас троих.

— Да, я готова!

Светлое облако, изменив форму, задумчиво зависло перед нами, потом выдало.

— Да будет так! Дети, мы даруем вам новую жизнь и вы сами приняли ее таковой. Один дар на всех вы поделите между собой. И единое проклятье на троих, хотя и выраженное в разных формах, но вам придется с ним справляться самим и поодиночке. Это ваша плата за новую жизнь.

Мы шокировано молчали, но вопрос задал серый, все больше темнея.

— Ты решила, кто кому и как?

— Я решила положиться на судьбу, наши миры сами притянут достойную. А как? Я чувствую прошедших сквозь пламя, боюсь у них нет выбора. Им придется обвенчаться с ним снова, чтобы полностью возродиться в мире живых.

Как только в голове замолчал ее голос, они вплотную приблизились к нам, и вокруг нас закружился хоровод, в скором времени превратившийся в сверкающее кольцо с нами троими в центре. Серое марево нигде вспыхнуло миллионом искр, а затем сознание поглотила дикая обжигающая боль. Я горела, причем в буквальном смысле в белом племени. И умирала тысячи раз.

Глава 3

Я снова чувствовала, понемногу приходя в себя. Не открывая глаз, просто лежала и пыталась прочувствовать невербально, что со мной, где я и кто я. Тело не болело, но ощущалось как нечто чужеродное, хотя с каждой секундой это чувство смазывалось, и вскоре я смогла пошевелить пальцами рук и ног и с облегчением сделать глубокий вдох. Мое тело и оно меня слушается! И удивительное дело, именно сейчас поняла, что практически не чувствую свое сердце, а ведь за столько лет привыкла постоянно ощущать его боль и метания. Потянув носом, почувствовала странные ароматы витающие вокруг. Цветов, духов и, как ни странно, живых существ, потому что в этот момент не только почувствовала запах, но и услышала звуки и приглушенные голоса вокруг меня. Еще раз глубоко вздохнув, испытывая легкий страх в душе, открыла глаза и, проморгавшись, смогла, наконец, сфокусировать взгляд и оглядеться.

Я лежала в большой, богато декорированной золотом, лепниной и тканевой драпировкой комнате, в кровати истинно королевских размеров, с тяжелым бархатным балдахинном. Возле кровати стояли трое мужчин с нахмуренными лицами и напряженно наблюдали за мной. Судя по всему, они долго ждали пробуждения. От их вида у меня непроизвольно отвисла челюсть, вытянулось лицо и округлились глаза. Еще секунду назад, пока не открыла глаза, решила, что мне всего лишь приснился дурной сон. Я не летела на самолете, не погибла вместе с другими пассажирами, не скиталась по этому странному ничто и нигде вместе с двумя девушками и не участвовала в странном разговоре с непонятными пятнами-облаками. Сон, просто еще один дурной сон, навеянный лекарствами и болезнью.

А сейчас, рассматривая троих мужчин, стоящих вокруг кровати и пристально, с исследовательским любопытством следящими за моей реакцией на них, я поняла, что скорее всего сошла с ума. Причем стопроцентно! Очень высокие стройные мужчины худощавого телосложения, одетые в цветные бархатные камзолы, доходящие до колен, из-под которых выглядывали штаны, скорее всего из тонкой кожи. Полусапожки из более грубой, но искусно выделанной кожи, с разноцветной росписью на бортах. Слишком высокие, слишком стройные и слишком высокомерные, нереально прекрасные лица. От их красоты сводило скулы и хотелось прищуриться, чтобы не слепило глаза. Светлая мраморная кожа, вытянутые лица с тонкими ярко-малиновыми губами, аристократические носы с тонко вырезанными ноздрями и огромные кошачьи глаза разных цветов. А главное, большие плоские, с длинными кончиками, смешно загибающиеся вбок уши. Эльфы! Не совсем стандартной и привычной фэнтезийной наружности, но перепутать их с другими нереально. И это в 21 веке.... А где? А.... Ага, значит не все сказки врут, а? Или я все-таки сошла с ума!!!

Прямо передо мной, стоял мужчина в синем бархатном камзоле с серебристой вышивкой на воротнике и манжетах, с карими влажными, скорее коровьими глазами и шоколадного цвета волосами, заплетенными в длинную косу, спускающуюся ниже ягодиц. Мне его даже жалко стало. Как с такой тяжестью на голове все время ходит? Осматриваю следующего. Золотистый блондин с яркими зелеными глазами травяного оттенка, взгляд которого оставил в душе тревожный осадок и плохие предчувствия. На его лице высокомерие смешивалось с напряжением и злостью в глазах, сложилось впечатление, словно я таракан, который участвует в забегах, и если не оправдаю его ожиданий, то меня

просто раздавят как бесполезное насекомое. Я перевела взгляд, с еще большим страхом посмотрев на последнего члена этой троицы, — серебристого блондина, но и он не спешил приветствовать меня радостной улыбкой. Сложив длинные тонкие руки на груди, с едва скрываемым презрением, смотрел мне в глаза. Обалдеть, какой радушный прием!

С трудом сглотнув вязкую слюну, снова вернулась взглядом к шатену, он, к удовольствию, на меня как на насекомое не смотрел. Что ж, и на этом спасибо. Однако за сочувствием и печалью, с которыми тот наблюдал за мной, скрывался жесткий научный ум. И безмерная усталость. За время долгой болезни я отлично научилась читать по лицам, сколько бы их не старались сделать непроницаемыми, жесты, мимика, взгляды, речевые обороты все равно всех выдавали. Наконец, кареглазый заговорил на непонятном языке. Речь изобиловала, журчащими и свистящими звуками, от которых хотелось залезть пальцем в ухо и хорошенько его почесать. Я тупо пялилась на него, а потом не нашла ничего умного как просто поджать губы и, словно извиняясь, пожать плечами. Но почему-то языковой барьер меня не огорчил, а скорее дал легкую надежду, что с ума я не сошла. ПОКА! А то мал эльфы, так еще и язык их сразу понимать, тогда точно сказка или дурной сон, а так все нормально. Ну попала куда-то, ну очнулась неизвестно кем и где. Пока есть вопросы, мозгам некогда скатываться в истерику и панику. А тем более, сходить с ума! Сейчас важнее определиться со всей ситуацией в целом, а потом вдаваться в частности.

Эти хмурые товарищи, наконец, догадались, что я их абсолютно не понимаю и, повернувшись друг к другу, злобно зашипели. Причем сильнее всего шипел золотой, а шатен просто оправдывался. Серебристый же только вставлял едкие замечания, от которых и золотой, и шатен скрипели зубами от злости. Я по-прежнему лежала молча, затаив дыхание, пристально разглядывала мужчин и, старалась все осмыслить и разложить по полочкам. Яснее ясного, это не сон, как бы не хотелось, по этому злобно настроенному серпентарию понятно, такое даже в самом страшном сне не приснилось бы. Фантазии бы просто не хватило. Поэтому я мучительно, слово за слово восстанавливала наш разговор с пятнами. Что я там захотела? Жить, любить и быть любимой, а где все это и принц на белом коне? Дальше вопрос стоял — кем быть? Ответили — женщиной, правда, любой, а что это значит? От этого вопроса засосало под ложечкой и срочно захотелось взглянуть в зеркало. Тут же вспомнила, как Юлька добавила — молодой и красивой, а главное, счастливой. Я, конечно, не против быть эльфийкой, а вдруг, нет! Ведь мы не уточнили, для кого именно красивой? Как долго? И когда быть счастливой? И даже молодость — весьма относительное понятие. Трупы на кладбищах тоже могут быть женщинами, молодыми и совсем недолго красивыми и вполне возможно — счастливыми... что покинули этот бранный мир.

Накрутив себя до невозможности, с трудом села, свесив ноги. Первое, что заметила — у меня тонкие белые руки без привычной болезненной сухости и синюшности, с длинными изящными пальцами с прекрасным маникюром. Опустив взгляд чуть ниже, поняла, что одета в длинное до пола бархатистое платье черного цвета с золотой вышивкой по всей поверхности и цепочкой маленьких пуговичек от горла до самого низа. В голове возникла и вовсе глупая для данного момента мысль: 'Как этот шикарное платье расстегивать-то долго придется. Зато оказывается я такая же стройная как и мужчины, стоящие в молчании и наблюдающие за мной с живым любопытством.' Подвинулась к самому краю кровати и неуверенно встала на ДВЕ ноги, испытывая легкое головокружение и тошноту, а еще слабость в ногах. Покачавшись из стороны в сторону, подняла взгляд на шатена, с восхищением глядящего на меня, и с облегчением улыбнулась ему. Потом снизу вверх

смотрела на него, на глаз определяя, что теперь мой рост приблизительно метр семьдесят, не меньше. Но учитывая тот факт, что смотрю на него, задрав голову, его рост приближается к двум метрам. Повернувшись к двум другим мужчинам, такого же роста, кстати, и, заметив их недовольные лица, сама скривилась и про себя обозвала двумя сушеными воблами. Зато между ними увидела большое зеркало от пола до потолка и, пошатываясь, поплелась к нему, с каждым шагом чувствуя, что все больше срастаюсь с этим телом и привыкаю к нему как к родному. Встав напротив зеркала, с трепетом в душе, взглянула на свое отражение и оцепенела от счастья и зависти к самой себе. Спасибо вам, дорогие мои пятнышки, что не обманули и такой подарочек сделали.

Из зеркала на меня смотрела высокая стройная изящная девушка не старше двадцати лет с округлой высокой грудью и тонкой талией, по плечам и спине которой разметалась волна пламенеющих волос. Огромные глаза цвета молодой зеленой листвы, омытой дождем, украшенные густыми красноватыми ресницами и бровями. Тонкий нос и мягкие, четко очерченные, слегка припухлые губы ярко-малинового цвета. И уж совсем очаровали небольшие, с острыми кончиками ушки, выглядывающие из-под красной массы волос, не то что у этих злющих вобл. Проведя первый придирчивый осмотр своей новообретенной внешности, наконец, смогла облегченно выдохнуть. Слава богу, с внешним видом неприятных сюрпризов не вышло. Я старалась запомнить, сродниться с новым образом, настолько сильно отличающимся от прежнего, что как не искала, не смогла найти ни одной знакомой черточки. Я — человек умерла во взорвавшемся самолете, сейчас на меня смотрела я — эльфийка, и мне с трудом удавалось сдерживать себя и не заплакать от накативших страха и отчаянья. Первый восторг прошел, уступив место потерянности и странной пустоте внутри. Что теперь со мной будет? И как родители переживут мою смерть? Оставалось только надеяться, что благодаря маминой беременности, на них эта трагедия отразится не так губительно. А я сейчас могу только ждать и наблюдать за развивающимися вокруг событиями, не в силах пока ничего изменить. И панике рядом со мной не место!

На ногах я стояла уже твердо, довольно быстро привыкнув и к длине тела, ног и рук, и ощущению себя в пространстве, поэтому смогла более уверенно обернуться и в тревожном ожидании посмотреть на мужчин. Они смотрели на меня, а я — на них. Как сказала одна героиня в произведении Моэма: 'Если уж решилась взять паузу — то держи ее, сколько можешь!', поэтому я, чуть подняв бровь, молча взирала на них. Наконец, шатен не выдержал и спокойно произнес, тыкая себя пальцем в грудь.

— Эл Галдор Доанодаэ!

Я повторила за ним и, получив в ответ довольный утвердительный кивок, он продолжил, переведя палец на самого злобного блондина, и представил его мне. Наверное.

— Эл Бельфалас Аундаэ!

Я снова повторила и снова кивок и последний мужчина.

— Эл Ваньяр Аундаэ!

Когда он представил второго блондина, я поняла, что они родственники. По крайней мере, сходство имеется, небольшое. Затем Галдор переместил палец на меня и произнес, удивив меня.

— Эла Эленаль Аундаэ!

Я непроизвольно отрицательно покачала головой и сказала с нажимом.

— Елена Севастьянова!

Бельфалас, со сверкающими злобой и бешенством глазами, подскочил ко мне и, тыкая мне в грудь пальцем, от чего меня сильно качнуло назад, прошипел.

— Эла Эленаль Аундаэ!

Только повторил имя, а мне все сразу стало понятно. Похоже, я его родственница и заняла чужое тело, и именно это его так бесит и рождает бесконтрольную ненависть ко мне. Но ведь я не виновата в этом. Моя и так слабая уверенность в лучшее сдулась как воздушный шарик, и я смогла только с сочувствием посмотреть ему в глаза, чем похоже только еще больше его разозлила и коротко кивнув головой, тихо согласилась.

— Эла Эленаль Аундаэ!

С меня не убудет, тем более Елена Севастьянова погибла, а на свет родилась Эленаль. Ну хорошо хоть имена похожи, долго привыкать не нужно. А то вокруг и так к слишком многому привыкать придется. Заметив, что я согласилась и смирилась, Бельфалас успокоился и, повернувшись к Галдору, что-то резко сказал. Больше не глядя на меня, развернулся и вышел из комнаты. Ваньяр, все это время стоявший и молча наблюдавший за моим поведением, презрительно скривив губы, тоже последовал за родичем. Я разом почувствовала, как на меня навалилась усталость, страх и одиночество, к которым я совсем не привыкла, испуганно повернулась к Галдору. Мужчина, выглядевший не старше тридцати лет, посмотрел на меня глазами, в которых светился ум, накопленный многими десятилетиями, от чего почувствовала себя еще хуже. Галдор, подхватив меня под локоток, подвел к кровати и, чуть надавив, заставил сесть. Затем поднял мой подбородок, вынудив смотреть ему в лицо, показал жестами, что говорить я не должна и, сухо улыбнувшись, тоже удалился, но как оказалось, не на долго — буквально через пару минут вернулся обратно, а позади него шла тоненькая красивая эльфийка с золотистой косой до пояса. Подойдя ко мне, девушка застыла, в напряжении глядя на меня, а Галдор представил ее.

— Эла Финвэаль!

Я только кивнула головой, а он, снова довольно улыбнувшись, о чем-то поговорил с ней, кивнул мне и вышел. Девушка же, скептически посмотрев на меня, присела рядом и начала споро расстегивать пуговички на халате. Я вздрогнула от неожиданности, но потом отрешилась от всего и безучастно смотрела в пространство, позволяя раздевать и одевать меня в легкое и, похоже, 'спальное' платье. Как только меня переодели, Финвэаль, прислуга видимо, решила я обозначить статус эльфийки, вышла и вскоре вернулась с другой девушкой, которая не глядя на меня, занесла в комнату большой поднос и быстро накрыла столик, стоящий неподалеку. Закончив, она поклонилась мне и вышла за дверь. Финвэаль жестом пригласила меня к столу, и как только я уселась за него, присела на рядом стоящее кресло. Я без удовольствия поела под пристальным, но вполне довольным взглядом девушки, а потом, не спрашивая, легла спать. Слишком устала от череды событий и потрясений.

Закрыла глаза, и через минуту услышала, как тихонько хлопнула дверь, оповещая меня, что служанка ушла и я, наконец, осталась одна. Больше не сдерживаясь, уткнувшись в подушку, зарыдала. От боли в душе за родителей, которых никогда не увижу, от обиды на этих нелюдей, которые ненавидят меня, и хотя я не понимаю от чего, легче от этого не становилось. От одиночества, благодаря родителям я к нему совсем не привыкла, они всегда были рядом, поддерживая, любя и защищая от невзгод. А еще от неуверенности в себе и страха, ведь я слабая неуверенная в себе двадцатитрехлетняя девушка, которая за последние шесть лет мир видела в основном с экрана телевизора. Уже на грани между сном и явью неожиданно вспомнила, что несколько часов практически не чувствовала своего сердца. Я

уже поняла, что здорова, и оно не должно беспокоить как раньше, но почему-то чувствовала странную пустоту вместо привычного ощущения его биения. Паника закралась в душу, и сон унесся прочь. Вытащив руку из-под одеяла, положила ее на запястье и напряженно замерла. Пульс был довольно ровный, хорошего наполнения и без каких-либо нарушений. Немного успокоилась, но именно сейчас, после проверки пульса, до меня дошло, наконец, от чего так тревожно: все что произошло сегодня с того момента, как очнулась в неизвестном мире, я воспринимала только душой, а не сердцем. Это душа металась между страхом и отчаянием, восторгом от нового тела и горечью от расставания с родителями. Все испытанные мной сегодня эмоции и чувства рождались в моей душе и АБСОЛЮТНО не затрагивали сердца словно его и не было. И вот сейчас до меня дошло, почему так все спокойно и смиренно принимаю, почему все мои эмоциональные реакции на столь кардинальные изменения в жизни и судьбе словно приглушены. Не так ярко как были раньше, в той другой жизни, которая с каждой прожитой в этом мире минутой все более блекла и стиралась. Только думы о родителях оставались зияющей раной в душе. Мое сердце не умеет чувствовать!!! И эта новость в довесок к душевному раздору, прибавила дополнительных тревог.

Следующие два месяца моей эльфийской жизни пролетели весьма насыщенно. Две недели с помощью магии Галдора я, не вылезая из его лаборатории, учила эльфийский язык, при этом учитывая разные диалекты и особенности произношения в разных частях этого мира. За это время я отдыхала по пять часов в сутки с учетом трехразового питания и походов в туалет. Только учила и учила до кровотечения из носа от применения ускоряющих запоминание заклинаний. Через неделю ускоренного тренинга с трудом, но мы смогли пообщаться с учителем. И первый его вопрос был о том, кто я такая и откуда, а главное, какой расы. Кратко поведав свою историю, опустив некоторые моменты, связанные с встречей и разговором с высшими 'пятнами', выяснила у своего учителя, что я — единственная дочь Бельфаласа и племянница Повелителя светлых эльфов.

Бывшая хозяйка моего тела две недели назад баловалась запретной магией в надежде отомстить ненавистной сопернице. Эленаль провела пробный обряд обмена душ, а в итоге, напутав с заклинаниями (думаю, не без помощи высших) во время процесса, нечаянно упала внутрь пентаграммы. Ее душу выловить из хаоса не смогли и призвали любую свободную, чтобы тело Эленаль не погибло, оставаясь бездушным. На вопросы почему и для чего это было сделано, Галдор ответил весьма расплывчато, пояснив, что наследница у Бельфаласа одна, это раз, а во-вторых, если кто-то узнает, чем занималась его дочь, когда ее сущность погибла, то будет запятнана честь великого рода Аундаэ. А Бельфалас лучше глотку себе перегрызет, но подобного не допустит. А я подумала, что не он себе глотку перегрызать будет, а его два братца: самый старший — Иллуин Аундаэ в Повелителях состоит, а двоюродный — Ваньяр Аундаэ с удовольствием бы себе путь к трону расчистил. А то эльфы живут уж больно долго, и ждать когда конкуренты на столь выгодное теплое место сами уйдут к предкам можно до бесконечности, а вот помочь им это сделать, Ваньяр с превеликим удовольствием бы взялся. Но честь рода порочить никто из них не посмел бы, чтобы другим не давать повода роптать и возмущаться.

Как только язык с нечеловеческими усилиями, в буквальном смысле, мною был освоен как родной, чего Галдор в первую очередь и добивался, чтобы никто подмены не заметил, начался второй этап обучения — основы жизни эльфов. На это ушел месяц. Этикет, история, география и дополнительно меня нагрузили изучением языков других рас, населяющих Лайвос, так называется этот мир, выбравший меня из трех претенденток. Полтора месяца изматывающей учебы без права выйти наружу или хотя бы вдохнуть свежего воздуха. Только моя комната, из которой под присмотром моей придворной дамы — служанки Финвэаль я шла в другое крыло дома Аундаэ в лаборатории Галдора, служившему старейшему дому светлых эльфов в качестве мага и целителя, и снова учеба. До потемнения в глазах и потери сознания.

Как только элементарные основы были более-менее пройдены и закреплены, выяснила, почему меня провожает таким странным взглядом вся прислуга. Случайно, в одной из галерей дома увидела портрет юной Эленаль, на котором она была изображена блондинкой, причем сильно похожей на отца ярким золотом волос. Я же всех шокировала огненной шевелюрой. На мой вопрос об этом странном изменении, Галдор затруднился ответить и лишь заметил, что возможно это результат запретной магии и перерождения души. А я почему-то тут же вспомнила, как выразилась облачная высшая, решая в каком качестве

выпустить нас в новый мир: 'Венчанные с огнем.' Видимо это означает: от огня погибли, в огне и родимся, не совсем понятно, но вполне возможно цвет волос изменился именно по этой причине. Как часть того огня во мне, ведь до гибели на земле я была брюнеткой. А вот всем остальным домочадцам и представителям рода он дал другое объяснение, якобы это результат неудачного магического эксперимента. Оказывается, любой эльф обладает начальными задатками магии. Магией земли, если быть совсем точным, как выразился Галдор. В основной своей массе светлые использовали этот вид магии для общения с природой и в быту. Крайне редко среди светлых встречались эльфы, обладающие другими видами магии, в том числе истинные целители, такие как Галдор, и как это ни удивительно, теперь и я. Эльфы, ввиду особенности своего организма, обладали хорошей регенерацией, но существовало довольно много способов их убить или покалечить, когда ни одна регенерация не спасет. По крайней мере, отрачивать конечности они не умели, и если уж кого-то из них ранили серьезно, эльф мог запросто умереть от сильной потери крови, не успев залечить все повреждения. Именно поэтому любые целители были подобны редкими бриллиантами среди простых булыжников. И ценились они весьма высоко не только у эльфов, но и у других рас нелюдей, да и у людей тоже.

Каждый день, по окончании занятий возвращаясь к себе в комнату, я падала от усталости и забывалась тревожным сном, но не позволяла себе раскисать или капризничать. У меня на это элементарно не хватало времени, даже на то, чтобы просто задуматься над своей новой жизнью. Скорее всего, это было к лучшему, у меня пока были лишь вопросы и ни одного полного ответа. Я была благодарна Галдору, который с таким остервенением натаскивал меня и вколачивал знания, ведь себя он тоже не жалел, обучая меня. Лично для меня эти знания и опыт, которыми он со мной вынужден был делиться, имели жизненно важное значение. После того как новообретенные родственники узнали, что моя душа раньше принадлежала человеку, их отношение ко мне еще больше ухудшилось — мизерное общение вовсе сошло на нет. Неизвестно, что там по поводу меня думает новый папочка, ведь каждый раз, когда мы изредка сталкивались с ним или его двоюродным братом Ваньяром в коридорах, меня встречали и провожали взглядами, полными презрения и ненависти. Я не питала иллюзий на сей счет, вряд ли смогу хоть как-то изменить их отношение к себе, и поэтому с еще большим энтузиазмом погружалась в учебный процесс, чтобы лишней раз не думать о причинах такого отношения к себе, справедливо полагая, что когда-нибудь знания о мире Лайвос спасут мне жизнь. Узнавая об этом мире все больше, с легким трепетом и стыдом радовалась, что стала эльфийкой, а не какой-нибудь человеческой крестьянкой. Все-таки двадцать три года меня воспитывали в роскоши и комфорте. Единственное, что я умела — это готовить, потому что моя мама всегда сама царствовала на кухне, полагая что пища, приготовленная с любовью и заботой о нас, гораздо вкуснее и полезнее для ее любимого мужа и единственной дочери. Меня она тоже научила готовить, чтобы в будущем я сама заботилась о желудке любимого мужчины. Она, не смотря ни на что, надеялась на лучшее, мечтая что я смогу когда-нибудь выздороветь и встретить своего единственного и неповторимого. Каждый раз когда я думала о родителях, на глаза наворачивались слезы горечи, невосполнимой потери и чувство одиночества. Я молилась о них, чтобы они смогли пережить боль от моей гибели там, на Земле, и чтобы рождение ребенка и забота о нем помогли им в этом. Конечно один ребенок никогда не заменит другого, но что я могла поделать, я и себе-то пока ничем не могла помочь, только штудировала учебники, пока выдалась такая возможность и время.

Из истории и общих основ я выяснила, что на Лайвосе существует несколько разумных рас: эльфы, драконы, люди, оборотни, вампиры, гномы и множество не слишком разумных, но тем не менее, многочисленных видов живых существ. Каждая раса занимала свою территорию в этом мире, где среди морей и двух океанов располагался один огромный материк, напоминающий восьмерку. Отношения между видами и расами оставляли желать лучшего, как всегда и везде, но пока войн не было. Хотя в этом мне повезло. Самые многочисленные народы — это гномы и люди. Они без проблем сосуществовали друг с другом, селились в одних городах и с охотой вели торговые дела. Дальше по численности шли оборотни, которые делились на разные подвиды, кланы, роды и семьи. Из них самые распространенные и быстро размножающиеся относились к семейству кошачьих, но были такие как волчьи, у которых за последнее время возникло слишком много проблем с рождаемостью. Мало женщин и много мужчин, а отсюда — проблемы в кланах и мелкие стычки между родами.

Вампиры — закрытая раса, облюбовавшая себе болотистые низины в поймах рек, редко появлялись в городах из-за всеобщей ненависти к их виду и способу питания. Для этих кровососов не было различий кем питаться, и представитель любой расы опасался с ними сталкиваться. Весьма мрачные мстительные зловещие субъекты эти вампиры. Драконы довольно многочисленны, но и у них всегда были проблемы с женщинами. Слишком ветреные самки часто меняли мужчин, которые найдя свою половину, уже не могли ее сменить, так и мучились, вытаскивая свою женщину то из одной кровати, то из другой. Бедняги, мне их даже жалко стало, пока Галдор не пояснил, что эти ящеры не гнушаются воровать женщин других рас и превращать в свои личные персональные игрушки!

И вот, наконец, я дошла до эльфов, которые делились на два основных вида: светлые и темные. Темные именовались эльфанами, что в переводе с эльфийского означало темный эльф. Причем от светлых они отличались и внешне, и культурно. Исходя из лекций Галдора, я сделала неоднозначные выводы о темных. Светлые все такие утонченные, просвещенные, наделенные нереальной красотой и изяществом, а темные — это здоровые клыкастые животные с мерзким характером и звериными замашками, обладающие светлыми волосами и темно-серой шкурой. Я задумчиво слушала Галдора и раскладывала полученную информацию по полочкам. Если эти высокомерные светлые, которые всех остальных мусором под своими ногами считают, все время интригуют и устраивают заговоры даже друг против друга, про остальные расы я вообще молчу, то тогда темные — это вообще что-то с чем-то. Мне даже представить страшно, как они выглядят и как живут. Особенно после того, как Галдор вскользь заметил, что темные уже давно не покидают своих пределов и вообще они прокляты. Выспрашивать дальше не стала, у меня и так вопросов куча. А в подробности могу и позже углубиться, когда времени больше будет.

После двух месяцев учебы, я с удивлением узнала, что Эленаль и мне, соответственно, через месяц исполняется тридцать лет, и я стану совершеннолетней женщиной. Должна буду пройти обряд посвящения, который покажет, приняла ли меня богиня и защитница светлых — Алоис. Тему религии и богов я затронула только сегодня и, узнав о том, что меня ждет через месяц, немного занервничала. Оказывается Лайвос — языческий мир, где правит многочисленный пантеон богов, что странно лично для меня, потому что я встретила только троих. Пятен! У каждого народа свои боги, конкретно светлые эльфы боготворят и преклоняются только Алоис, а темные — Черному Тринимаку. Как только я услышала про черного, вспомнила чернильное пятно и еще больше встревожилась. Столько богов, а меня

бедную несчастную даже защитить и успокоить некому. Последнее время напряжение, постоянный страх и цинизм, с которым я на все реагировала, используя его как защиту, начали сказываться на мне, превращая в бледную, натянутую словно струна, особу. Если и дальше так пойдет, струна моих нервов может не выдержать и лопнуть от малейшего напряжения. И все же за это время я выяснила, что мое сердце иногда испытывает неяркие эмоции. Хотя в основном это было чувство страха. Именно страх заставлял биться чуть чаще мое холодное сердце. Так странно, ведь раньше даже больным оно трепетало от радости, любви к близким, от счастья или нежности, а теперь скорее не мешало мозгам действовать спокойно и рассудительно. И только душа горела внутри, взяв на себя все тревоги и печали.

Как только я освоила основные языки и общие основы, мне разрешили одной гулять по дому и пользоваться библиотекой. Финвэаль больше не следила за каждым моим шагом, а Галдор с большей охотой позволял самостоятельно заниматься. Его магические резервы, уже основательно на меня потраченные, требовали небольшого отдыха и пополнения. Особенно сейчас, когда теория закончилась и началась практика. Галдор начал тестировать мои магические способности. Его радости не было предела, когда он выяснил, что новая я имеет гораздо больший целительский потенциал, чем раньше, о чем с удовольствием сообщил моему папеньке. Именно в тот день я услышала то, что изменило мою жизнь еще раз.

Я быстро шла по коридору, спеша уединиться в библиотеке и взять интересную книгу — подробный справочник по видам и расам. Еще я надеялась найти какое-нибудь пособие по магии и целительству, ведь надо же развивать что имеешь. Но проходя мимо кабинета Бельфаласа, услышала возбужденный голос Галдора, и как всегда презрительный и недовольный — отца. Про себя я уже спокойно называла его отцом, ведь в этом мире он действительно мой биологический отец и с этим фактом тоже пришлось примириться.

— Эл Бельфалас, рад сообщить вам, что благодаря этому обряду она удвоила свой потенциал. Это же потрясающе, у нее же неограниченный запас энергии. Я впервые с таким сталкиваюсь и это за мои три тысячи лет.

— Благодаря этому обряду, как вы выразились, Галдор, я потерял дочь, а взамен получил эту жалкую человеческую душонку. Если об этом узнают, меня опозорят на весь Светлый Лес. Чистокровная аристократка с гнилой человеческой сердцевиной. Глупая девчонка, как она могла пойти на такое, пытаться провести темный обряд в моем доме. Зачем? Ради того, что бы извести соперницу? Из-за этого малолетнего идиота Халаавал?! О Алоис, что с этими юнцами делают гормоны и простая тупость! Если бы за Элиналь не следили, она бы уже несколько лет назад опозорила меня, променяв свою честь и родовую гордость на несколько мгновений плотского удовольствия. Никакой гордости и достоинства у нынешней молодежи! А теперь эта презренная тварь заняла тело моей дочери, и я должен с этим мириться. Ведь в ней течет моя кровь. Кровь правителей Аундаэ!

Я застыла изваянием за дверью и слушала этот голос, сочащийся ненавистью, злобой и презрением. Ко мне! Следующие его слова, чуть не остановили мое сердце.

— Галдор, я хочу знать, можно ли изъять ее душу из тела моей дочери? Снова? Или обменять на другую?

— Нет, высокородный эл! Только добровольно, но и... Нет! Я просмотрел все свои записи, и к тому же ваша дочь все напутала, никто бы не смог повторить ее обряд и найти в чем состояла эта ошибка. Так что тело вашей дочери теперь навсегда принадлежит человечке и уже сроднилось с ней, если даже магия вернулась и приняла ее как равную.

— Остается только убить, да?! — в голосе Бельфаласа послышалась ехидная усмешка,

которая выстудила мне внутренности страхом. Предложение Галдора дало возможность вздохнуть чуть свободнее.

— Эл, послушайте меня, за месяц до совершеннолетия этого делать не следует. Пойдут слухи! Во время посвящения многое может произойти... Есть вероятность, что ее не примет богиня, и у нас будут развязаны руки. Возможно тогда у вас будет способ еще больше поднять свою репутацию за счет этой человечки. Или можно использовать ее как инкубатор для ваших внуков. Люди такие влюбчивые, если бы вы нашли ей мужа с чистой родословной, но верного вам, можно было бы заключить брак и, получив потомство, отправить ее душу туда, откуда она появилась. На кратковременный брак с этой нечистой ради великой цели, я думаю, ваш будущий протеже бы согласился. Главное, чтобы он хорошо сыграл свою роль влюбленного идиота. Можно даже не посвящать никого в нашу проблему, а просто подобрать ей нужного мужчину, и внуки наполнят ваш дом. А потом убрать лишнюю помеху из вашей жизни.

Молчание в комнате говорило о том, что сейчас мой папаня решает, умереть мне сейчас или размножаться как свиноматке. Если два месяца я не обращала внимания на негативное отношение ко мне Бельфаласа, понимая его чувства, связанные с потерей дочери, то сейчас в моей душе впервые в жизни разливалась ненависть. Он ненавидит меня за то, что я внутри человек, а не за то, что заняла место его дочери. И ту судьбу, которую он мне готовит, я не заслужила, никто не заслуживает! Уткнулась лбом в стену, опершись на ладони, и замерла в ожидании ответа Бельфаласа.

— Ты прав, Галдор! Как всегда прав! Если она сможет пройти обряд и стать совершеннолетней, я выдам ее замуж. Причем у меня на примете даже жених имеется. Бэор Сарендаэ имеет чистую кровь, но казна его рода пуста как старый пень внутри. Он, не задумываясь, примет мое предложение. Мне не придется кого-то посвящать в наш позор, ведь Эленаль прекрасна как богиня, если бы не эта человеческая сущность, она бы многого добилась. Бэор будет покорен ею, а для кратковременного брака этого достаточно. Все будут в выигрыше. Подготовь ее к обряду совершеннолетия как следует, ведь там будут присутствовать главы всех родов, и я не хочу, чтобы она опозорила меня еще и там.

Дослушав этот приказ, стараясь ступать бесшумно, рванула по коридору. Забежав в библиотеку, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, пытаюсь перевести дыхание и успокоить нервы. У меня всего месяц, чтобы решить как жить дальше. И главное, где? Не со светлыми — это точно.

За неделю до моего эльфийского совершеннолетия, после которого я гипотетически стану свободной полноправной женщиной, меня познакомили с Росой. Я сидела в библиотеке и штудировала справочник рас и видов, уже дойдя до драконов, как ко мне зашел Ваньяр и, презрительно дернув краешком губ, сообщил, что отец хочет преподнести мне подарок. У меня от удивления непроизвольно взлетели брови, а в душе начали нарастать паника и страх. Сюрпризы я с детства не люблю, а уж от своего нового папочки и подавно. Я уже строила самые мрачные гипотезы по поводу того, что там за подарок, как Ваньяр, взяв меня под локоть, вывел на улицу, еще раз заставив мои брови оказаться на лбу от удивления. Наш дом, словно вплетенный в окружающий лес, огибал несколько огромных толстых деревьев, тянущихся к небу. За время учебы я выяснила, что климат на Лайвесе практически везде субтропический, поэтому здесь нет привычной мне растительности и особенно хвойных пород деревьев. Повсюду, куда бы я не смотрела, расстилались зеленые поля сочной травы, пестрящей разными цветами, высокие деревья радовали взгляд яркой листвой. В ветвях деревьев сутились мелкие животные, иногда гневно попискивая на соседей или устраивая мелкие склоки, порхали красивые бабочки, а в бескрайнем голубом небе величественно плыли облака, соперничая в высокомерии с огромными хищными птицами, зорко высматривающими добычу сквозь густой лиственный покров. Я с наслаждением вдыхала запахи утреннего леса, с любопытством озиралась вокруг, но заметив это, Ваньяр резко сжал мой локоть, а потом прошипел мне на ухо.

— Ты забылась, Эленаль? Или первый раз видишь свой дом и лес? Откуда такое простодушное любопытство?

Каждое его слово сочилось ехидством и иронией, напоминая о том кто я, где я и как не должна себя вести. Сглотнув горечь во рту, выпрямила спину и, задрвав подбородок, уставилась прямо перед собой. Заметив его насмешливую ухмылку, отвернулась в сторону, про себя твердя, что он не стоит моих слез и нервов. Мы не торопясь дошли до длинного одноэтажного каменного здания и прошли в ворота. Как только мои глаза привыкли к небольшому сумраку внутри здания, я замерла, приоткрыв рот и забыв как дышать. Это была конюшня! Внутри здание было разделено на три части, справа и слева находились денники, а посередине — широкий чистый проход. Мы шли по нему, и я с восхищением смотрела на волшебных созданий, которые с таким же интересом рассматривали меня. Все как одна белоснежные, без единого темного пятнышка на шкуре, с переливающейся серебром гривой и такими же серебристыми влажными глазами. Пофыркивая, они косили глазом на нас с Ваньяром, а мы все шли и шли дальше. Наконец, подойдя к одному из денников, Ваньяр остановился рядом с эльфом в рабочей одежде, который подобострастно смотрел на нас. Ваньяр, не обращая на него внимания, зашел в денник и, подойдя к кобыле, похлопал ее по холке.

— Хитаеглир, эл Бельфалас дарит Росу эле Эленаль на совершеннолетие. После болезни она плохо чувствует себя в седле, и в твои обязанности теперь будет входить ее обучение верховой езде заново, каждое утро на заре. Она не должна опозорить честь рода Аундаэ на обряде. Ты все понял?

Последний вопрос он произнес с таким нажимом, что даже я поняла, если за эту неделю не научусь ездить на лошади не поздоровиться не только слуге. Хитаеглир почтительно

поклонился, не выразив ни толики удивления, почему это вдруг наследница разучилась ездить на лошади. Ваньяр снова продемонстрировал нам свою презрительную усмешку, и тем не менее, коротко мне поклонившись, быстро удалился. Я же снова надела маску надменного цинизма, чтобы не наклепать на себя гнев своих родственников, если обо мне пойдут какие-либо слухи и, подняв подбородок, посмотрела на конюха. Тот смутился, заметив, что я поймала его любопытный взгляд, и засуетился, принявшись седлать Росу. Я очень внимательно следила за его действиями, подмечая малейшие детали, зная что в будущем мне это тоже пригодится. Хитаеглир вывел лошадь из денника наружу, я следовала рядом с ним, все больше потая от страха и подозрения, что возможно скоро умру, просто упав с лошади и сломав себе шею. Может мои родственнички специально подстроили это, чтобы быстрее от меня избавиться.

На свежем воздухе конюх остановил Росу и, повернувшись ко мне, замер в ожидании. Я смотрела фильмы с участием лошадей, поэтому чисто теоретически знала, как садиться на лошадь, но вот сама этого никогда не делала. Подойдя к Росе, решила с ней сначала познакомиться. Медленно протянула руку к ее морде и, с трудом скрывая дрожь, ласково погладила ее между глазами, потом нос, холку, все время рассказывая ей какая она красивая. Та косила глазом в мою сторону и, перебирая губами, пофыркивала. Закончив, заметила, что Хитаеглир довольно улыбается. Подошла к седлу сбоку и в нерешительности замерла потом, схватившись за луку и вставив левую ногу в стремя, оттолкнувшись, взлетела в седло, перекинув правую на другую сторону. Усевшись в седло, незаметно перевела дыхание, слава богу, моторная память моего тела еще помнит, как это делается и не подвела свою новую хозяйку. Более того я отпустила разум и доверилась телу, которое расслабилось и приняло правильную позу. Конюх начал инструктировать меня, водя по кругу, и уже скоро Роса перешла на рысь. С горем пополам мне удалось ее прочувствовать и начать правильно двигаться. Через час такой езды я чувствовала себя как мокрая мышь и, попросив прекратить урок, перекинув ногу, спрыгнула и чуть не упала от усталости. Благодаря Росе смогла удержаться на ногах, а потом повернулась и, благодарно кивнув головой, пошла в сторону дома. Пообедав, я вернулась в библиотеку штудировать книгу по травам Лайвоса. Пригодится в пути, чтобы лечить или элементарно не отравиться. Как много всего, что я не знаю об этом мире, что во мне все сильнее нарастала паника. Как я буду со всем справляться в одиночестве?

Вечером того же дня меня неожиданно пригласили на ужин в гостиную. Одевшись как можно более достойно и соответственно этикету, который в меня так усердно вдавливал Галдор, с колотящимся от страха сердцем спустилась вниз и прошла в гостиную. За обеденным столом сидели Галдор Бельфалас, Ваньяр и еще один мужчина, который в данный момент сидел ко мне спиной, и я могла только с восхищением оценить его черные смоляные волосы, свободной волной стекающие на широкую спину и достигающие до ягодиц. Бельфалас с легким напряжением оценил мой наряд и заметно расслабился. Ваньяр, склонив голову набок, просто наблюдал за мной и за гостем, который в этот момент обернулся ко мне и, заметив меня, резко встал из-за стола.

Привычная мраморная кожа, черные, глубоко посаженные огромные глаза, тонкий нос с широкими крыльями, и подрагивающие в чуть заметной улыбке малиновые губы. Мужчина моей мечты! Нет, мечта любой женщины! Я стояла, затаив дыхание и млела в восхищении. Потрясающий образец мужской красоты. Мечта, заметив мой восторг и интерес к своей персоне, снисходительно улыбнулся и предвкушающе окинул меня взглядом.словно кобылу

на рынке. Или свиноматку!!! Пришедшее на ум сравнение окатило волной страха и лучше холодной воды привело мои гормоны в чувство. Я стерла восторг со своего лица и криво ухмыльнулась в ответ на его снисходительность. Заметила, что он с удивлением и враз возросшим любопытством воззрился на меня. Отвернувшись от него, я посмотрела на отца, который с недовольным лицом взирал на меня. Увидев, что я повернулась к нему и жду когда меня представят, с нескрываемым раздражением в голосе, сказал.

— Познакомься, Эленаль, это твой жених эл Бэор Сарендаэ! После посвящения мы объявим о вашем обручении, да и со свадьбой медлить не будем.

Я демонстративно в удивлении подняла брови и открыла рот, чтобы задать вопросы, но меня остановил жесткий взгляд отца, и резко опустившаяся на столешницу его ладонь, а потом и короткое замечание.

— Я все решил, и ты сделаешь так как я сказал! Ты свободна, поужинаешь у себя в комнате.

Я заметила удивленный взгляд Бэора на эту реплику, а потом, сжав кулаки от злости, молча развернулась и вышла из гостиной. Сразу бросилась бегом к себе в комнату. Я плакала. Снова! За что? Что я им сделала? Ведь это не я виновата! А главное, с ужасом понимала, что если бы не слышала этот разговор в кабинете, то возможно купилась бы на красивую обертку Бэора, ведь так хотелось ощутить себя, наконец, женщиной. Любимой женщиной, а не свиноматкой. Проклиная все на свете, металась по комнате, судорожно пытаюсь решить, что же мне делать. Ведь Бельфалас начал осуществлять свои намерения, а у меня до сих пор нет четкого плана что делать и как жить дальше. Краем глаза заметила тень и остановилась, с испугом рассматривая незнакомку напротив меня, и только через секунду поняла, что смотрю в зеркало на свое отражение. Такая нереально красивая пламенная девушка: зеленые глазницы на пол-лица, красные губы, сейчас горестно поджатые в тонкую линию, и дрожащий от слез и страха подбородок. Стройное изящное тело в синем плюшевом платье, украшенное красивой серебристой вышивкой, струилось до самого пола. И только синяки под глазами, да слишком затравленный взгляд выдают меня. Закрыв в отчаянье лицо руками, зарыдала еще сильнее, с надрывом выплескивая все скопившееся внутри, медленно добрела до горящего камина и опустилась перед ним на корточки, а потом и вовсе уселась на ковер. Отняв руки от лица, пустым взглядом уткнулась в нутро камина, в котором весело потрескивал огонь. Его пламя то разделялось на несколько язычков, то снова сливалось в одно. От него исходило живое и такое родное тепло, что я, не думая, протянула руку, и оно потянулось ко мне, не обжигая, ласково коснулось ладони и, согревая ее, словно просочилось сквозь кожу, весело побежав по венам вверх, стремясь добраться до моей сердцевины. До самого сердца, мерзнущего в одиночестве и пустоты в груди, которую пока нечем заполнить, и именно ее огонь наполнил своим теплом. Я согрелась и почувствовала себя лучше и увереннее. С неохотой убрав руку из камина, еще некоторое время просто наслаждалась его ласковым теплом, а потом сама разделась и легла спать. Силы мне потребуются очень скоро.

Всю эту неделю я каждый день по часу гуляла с Бэором по саду, ведя неспешные легкие разговоры. Хотя я скорее внимательно слушала, нежели говорила сама. Уже в первый день я убедилась, что права русская поговорка, что с красивого лица воду не пить. Бэор — самый красивый мужчина, которого я только видела, относился ко мне скорее как красивой, но абсолютно тупой игрушке. Разубеждать мне его совсем не хотелось, да и его общество скорее напрягало, чем устраивало. Я даже сожалела о бесполезно потраченном с ним

времени. Я бы с удовольствием сейчас сидела в библиотеке или в лаборатории с Галдором, слушая очередную лекцию по магии исцеления. Но я продолжала ходить на эти прогулки и строить глазки, а также восхищенно заглядывать ему в рот, хотя все-таки пару раз недовольно заметила, что он с каким-то задумчивым любопытством изредка смотрит на меня или ловит мой взгляд своими черными глазами-омутами, в которых так легко утонуть, если не знать, что таится в глубине. Но весь его интерес носил какой-то отстраненно любопытный характер. За все время пребывания в этом доме, я отметила тот факт, что все окружающие меня эльфы походили на замороженных рыб, с высоты своего роста с холодной снисходительностью или презрительно наблюдающих за окружающим миром.

Пару дней назад мне удалось найти в одной из нежилых комнат небольшой старый мешок, очень похожий на военный вещмешок образца времен Великой Отечественной. Я тайком стащила его и спрятала возле конюшни в розовых кустах. На следующий день в мешок попали пара штанов, а сегодня я туда перед конной тренировкой смогла засунуть пару рубашек и несколько нужных мелочей. Я уже определилась с тем, что нужно и удастся взять с собой для побега. Только не определилась как, когда, и каким образом сбежать из леса, если не знаешь ни дороги, ни куда конкретно стремишься попасть. Тем более, когда вокруг сплошные враги. А времени все меньше и меньше.

Глава 6

Вчера вечером Галдор несколько часов третировал мои нервы и память, пытаюсь до самой последней мелочи растолковать весь процесс прохождения церемонии совершеннолетия светлых эльфов. Поэтому чисто теоретически я была подготовлена, а вот морально — тряслась как недоваренный студень. Легкий тремор рук не шел ни в какое сравнение с тем, как сильно дрожали колени и все сжималось внутри. Еще на рассвете мои волосы уложили в сложную двустороннюю косу, украшенную живыми цветами, нарядили в потрясающей красоты шелковое платье, сверху набросили плащ из тонкой шерсти, чтобы я не замерзла на весеннем ветру и усадили на Росу. От страха я сама не смогла на нее сесть, в итоге, смущенный Хитаеглир попросту закинул меня в седло, держа за поясицу, под злющими раздосадованными взглядами Галдора, Ваньяра и Бельфаласа. Все три мои учителя, разряженные как новогодние елки в сопровождении пяти серьезных эльфов-телохранителей дружно двинулись за мной. Чуть обогнав Росу, трое мужчин выдвинулись вперед и, не обращая на меня внимания, о чем-то тихо заговорили. Я же, заметив слегка удивленные лица телохранителей, высоко задрала подбородок и ехала в одиночестве словно связующее звено между этими сушенными воблами и пятеркой хмурых воинов светлых. Несколько часов езды позволили понять насколько зыбок и не подготовлен побег, если всего несколько часов в седле заставляют меня дрожать от напряжения и стертой до мяса попы. Мои мучения прекратились неожиданно.

Мы словно пересекли невидимую границу и выехали на огромную поляну, залитую солнечным светом, в воздухе сильно пахло цветами, и порхали тысячи бабочек. Настолько завораживающая картина, что я забылась на несколько мгновений и с восторгом следила за полетом самых больших и красивых из них. Мой детский восторг резко сменился маской равнодушия, стоило заметить Бэора рядом. Он восседал на белоснежном жеребце и пристально следил за мной, но, заметив резко натянутую на лицо маску безразличия, чуть заметно поморщился, потом все же подъехав вплотную ко мне и коротко поклонившись моим спутникам, взял мою ладонь и уже привычно коснулся внутренней части ладони своими горячими губами, от чего к плечу побежала волна возбужденных мурашек. Я как всегда смутилась, все еще не в состоянии привыкнуть к столь интимной прилюдной ласке и, вырвав свою руку из его ладони, схватилась за поводья. Бэор помог спешиться, незаметно для других медленно скользнув руками по моей спине и бедрам, а потом, довольно усмехнувшись, заметив мой яркий румянец, тихо прошептал на ухо, обдав его теплым дыханием.

— Скоро, девочка моя, очень скоро ты станешь моей! Полностью!

Лишь криво ухмыльнулась, предусмотрительно спрятав лицо в воротнике плаща. Я-то уж точно знаю, что полностью твоей никогда не стану, папочка не позволит, да и сама тоже постараюсь ему в этом помочь, не смотря на твою карамельную внешность. На красивую обертку меня не купишь, довольно за три месяца насмотрелась и на себя, и на других эльфов, живущих в поместье моего биологического папаши, и не раз сталкивалась с их внутренним содержанием, которое так не соответствовало внешнему. И снова, и снова убеждалась в правоте родной мамы, которая без устали твердила, чтобы я не судила по внешности и не ленилась заглядывать внутрь, под грудой мусора всегда есть шанс найти что-то ценное и красивое.

Мы подошли к полукруглой площадке, на самом краю которой возвышался огромный каменный уступ в виде двух широких ступенек. В нижней ступеньке была небольшая, отполированная до зеркального блеска выемка, а по бокам от нее словно два отпечатка ладони, которые оплетали древние руны в виде веточек лозы. Заинтригованная, я застыла возле площадки, не переступая видимую грань. Вокруг уже собрались представители большинства родов, как мне на ухо сообщил Бэор, и которые с недоумением и любопытством смотрели на меня — было заметно, что цвет моих волос их особенно заинтересовал. Я встречала любопытные взгляды с надменной улыбкой, выражая ею свое не слишком вежливое и учтивое приветствие. Но заметив довольное выражение лица Бельфаласа, поняла, что пока все делаю правильно. На край площадки вступил потрясающей красоты эльф, чрезвычайно похожий на моего нового отца, с золотой длиннющей косой и коротким усталым кивком всех поприветствовал. Я сразу догадалась, что это Иллуин Аундаэ — правитель светлых эльфов, который, как мне перед этим рассказал Галдор, вынужден присутствовать раз в месяц на проведении вот таких посвящений, и в этот раз процедуру просто совместили с моим совершеннолетием. Все же Повелитель — мой дядя, вот и оказал мне такое внимание. Иллуин вел под руку высокую эльфийку в светлом длинном балахоне с капюшоном, накинутым на голову и почти скрывающем лицо. Я поняла, что это жрица Аллоис, которая должна служить проводником выражения воли богини в спорных вопросах. Правда, как заметил Галдор, таковых не случалось уже пару тысячелетий. Меня под зад подтолкнул Ваньяр, напоминая зачем я тут вообще нахожусь. Под пристальными взглядами окружающих я вышла на площадку и заметила, как на нее же вышли еще одна девушка и паренек, и неуверенно замерли в ожидании. Мой род самый древний, а значит процедуру начинать первой. Жрица подошла к камню и в нетерпении встала напротив. На подрагивающих ногах я подошла к камню и опустила перед первой ступенькой на колени, положив руки ладонями вверх по бокам от выемки, а лбом уткнулась в нее, ощутив странную теплую вибрацию. Неконтролируемо нарастал страх, и я начала молиться, сначала нашему богу, потом, вспомнив где и в ком я нахожусь, уже Аллоис.

— Помоги! Помоги! Помоги и спаси меня, пожалуйста! — едва слышно даже для себя шептала, обращаясь к ней, а потом в безысходности почувствовала, как горячие слезы одна за другой падают в каменное углубление. С еще большим отчаяньем зашептала: — Аллоис, не бросай меня здесь одну, пожалуйста. Ведь ты меня создала и теперь вместо матери. Разве тебе не жаль свое новое дитя. Спаси и сохрани меня, Аллоис. Не бросай одну. Матушка, прими меня под свое крыло, прошу тебя!!!

Сначала краем уха услышала общий удивленный вздох, а потом почувствовала, как разогревается камень подо лбом. Чуть приподняв голову, заметила как мои руки, заволокло белесой дымкой, и в ладони, что-то появилось. Туман развеялся через секунду, а я в ступоре смотрела на большое семечко, похожее на семя подсолнуха из-под Чернобыля — большое плоское и в черно-белую полоску. Подняла взгляд на жрицу и столкнулась с ее удивленно поднятыми бровями над странными круглыми глазами. Но она быстро взяла себя в руки и тихо прошептала.

— Продолжай обряд, девочка.

Еще раз бросив взгляд на семечко, опустила его в ямку, куда совсем недавно упирался мой лоб и замерла в ожидании. Через мгновение семечко раскрылось, и из него быстро полез росток, который с невероятной скоростью вырос на полтора метра в высоту, а на его тонких веточках сначала появились яркие зеленые листья, а потом и почки, из которых под

шокированный вздох толпы, начали появляться огромные цветы зеленого и насыщенного красного цвета. Замерев, и не веря своим глазам, в восторге протянула руку, чтобы прикоснуться к бархатным живым лепесткам, на которых играют лучики солнца, но стоило мой руке прикоснуться к красному цветку, как он вспорхнул словно бабочка и, перелетев ко мне в ладонь, тут же всосался в кожу, растворившись в ней без следа. Я неуверенно дотронулась до другого, только уже зеленого, и он проделал то же самое. Странно, ведь Галдор ничего подобного не рассказывал. Он говорил только о том, что я должна буду получить семечко, из него вырастет стебель с цветком, и по его цвету определяют, какая магия мне присуща. Если он вообще вырастет, а то могла бы так и остаться без семечка. Повернувшись и с удивлением посмотрев на отца, отметила, каким зловещим любопытством загорелись его глаза, не отрывавшиеся на меня. От этого взгляда по спине побежал холодный пот, и плохие предчувствия не заставили себя долго ждать. Галдор смотрел с маниакальным восхищением исследователя, а другие — с завистью и злостью. Я же пыталась сообразить, что прошло не так и почему на лицах эльфов такие разные чувства. Парень и девушка, которые должны были идти за мной и пройти свое посвящение, стояли в напряжении и тревожном ожидании. Я отошла в сторону от камня, уступив место девушке. Ее ритуал прошел как у всех, порадовав ее только ярким коричневым цветком, а парень вырастил коричневый цветок с несколькими зеленоватыми прожилками. Они, чуть опустив головы, с разочарованным видом присоединились ко мне. Еще бы, ведь у меня выросли цветы, означающие редко встречающуюся магию огня и целительства, а у них — обычную, земли, коей обладали все эльфы. Иллуин встал и, подойдя ко мне и моим коллегам по церемонии, коротко поздравил их, а меня даже ненадолго прижал к себе со словами.

— Я рад, что моя племянница привнесла дополнительную силу в род Аундаэ. Надеюсь, в будущем ты только упрочишь наши позиции и не опорочишь честь рода. Поздравляю тебя, Эленаль, с совершеннолетием. Кстати, хочу заметить, у меня на тебя большие планы.

Судорожно сглотнула от такого предупреждения, а Бельфалас, выскочив на площадку, встал рядом со мной и, твердо положив свою руку мне на плечо, зло заметил, смотря в лицо повелителю.

— У меня как отца Эленаль тоже на нее свои планы, мой Повелитель. И один из них — как можно скорее получить внуков. На следующей неделе пройдет торжественная церемония помолвки Эленаль и представителя одного из старейших родов, эла Беора Сарендаэ.

Мы оба заметили, как после этих слов шокировано взлетели брови Повелителя, а по толпе пошли удивленные шепотки, но Бельфалас еще тверже проговорил.

— Эленаль принадлежит мне, брат, и я решаю ее судьбу. Как отец!

— Ты не прав, сын мой! Она принадлежит мне, и ее судьбу решаю я! Перед лицом своих детей я объявляю, что душа этой девочки Эленаль признана мной, является частью меня и моей истинной дочерью. Ее жизнь и ее судьба неподвластна вашим законам. — жрица, окутанная белым, но тем не менее, прозрачным туманом, стояла рядом с нами и, глядя в пространство пустыми, закрытыми бельмами глазами, вещала жутким чужеродным голосом. Потом на секунду замолчала и продолжила с угрозой в голосе. — Если ты, сын мой Бельфалас, или подопечные, подсланные тобой, причинят хоть малейший вред ее жизни и здоровью, тебя ждет наказание и мое возмездие. Таково мое решение!

Как только она закончила говорить, туман рассеялся, а жрица сломанной куклой рухнула на землю без сознания. Окружающие эльфы в шоке стояли и молчали, наблюдая за

мною и отцом, который с еще больше побелевшим лицом смотрел на жрицу. Затем он словно очнулся и уже протянул ко мне руки, чтобы схватить за локоть, но его остановил голос Повелителя.

— Я требую, чтобы нас все оставили наедине. Эл Бельфалас останется со мной. С подозрением глядя на нас, все поспешили выполнить приказ Повелителя. Двое его телохранителей вышли на площадку, один из них взял жрицу на руки и понес в сторону леса. Бэор, схватив меня за локоть, отвел к лошадям, где слуги постелили ковер и положили несколько подушек. Я устроилась на самом краешке и, не отрываясь, следила за Иллуином и Бельфаласом, которые о чем-то разговаривали. Причем они явно следили за выражением своих лиц, чтобы никто не догадался об эмоциях и содержании этого разговора. Ведь по лицу тоже можно читать как в раскрытой книге. Главное, уметь это делать, а в том что эта вечно интригующая толпа хорошо умеет, у меня сомнений не вызывало. Я заметила, что для Бэора было более интересно наблюдать за мной, чем он все это время и занимался.

Разговор двух высокородных эльфов долго не продлился, и вскоре Бельфалас сильно напрягся всем телом, а потом словно нескладный Буратино низко склонился перед Повелителем. Иллуин, секунду помедлив, положил руку на плечо брата и заставил его выпрямиться, после этого оба направились в мою сторону, не обращая внимания на другие взгляды. Если отец смотрел на меня уже просто хмуро, чему я не знала радоваться или огорчаться, то взгляд Повелителя неуловимо изменился, в нем появились неуловимый интерес, и в тоже время — легкое презрение. Я уловила это выражение и оно непроизвольно заставило меня медленно встать, чтобы не смотреть снизу вверх, а потом и вовсе ответить ему тем же взглядом. Заметив мою ответную реакцию, он потемнел лицом от злости, но только едва наклонил голову, словно изучая невиданное насекомое, и еще пристальнее присмотрелся ко мне. Его губы скривила усмешка, а потом он, с проскользнувшим в голосе удивлении и раздражении, тихо заметил.

— Тебя приняла Светлейшая Аллоис, что весьма интересно для меня, учитывая некоторые обстоятельства, которые сейчас поведал брат. К тому же нарекла своей истинной дочерью, а значит грязное пятно с нашего рода смыто, и честь рода не пострадала, но вопросов по поводу тебя осталось слишком много, и общее послевкусие от этого обряда вызывает горечь. А я очень не люблю испытывать такие неприятные ощущения. Надеюсь, 'племянница', ты не разочаруешь нас всех и оправдаешь возложенное на тебя доверие рода Аундаэ. И не забудешь, что полученные тобой сегодня права и возможности совершеннолетней аристократки Светлого Леса, несут с собой еще и обязательства перед родом и твоим Повелителем.

С каждым его словом, горечь в душе разливалась и у меня. Вызывая тошноту и страх, сжимающий сердце. О, Светлейшая Матушка, куда ты меня еще втянула? Неужели мне Бельфаласа не хватало, что ты еще и правящего дядюшку до кучи присовокупила. Он заметил, что его слова заставляют меркнуть мои глаза, а подбородок опускаться все ниже и, судя по его удовлетворенному взгляду, остался доволен, тем как его авторитет на мне сказался. Я потупила глаза долу и только глубоко дышала, пытаясь справиться с тошнотой и отчаяньем. Иллуин коротко с нами попрощался, и только тогда Бельфалас жестом подозвал отошедшего во время нашего с Повелителем разговора Бэора к нам. Будущий жених помог мне сесть в седло, а потом поймал мой взгляд своими черными омутами.

— Расскажи мне, что у вас происходит, Эленаль! Я смогу тебе помочь!

Я удивленно уставилась на него, а потом только усмехнулась его поведению, если бы я

не знала одной маленькой детали, клюнула бы на океан нежности и ласки, которые разливались сейчас у него глазах. Пару дней назад, снова проходя мимо кабинета отца, я услышала его резкий голос, а через секунду и голос Бэора, который отчаянно торговался за мое приданное. Еще папаша сильно ругал Бэора, якобы тот слишком эмоционально зажат и не проявляет активного участия во время ухода за мной. И что скоро я догадаюсь, что сердце Бэора не слышит меня и не чувствует. Какого же было мое удивление, когда на это замечание отца Бэор ответил, что я уже влюблена в него как кошка. Видно отражение чувств от этих воспоминаний все же проявилось в моих глазах, потому что глаза Бэора неожиданно сузились и пристально уставились на меня, изучая. Отвернувшись от него, направила Росу за отцом и Галдором, которые не обращая ни на кого внимания, ехали впереди и о чем-то тихо разговаривали.

Моя первая самостоятельная вылазка наружу. Вернувшись вчера в поместье, практически безвылазно просидела в своей комнате два дня. Штудировала справочник трав Лайвоса, а заодно избегала встреч с Бэором и Бельфаласом. И вот когда солнце скрылось за горизонтом, и в лес пришла ночь, я решилась попробовать дойти до небольшого озера, мимо которого мы вчера проезжали. Из дома вышла на удивление без проблем, на территории поместья тоже никого не встретила, поэтому, лично оседлав Росу и вскочив в седло, медленно направила ее к озеру. Мы проехали полчаса, когда неожиданно лес расступился, открыв моему взору блестящую гладь воды. Спешившись, подошла к самому краю и, не в силах сдержать восхищенный вздох, глубоко вдохнула, прижав ладони к груди. Две луны делили озеро на три части серебристыми полосками света, которые скользили по воде и заканчивались у моих ног, сливаясь в одну. Показалось, что я сама купаюсь в их сиянии и, не думая, быстро расстегнув свое платье, сняла и вошла в воду. Теплая ласковая стихия окутала ноги, потом и грудь. Оттолкнулась ногами от дна и поплыла, счастливо улыбаясь, никогда не купалась ночью, боже, как же это здорово — только я и лунный свет. Я плавала несколько минут, а потом с приятной усталостью во всех мышцах вышла на берег, и в тот же миг радость испарилась, оставив лишь напряжение и страх. Передо мной в темноте ночи возле дерева стоял Бэор, одетый только в штаны и длинную расстегнутую на груди рубаху, полы которой сейчас легко трепал весенний ветерок, и голодным взглядом бродил по моему телу, облепленному мокрой, доходящей до колен рубашкой. Сделав один быстрый шаг, он вплотную приблизился ко мне, а потом мягким ласкающим движением прикоснулся ладонью к моей щеке и провел по скулам. Я прикрыла глаза и, глядя на него сквозь ресницы, с трепетом в душе, но дразня голосом, задала интересующий меня вопрос.

— Беор, ответь, что означает услышать и почувствовать сердце? И зачем это надо делать?

Я увидела насколько сильно его удивил вопрос, но тем не менее, заметила как в его глазах сверкнул таинственный огонек. Радости? Или расчета?

— Удивлен, что ты не знаешь? Или не помнишь? Или не понимаешь? Каждый светлый рождается с этим знанием. Твое сердце спит пока не встретит любовь и тогда оно проснется и наполнится чувствами и эмоциями, любовью к единственной или единственному. Услышит любовь и почувствует суженную или суженного. Подарит возможность завести потомство. А до тех пор мы владеем лишь частью себя, эмоционально спим. Не имеем слабостей, а потому — совершенны! А что, моя богиня уже услышала свое сердце? Так я весьма рад этому факту. Как только ты станешь моей, я подарю тебе все, что захочешь. Ты будешь в безопасности. Я окружу тебя заботой и комфортом. Я не слеп, Эленаль, и заметил не слишком трепетное отношение к тебе отца, со мной подобного не будет, прекрасная моя.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ладонь соскользнула с лица в волосы и неожиданно сильно сжала их в кулак, не давая вырваться или отстраниться от его губ, впившихся в мой рот. Это был не первый мой поцелуй, еще в школе пару раз ходила на свидания и несколько раз целовалась, но вот так — никогда еще. Горячий рот сминал мои губы, язык проник внутрь и шарил там как у себя дома, при этом вызывая странные ощущения в моем теле. Мне понравилось, и через пару мгновений легкого ступора, я начала отвечать на поцелуй, чем вызвала его довольное

рычание и еще более сильный напор. Но вот когда к поцелую подключилась рука, сжавшая мою грудь, а потом и вторая оторвалась от волос и, спустившись мне на спину, с жестким усилием вжала мое тело в его грудь, заставив ощутить в полной мере все его желания и намерения. Я испугалась такого натиска и скорости всего происходящего, уперлась ему в грудь руками, промычала: 'Нет!' Потом, с трудом отстранив свое лицо, уже громко и четко попросила прекратить и отпустить меня, но не тут-то было. Он сделал подсечку и повалил меня наземь, сам расположился сверху, схватил мой подбородок и, зафиксировав рукой, глядя на меня черными от страсти глазами, прорычал.

— Ты больше никогда не будешь со мной играть, девочка! С сегодняшней ночи ты принадлежишь только мне одному. Я никому не позволю лишить меня того, что даст брак с тобой. Ты в моей власти и будешь делать то, что я захочу. Добровольно или нет — решать тебе!

Я в панике изо всех сил колотила его в грудь кулаками, но он, не обращая на это внимания, задрал подол моей рубашки и попытался более удобно устроиться, я с усилием в ужасе уперлась в него ладонями и, визжа на весь лес, напряглась, всем телом пытаюсь скинуть его. Сначала ладони потеплели, а потом я почувствовала легкое жжение и услышала отборные эльфийские ругательства. В следующий момент Бэор откатился от меня в сторону и, шипя от боли, разглядывал свою голую грудь, на которой алели отпечатки моих ладоней, очень хорошо заметные в серебристом свете двух лун. Он с мрачным, потемневшим от боли и злости лицом уставился на меня и прошипел.

— Эленаль, это был первый и последний раз, когда ты посмела пойти против меня! Я клянусь тебе! На этот раз я прощаю, потому что понимаю твой страх, ведь я знаю, что стану твоим первым мужчиной и только по этой причине не накажу тебя сейчас за эти отметины. Поднимайся и одевайся, я провожу тебя в поместье — самостоятельные прогулки закончились.

Меня трясло от страха, дрожащими руками нацепила на себя платье, пятясь, не выпуская Бэора из поля зрения, дошла до лошади и, запрыгнув в седло, резво поскакала домой. На сегодня приключений с меня достаточно. Я слышала, как позади скачет жених. Старалась ни о чем не думать, но мысли все равно заполнили мою голову. Мысленно отмотала ситуацию назад и шаг за шагом проиграла ее заново, анализируя свои чувства и поступки. Бэор — ослепительно красивый мужчина и для меня, так долго находившейся в клетке своего больного тела, а потом три месяца не выходящей даже за пределы поместья, стал ярким событием. От него немного крышу сносит — это я честно признаю. Но вот именно такое рациональное понимание ситуации и смущало. Мне вначале понравился поцелуй, именно потому что нравился сам мужчина, но потом в душе возникло ощущение гадливости от происходящего. Что я делаю. Зачем? Почему? Просто потому, что больше не с кем ощутить себя женщиной? Кому-то нужной и желанной? Спасибо Аллоис, уберегла от непоправимой ошибки. И этот огонь из моих рук, оставивший пламенный привет на груди Бэора. Как только вспомнила эти отметины на его груди и его удивленное болезненное шипение, довольно усмехнулась.

Вернувшись в поместье, завела Росу в конюшню и, расседлав ее, украдкой зашла в дом. Первым, кого я увидела, был Ваньяр, облокотившийся на лестницу и мерзко ухмыляющийся. Внутри все сжалось от плохих предчувствий, я непроизвольно разгладила платье и, выдохнув, замерла, глядя на него как кролик на удава. Его довольная ухмылка стала еще шире, подтвердив мои давние подозрения, что ему доставляет особое удовольствие

издеваться надо мной и унижать. Подойдя ко мне, жестко схватил за локоть и повел за собой. Я же сопротивляться, чтобы добавить ему радости, не стала. Меня привели в кабинет отца, в котором я никогда не была. Сидя в кресле возле камина, Бельфалас молча смотрел на меня и медленно цедил вино, Ваньяр расположился во втором кресле, мне присесть никто не предложил. Я вздрогнула, когда за спиной сначала раздался щелчок закрывшейся двери, а потом раздался бархатный баритон Бэора.

— Она ночью купалась в озере. Я решил, что ей лучше вернуться домой.

Я повернула голову и, сузив глаза от гнева, посмотрела на него и с усмешкой заметила, что его рубашка застегнута на все пуговицы. Заметив мою понимающую ухмылку, Бэор потемнел лицом, но, сверкнув глазами, отвернулся, посмотрев на моих вынужденных родственников. Бельфалас сверлил меня взглядом, потом выдал.

— Ну раз за твою честь я ручаться уже не могу, мы должны поторопиться со свадьбой. Официальную помолвку можно пропустить, ведь на посвящении я всем объявил об обручении. Ты согласен, эл Сарендаэ?

Бэор только довольно кивнул головой и с хищной улыбкой будущего собственника уставился на меня, от чего по спине прошлась волна холодного страха. Я не выдержала и, отрицательно замотав головой, прошипела, глядя на Бельфаласа.

— Я никогда не выйду за него замуж, вы меня не заставьте!

Он в ту же секунду подлетел ко мне и с бешеной яростью в глазах тихо спросил.

— Ты уверена? Или ты надеешься, что раз тебя признали истинной дочерью Алоис, стала свободна? Так вот, девочка, ты принадлежишь мне, и я распоряжаюсь как тебе дальше жить.

— Вы забыли, дорогой 'отец', что Аллоис явно выразила свою волю, именно она отвечает за мою судьбу и уж тем более жить мне или умереть!

Ядовитое, но справедливое замечание прервала звонкая мощная оплеуха, от которой меня обернуло вокруг своей оси пару раз, и я со всего размаху шлепнулась на пол, уткнувшись лицом в ковер. Как только звон в ушах прошел, я приподнялась на руках и заметила, как из носа капает кровь, пачкая великолепный, ручной работы ковер. Оторвавшись от его созерцания, я вытерла ладонью с лица кровь, но не в силах остановить ее обычным способом, применила немного магии. Потом, не вставая, повернула голову в сторону наблюдающих за мной мужчин. Бэор смотрел с сожалением и в напряжении сжимал кулаки, я поняла, что он недоволен тем, как со мной поступил отец, но пока сдерживается. Наверное боится, что тот передумает отдавать меня ему в жены. Ваньяр взирал без всякого выражения, как будто ничего особенного не произошло, по-прежнему находясь в кресле. Бельфалас же подошел ближе, чем вызвал еще больше напряжения у Бэора и, чуть наклонившись надо мной, прошипел в лицо.

— Аллоис сказала, что я не могу тебя убить, Эленаль, но не сказала, что я не могу выдать тебя замуж. Я могу делать с тобой все что угодно, не убивая, моя девочка!

От этих слов два дня назад родившаяся у меня надежда на спокойную жизнь, умерла в страшных судорогах.

— Через неделю состоится ваша свадьба, потому что я так решил. И если я услышу хоть одно слово против от тебя, Эленаль, ты пожалеешь, что Аллоис не разрешила мне тебя убить. Ты сделаешь, как я решил, потому что я так хочу. А я, Эленаль, хочу законных чистокровных внуков, и в твоих интересах выполнить мое пожелание. Потом станешь свободной как птица... если Бэор позволит! А теперь можешь идти в свою комнату.

Я с трудом поднялась на ноги и, больше ни на кого не глядя, вышла, закрыв за собой двери, но в коридоре замерла, прислушиваясь к происходящему в комнате. Первым нарушил молчание Бэор.

— Эл Бельфалас, я вынужден потребовать от вас правду об Эленаль. Мне не понятна ваша внезапная ненависть к дочери и эта поспешность со свадьбой. Я беден, но на безропотного мерина вряд ли похож.

— Ты должен дать клятву крови, что правда останется в этой комнате, если нет, можешь быть свободен и искать другую богатую наследницу.

Молчание длилось несколько секунд, потом легкое шуршание и снова голос Бэора.

— Я клянусь кровью рода, все, что вы сейчас мне скажете, не будет разглашено.

Снова молчание, а потом Бельфалас рассказал о моем появлении в его семье. Как только он закончил, тишину прервал удивленный возглас Бэора.

— Я все равно не понимаю этой спешки со свадьбой. Она, не смотря на человеческую душу, признана самой светлейшей Аллоис как истинная дочь, такого не помнят даже старейшины Леса. Уже этим она принесла почет вашему роду. То что ее дар двулик, только добавляет ей ценности, ваша дочь прекрасней многих красавиц Светлого Леса — все это делает ее бесценной. Такая несущественная деталь, как появление чужой души в теле вашей дочери, не сможет больше нанести вреда ни вашей репутации, ни чести рода. И снова я спрашиваю, почему?

— Она забрала тело моей дочери, Сарендаэ! Моей дочери! И мне плевать, что она теперь такое! Моя Эленаль умерла три месяца назад, и я хочу получить хоть какую-нибудь компенсацию. Ее ребенок станет моим наследником и носителем чистой неоскверненной крови светлых эльфов. А эта дрянь может идти куда захочет, когда выполнит свой долг передо мной. Можешь оставить ее себе, если захочешь, конечно! И даром терять время и дышать с ней одним воздухом в моем поместье, я не намерен, поэтому, если ты еще не передумал, свадьба будет назначена на следующую неделю, а если ты отказываешься, я найду другого, более сговорчивого.

Жесткий ответ Бэора немного удивил меня, с холодеющим сердцем вслушивающуюся в голоса за дверью и следящую за тем, чтобы не застучали слуги или хозяева за дверью.

— Я согласен с вашим предложением, высокородный эл! Но меня все же интересует последний вопрос, любопытство, знаете ли, снедает. Зачем вам ее дети, ведь вы можете сами произвести на свет еще одного наследника? К чему такие сложности?

Раздраженный ответ отца на этот, как мне показалось, закономерный вопрос Бэора, просто шокировал меня.

— Сарендаэ! Ты, кажется, забыл, одно условие рождения нашего потомства. Любовь женщины должна быть безусловной, а у меня нет сил и желания разыгрывать комедии перед возможной матерью моего наследника. Мать Эленаль унесла с собой мое сердце, другим ничего не оставив. И ждать еще несколько тысяч лет пока я услышу его снова и заведу своих детей, мне как-то не очень хочется. Я удовлетворил твое праздное любопытство, эл Бэор? Больше вопросов нет? Тогда оставьте нас с братом наедине.

Уже не слушая, я взлетела по лестнице наверх, в свою комнату. За пару мгновений сорвав с себя платье, запрыгнула в кровать и, накрывшись до подбородка, закрыла глаза, усилием воли заставляя себя дышать глубже и ровнее. Через минуту открылась дверь, и в комнату бесшумно скользнула тень Бэора. Он застыл возле кровати, а потом наклонился к самому лицу и, едва касаясь моих губ, прошептал в них, обдавая теплым дыханием.

— Я никому тебя не отдам Эленаль! Не смотря ни на что, ты будешь моей столько, сколько я захочу. Со временем ты полюбишь меня, это я тебе обещаю.

Потом так же бесшумно выскользнул за дверь, тихонько прикрыв ее за собой. Я перевела дыхание и, уткнувшись в подушку, зарыдала от бессилия и отчаянья. Боженька, как же мне страшно! И больно!

Сидя в кресле, наблюдала, как Финвэаль осторожно вешает мое платье возле гардероба и с восхищением притрагивается к драгоценным камням, украшающим его. Нежно-зеленого цвета в замысловатых рисунках, оно сияло при свете свечей, отражающихся в сверкающих гранях нескольких десятков камней, пришитых к ткани и украшающих платье. Я бы тоже восхищалась им, если бы не событие, которое он олицетворяло своим присутствием в комнате — мою свадьбу. Завтра я совсем потеряю свободу (а ведь даже пожаловаться не кому, Аллоис меня больше не слышит) и стану племенной кобылой. На следующее утро после знаменательного разговора ко мне прислали портних, в считанные сроки пошили торжественное платье и подготовили свадебное торжество. Чтобы не пошли ненужные слухи, Бэор рассказал всем желающим, как уже давно положил на меня глаз, но дожидался совершеннолетия, настолько влюблен, что сил ждать еще сколько-нибудь больше не имеет. Наверное, видя мое пустое безжизненное лицо, главные устроители свадьбы все же решили не рассказывать сказку про мою нетленную любовь, а ограничились только Бэором, который с энтузиазмом играл свою роль. Я же, сидя в своей комнате, целеустремленно планировала побег. Откровенно свистнув из библиотеки учебник по начальной магии для целителей и справочник по травам и зельеварению, добавила их и еще несколько мелких вещей в заветный, спрятанный мной возле конюшни, мешок. Пару раз умыкнув с кухни сушеное мясо и пару караваев хлеба, тоже унесла туда. Заметив чей-то подозрительный взгляд, больше во дворе не появлялась, дабы усыпить бдительных недоброжелателей. И вот я сижу и смотрю на это платье, а завтра свадьба, и пустым взглядом буравлю стену. Окружающие домочадцы и слуги уже привыкли к моему безучастному поведению. Единственное, в чем не отказывала себе, так это плотно поесть, для будущих приключений мне потребуется уйма сил. Как только меня уложили спать, и Финвэаль вышла за дверь, встала и, взяв ножницы, быстро принялась срезать драгоценные камни с платья. Спасибо, отец, хотя бы таким способом ты поможешь мне начать новую жизнь. Закончив с кропотливой работой, я ссыпала все камешки в мешочек, в котором уже лежала пара золотых, украденных накануне в кабинете Бельфаласа, больше побоялась — могла привлечь тем самым ненужный интерес. Затем, быстро переодевшись в тонкие, но весьма прочные кожаные штаны, надела сверху длинное платье-рубашку до ступней, а сверху — шерстяной плащ для защиты от холода с капюшоном, прикрывающим лицо, и, прихватив еще пару вещей, вылезла в окно.

Казалось, Роса летит над землей, не касаясь копытами. Я оседлала ее самым старым, найденным в конюшне, седлом. Конюха усыпила простым заклинанием из учебника, а потом потихоньку вывела лошадь и, не торопясь, поскакала прочь, не забыв прихватить свой мешок. Скачка длилась уже несколько часов, достигнув озера, мы с Росой переплыли на другой берег и поторопились как можно дальше отъехать от него. Я до жути боялась преследования, поэтому не давала ни себе, ни Росе послаблений и отдыха. Чередуя шаг и галоп, мы уносились все дальше, стремясь как можно быстрее достигнуть границ Великого Светлого Леса. Прильнув к шее Росы, я старалась пока ни о чем не думать, просто шептала ей просьбы поторопиться и потерпеть.

Несколько дней я изучала в библиотеке карты расположения ближайших городов. К моему счастью, до границы Леса пара дней езды на лошади. И я очень надеялась, что езды шагом, а не галопом, и у меня получится пересечь ее завтра к обеду. Иначе мой побег

закончится позорным возвращением назад, и что меня ждет по возвращении — боялась даже представлять. Почувствовав, как начала спотыкаться Роса, остановила ее и слезла, давая ей отдохнуть, хоть немного перевести дух, но остановиться не могла себе позволить. Поэтому, с трудом ощущая ноги после многочасовой скачки, шла, держась за повод и переставляя их усилием воли. Что говорить, я готова была даже ползти, но больше никогда не видеть ни одного светлого эльфа. Что б они все провалились в тартарары, желательнее подалеже от меня. Час пешего хода, и я все сильнее спотыкаюсь и собираю коленями пыль с дороги. Достав яблоко, отдала Росе, которая с жадностью его схрумкала и просяще косила глазом. Отдала еще одно, а сама быстро съела кусок хлеба, немного утоляя голод.

Потом снова седло и бешеная скачка, когда я уже падала с Росы, мы выехали из леса на широкую степную дорогу. Насколько помню, мне надо было на восток, поэтому, повернув Росу, поехала вдоль дороги и, судя по еще неопавшей пыли, недавно здесь проехал целый обоз. Сменив галоп на шаг, уже не торопясь, направилась в ближайший город. Остановившись возле одного из колодцев и набрав ведро воды, я приступила к заранее продуманному плану. Сначала перекрасила лошадь с помощью одной волшебной травки в сочный шоколадный цвет. Ее стати, конечно, не скрыть, но этот неповторимый белоснежный окрас, привлечет много охотников к нам с Росой. Дополнительно я раскатала попону и накрыла ею лошадь от гривы до хвоста. Немного потертое седло и вуаля — вполне приличная обычная лошадь. Разницу заметят только знатоки, зато простые воришки или бандиты с большой дороги именно из-за Росы нападать на меня не станут. Ну, я надеюсь на это. Потом, снова перекусив и дав напиток Росе, неторопливо, не привлекая внимания изредка проезжавших мимо нас людей, накинув капюшон плаща, двинулась дальше. В город заехала вместе с остальными и сразу решила найти ювелира. Мне пришлось зайти в пару лавок и пообщаться с разными людьми, и только в третьей меня встретил хмурый гном, но как только я откинула капюшон и протянула ему пару камешков, он скупно улыбнулся и назвал цену, от которой я уже привычно скривилась и, извинившись, пошла на выход. Истинную цену этим камням я не знала, но предполагала, что честь рода не позволит Бельфаласу выдавать дочь замуж в чем попало, поэтому и проработала стратегию торговли. Мне называют цену, я возмущенно кривлю лицо и, забирая камни, пытаюсь выйти. Не торгуются, хорошо, значит мне в другое место, так я уже в третий раз намеревалась поступить, но меня остановил насмешливый голос гнома.

— Светлейшая, я удвою цену, но дорожке тебе здесь никто не даст. Город слишком маленький и таких денег как у меня, ни у кого нет.

Я повернулась к нему, признавая про себя его возможную честность и, вытащив из кошелька ровно половину камешков, выложила их на прилавок. Гном удивленно на меня уставился, но промолчал, только почесав в затылке, кивнул и вышел в соседнюю комнату. Через пару минут он вернулся с увесистым кошельком и протянул его мне с вопросом.

— Ну что, светлейшая, пересчитывать будешь?

Заглянув внутрь и на взгляд оценив золотое содержимое, только криво ухмыльнулась.

— Нет, уважаемый, не хочу оскорблять вас недоверием.

Забрав деньги, перед тем как выйти еще раз поблагодарила. Закупив фуража для Росы и там же на месте, пока та неторопливо ела, стояла и решала что делать дальше. С одной стороны, я сильно рисковала, оставаясь в городе, ведь Светлый Лес слишком близко, соответственно, моя погоня недалеко, но и ночевать на улице было страшно. Все же страх перед преследователями победил, и как только Роса наелась, я прикупила дополнительные

запасы еды, не обращая внимания на любопытные взгляды окружающих, направилась из города дальше. Пора привыкать к кочевой жизни, пока не обрету своего дома так и придется скитаться, все время опасаясь, что меня найдут и вернут Бельфаласу.

Три дня мы с Росой топали по пыльной дороге под палящим солнцем и изредка резко сворачивали с нее, заведев или услышав приближение других путников. Поздняя весна пока радовала отсутствием дождей, поэтому мы довольно бодро делали длинные дневные переходы, а потом, укрывшись в придорожном лесу в каком-нибудь укромном местечке, ложились спать. Все три ночи я спала в полглаза, все время опасаясь нападения либо животных, либо двуногих. Часто в свете костра изучая украденные книги, а утром, пару часов досыпая, снова выдвигалась в путь. Три дня мне везло, я не встретила ни одного своего нового сородича.

На четвертый день наша дорога, свернув в густой лес, криво петляла между деревьев, огибая овраги и естественные ложбины, изобилующие мелкими ручейками и неопасной для меня живностью. Хотя именно к живности я относилась с весьма большой осторожностью, так как большинство местных зверюшек мне были незнакомы. И пока ориентировалась только по размеру — сможет оно меня съесть или нет. Место для ночевки выбрала, как только попало наиболее удобное. Разожгла маленький костерок, провозившись с ним больше получаса, а потом, загрузив котелок продуктами, присела к огню, радуясь его теплу и веселому потрескиванию, он стал моим лучшим другом наравне с красавицей Росой. Будущая каша бурлила и набухала, радуя обоняние ароматными запахами и, наконец, не утруждая выкладыванием ее на тарелку, я с наслаждением приступила к еде. Доев все до крошки, вымыла в небольшом ручейке котелок, на всякий случай налила в него воды и, сполоснув несколько целебных укрепляющих травок, вернулась к костру. Глядя в огонь, резко подняла голову, заметив как Роса застригла ушами, и, фыркнув, пододвинулась ко мне. И только после этого слышала шум от копыт нескольких лошадей и скрип колес повозок. Кто-то расположился наверху оврага, а через пару минут, когда я судорожно собрала все свои пожитки, залила отваром костер и напряженно уставилась в сумерки, прислушиваясь к звукам, на краю оврага показалась пара мужских голов. Быстро осмотрев местность и встретившись со мной глазами, мужчины пристально уставились на меня. Я стояла, закутавшись плащ и судорожно вцепившись в повод Росы, и была готова в любой момент вскочить в седло и рвануть прочь от малейшей опасности. Одна голова исчезла, а через полминуты появилась уже другая, украшенная густой длинной черной бородой, в которой виднелись седые нити.

— Простите, светлейшая, что нарушили ваш покой и прервали ужин. Если не побрезгуете, могу предложить вам свой очаг и безопасный ночлег в кругу моих родственников и спутников. Мы торговцы из Оверета, едем в Дачарин на ярмарку.

Я незаметно сделала глубокий вздох, пытаясь успокоиться и нарисовав на лице едва заметную улыбку, коротко кивнула.

— Благодарю вас, уважаемый, с удовольствием приму ваше приглашение.

Взяв Росу под уздцы, вывела ее из оврага и, обогнув его по дуге, вышла к небольшому обозу, состоящему из четырех больших повозок. Вокруг них суетились три женщины и десять суровых мужчин. Бородач оказался ведущим обоз и главным среди торговцев. Все они являлись людьми, что сначала меня успокоило, а потом, вспомнив, что я теперь беглая эльфийка, а люди тоже бывают сродни бешеным зверям, снова настороженно замерла, ожидая дальнейших действий. Бородач вышел вперед и, подойдя ко мне ближе, коротко

поклонился и вежливо произнес, с любопытством рассматривая меня.

— Меня зовут Йорэт из Оверета, госпожа. Через несколько минут наши женщины приготовят ужин, и мы будем рады, если вы окажете нам честь и отужинаете с нами.

— Благодарю Вас, уважаемый Йорэт, но я уже успела поесть перед вашим приходом, но выпила бы горячего отвара в вашей компании и с удовольствием бы послушала ваши рассказы о том, где вы бывали и что видали в своих путешествиях.

Сразу заметила, что мое предложение вызвало не только легкое удивление, но и удовольствие заинтересованностью в их обществе. Уже через час мы сидели возле костра и наблюдали за спорой работой женщин, которые разносили мужчинам еду, а мне подали горячий ягодный напиток. Грея руки о деревянную кружку, с интересом слушала Йорэта и его спутников, которые степенно, не торопясь вели беседу о том, по каким дорогам ходили, где теперь слишком опасно торговать из-за участившихся нападений нечисти или вампиров. О ценах на товары и просто о людях и нелюдях. Впервые за последние несколько месяцев я чувствовала себя хорошо и уютно, сидя здесь с этими мужчинами и дородными женщинами, которые жили просто, но в согласии с собой и своей совестью. Уходило в ночь дневное напряжение и усталость последних дней, я рядом с ними отогревалась психологически, чувствуя какое-то внутреннее родство.

— Госпожа, позвольте сказать вам? За все годы моих странствий, первый раз встречаю светлую эльфийку, согласившуюся разделить очаг с простыми людьми. Только не поймите превратно, я вовсе не хочу оскорбить вас, но вы — другая, непохожая на светлых. Ваши соплеменники слишком холодные, а вы живая. Меня это радует!

В ответ только грустно улыбнулась, не отвечая на его невысказанный вопрос, и устала в огонь. Но нашу идиллию прервали женщины, суетливо кружащие возле одной из повозок, в которой за эти пару часов пропадали по очереди. Насколько я поняла, там находился кто-то из людей, по неизвестной причине не вышедший к ужину, предпочитая отсиживаться внутри. Беспокойство женщин заметили и мужчины, один из них, хмурый, молчавший до этого, побледнел и еще больше нахмурился, судорожно сжимая кулаки на коленях. Все остальные тоже перестали улыбаться и расстроено замолчали. Йорэт только положил тяжелую руку на плечо мужчины и с печалью в голосе тихо сказал.

— На все воля богов, Хал! Если им будет угодно, твоя Ризет выживет.

Я вся похолодела от услышанного — такая обреченность в его словах, поэтому не выдержала и спросила.

— Что с ней случилось, уважаемый Йорэт?

— Ризет вчера потеряла ребенка и вот уже сутки медленно истекает кровью и горит в лихорадке.

Я, недолго раздумывая, прикинув свои шансы на удачу, спросила.

— Могу ли я осмотреть ее?

Все мужчины удивленно уставились на меня, а вот глаза Хала загорелись истовой надеждой на чудо, что еще больше испугало меня. Ведь я не чудо и практически ничего не умею, о чем откровенно сообщила.

— Я хочу сразу предупредить вас, что практически ничего не умею и только учусь, но я могу хотя бы попробовать ей помочь.

— Ничего, госпожа, я буду благодарен вам за любую помощь, даже за самую малую.

Я кивнула и, встав, быстро направилась в сторону повозки. Бедняжка лежала на жестком матрасе и металась в горячке. Хоть женщины и следили за ее состоянием, но в

повозке остро пахло кровью и близкой смертью. Опустившись перед молодой женщиной на колени, сняла плащ и, отбросив его в сторону, начала руками изучать ее тело, чтобы выяснить проблему. Как учил меня Галдор, и как прочитала в учебнике. Жаль, за эти четыре дня пути, у меня совсем не было времени, на его изучение. Я нашла источник боли в тот момент, когда слилась с телом больной, и начала лечение. Щедро делилась с ней своей энергией и вскоре почувствовала, что лечение прошло весьма удачно, и от этого слезы облегчения покатались из глаз. Отняв руки, оперлась на них, почувствовав головокружение и слабость, ведь это был первый раз, когда я так много отдала и сделала. До этого пробовала лечить только мелких грызунов, над которыми Галдор проводил свои эксперименты. Взглянув на женщину, заметила ее умиротворенный вид и спокойное равномерное дыхание. Она спала, обессиленная борьбой с кровотечением и лихорадкой, но теперь при должном питании и уходе с ней все будет хорошо. С трудом вылезла из телеги, волоча за собой плащ и, заметив с десятков тревожных напряженных пар глаз, устремленных на меня, слабо улыбнулась и сказала, глядя в глаза мужу этой женщины.

— Не волнуйтесь, теперь все будет хорошо, она выживет, только ей сейчас надо чаще и лучше кушать и больше отдыхать. И дети у вас еще будут, только дайте ей время оправиться от этого несчастья. Она сильная, справится.

Хал упал передо мной на колени и зарыдал, закрыв лицо ладонями. Присела рядом с ним и погладила по голове, успокаивая. На меня накатил дикий голод, и я поняла, что таким образом мой организм пытается восполнить растроченные энергетические ресурсы. Встала и, посмотрев на Йорэта, с радостной улыбкой наблюдающего за нами, попросила дать мне немного поесть, пояснив причину голода. Две женщины, услышав мою просьбу, кинулись исполнять ее, наполнив тарелку до самых краев и отрезав большой ломоть хлеба. Я даже не заметила, как все съела и, утомленная, закутавшись в одеяло, легла рядом с Росой, уже не обращая ни на кого внимания. Впервые за последние дни я спала, никого не опасаясь. Еще не встало солнце, а я проснулась и, заметив приветливый взгляд одного из мужчин, который бдительно сторожил сон остальных, ответила ему улыбкой и пошла к ручью умываться. Уже через час лагерь напоминал улей, где каждый четко и споро выполнял отведенную ему работу без суеты и спешки. Немного подумав, попросилась к Йорэту в компанию, особенно меня обрадовал тот факт, что Дачарин находится дальше на востоке, и придется проехать через пару городов и несколько поселков.

За неделю нашего совместного путешествия, наконец поверила, что смогла уйти от погони и расслабиться настолько, что каждый встреченный нами путник не вызывал у меня чувства страха и напряжения. Но капюшон не снимала, справедливо полагая, что единственная эльфийка в компании людей может привлечь ненужное внимание не только ко мне, но и к спутникам. И все же спутники отметили мою повышенную тревожность при встрече с другими, особенно это касалось групп всадников, и приняли данный факт к сведению, но хвала Светлейшей Аллоис, вопросов не задавали. Я же со своей стороны старательно изучала учебник, пользуясь возможностью ехать под охранной, а не крутить постоянно головой и прислушиваться к окружающим шумам. Попутно с изучением целительства, я сначала заметила, как легонько прихрамывает Йорэт и, предварительно спросив разрешения, вылечила его больное колено. А потом прошлась по всем членам этой компании и подлечила их болячки. И им хорошо, и мне практика. И таким образом, надеюсь, смогла хоть чем-нибудь отплатить им за мои гораздо более спокойные ночи и веселые дни, наполненные познавательными беседами. Однажды, за день до приезда в

Дачарин, когда расположившись на привал, наш обоз встретил каких-то дальних родственников Йорэта, я услышала заинтересовавший меня разговор торговцев. Мужчины обсуждали новость, что восточные оборотни из семейства волчьих с удовольствием принимают у себя человеческие семьи, особенно те, где есть незамужние женщины, желающие завести семью. И хотя торговцы с большой долей недовольства и ханжества, обсуждали это известие, но все же отметили, что волки достаточно порядочные нелюди, и на их территориях можно жить, не опасаясь за свою жизнь. Я молча слушала и старательно запоминала любые мелочи, уже практически наметив себе дальнейший план действий. Вспомнила, что эльфы с оборотнями не слишком ладят, считая их животными, и надеялась, что волки не выдадут меня родственникам, если те меня у них когда-нибудь обнаружат. А еще рассчитывала, что оборотни не откажутся принять у себя незамужнюю эльфийку-целительницу. От этих мыслей во мне разгорелась надежда, что возможно я нашла наиболее правильное решение и смогу среди волков обрести семью и дом, где меня не будут презирать, а может быть даже смогут полюбить.

Ночью я проснулась от диких криков, топота и лязга оружия. Вскочив на ноги, заметила страшную картину, от которой волосы встали дыбом. Ужас! С десятков мужчин окружали пару воющих и кидающихся на них полусгнивших трупов. Как только кольцо людей замкнулось, трупы начали рубить длинными топорами, вилами удерживая на земле. Мне стало плохо и, согнувшись пополам, стошнило. Мертвая и в то же время живая плоть вопила, стенала, а ее все кромсали, пока не покрошили в мелкий фарш, затем, быстренько обложив поленьями, подожгли. И крайне внимательно следили, чтобы сгорело все дотла. Рядом со мной присел Хал и, погладив по плечу, с участием спросил.

— Неужели никогда не видела подобное раньше?

Я только покачала головой, устало вытирая рот дрожащей ладонью. Он подал мне флягу с водой и предложил попить, что я тут же и сделала.

— Сколько тебе лет-то, госпожа?

Я привалилась к его плечу, и все еще трясась от пережитого ужаса, узлом скрутившего внутренности, не задумываясь, ответила.

— Тридцать исполнилось, три недели назад!

Его удивление немного привело меня в норму, и я отстранилась.

— Дак как же тебя, малявку такую, из семьи отпустили-то? Ведь для вашего племени ты все равно что младенец.

— Нет, теперь я совершеннолетняя, и некоторым это не по вкусу. Особенно тот факт, что я мало того что свободная, так еще и живая.

Я ответила с горечью и, прекращая расспросы Хала, встала и направилась к Йорэту справиться нет ли раненных, и нужна ли моя помощь. Оказалось все живы и здоровы, и уже скоро спали, выставив дополнительную охрану. Я же лежала и все никак не могла успокоиться от увиденного. И благодарила Аллоис, что рядом со мной в такой момент находились умудренные опытом мужчины, которые так профессионально уничтожили голодных тварей. Откуда они берутся, Йорэт мне не смог ответить, только сказал, что это зараза какая-то заставляет вставать трупы и жрать кого ни попадя. А задача честного люда — хоронить их заново, чтобы души умерших могли беспрепятственно уходить на покой, а не бродить за своим неуспокоенным телом.

Утром я решила проехаться вместе с Ризетой в телеге, а то плохо спалось, и я встала уставшей. Она обрадовалась моей компании, и пару часов мы провели мило болтая. Хал и

Йорэт ехали рядом и иногда вставляли едкие замечания в болтовню Ризет. Мимо нас проскакали семеро всадников на белоснежных скакунах, при виде которых я побелела и вся сжалась в комочек. Мою реакцию первым заметил Хал, а потом и Йорэт, они тоже напряглись, и бородач только кивнул мне головой, движением глаз призывая забраться вглубь повозки. Я нырнула внутрь и оттуда успела заметить, как один из всадников, рысью проскакавший мимо нас, неожиданно резко развернув скакуна, подъехал к моей Росе и внимательно ее осмотрел. Потом, окинув весь обоз и взглядом вычленив главного, подъехал и обратился к Йорэту. Из-за капюшона я не сразу узнала всадника, но сжавшись под одеялами в повозке, могла прекрасно его слышать. Бэор! От звука его голоса внутри все похолодело от страха и отчаянья.

— Ты — главный?

— Да, светлейший, в этом обозе главный я! Чем могу вам помочь, господин?

— Откуда у тебя эта лошадь?

— Я купил ее, еще неделю назад у одного паренька, а может девчонки кто их теперь разберет.

— Где это было, и как выглядел продавец?

— Худенький, зеленоглазый, остальное он прятал под плащом, господин! А было это в Мертонсе, как я уже сказал с неделю тому назад. И скажу вам, господин, что купив эту лошадь, совсем не прогадал. Паренек, наверное, совсем не знает ей цены.

— Сколько ты хочешь за нее, человек, я забираю ее у тебя.

— Нисколько, господин, потому что продавать ее не собираюсь. Это была честная сделка, и у меня было много свидетелей тому. Так что забрать ее у меня не получится, если, конечно, вам не нужны лишние проблемы, светлейший?!

— Послушай, ты знаешь, чья это лошадь, и у кого ее украли?

— Нет, господин, не знаю и знать не хочу! Мне это не интересно, я ее купил честно и никому отдавать не собираюсь. Мало ли кто что говорит! Что ж мне теперь всех слушать? Так и по миру пойти не долго.

— Ты пожалеешь об этом, человек!

Резкий топот копыт свидетельствовал, что Бэор уехал, причем в весьма расстроенных чувствах. А я просто лежала и плакала от облегчения. Пронесло! Как же мне повезло в лесу натолкнуться на людей. Спасибо, Матушка Алоис, думаю и ты здесь постаралась. Мои подрагивающие плечи обхватили твердые сильные руки и, приподняв голову, взглядом натолкнулась на улыбающееся лицо Йорэта. Позади него сидела Ризета и с тревогой смотрела на меня. Я не выдержала и прижалась к бородачу, уткнувшись ему в плечо, и заплакала еще сильнее, сквозь слезы и всхлипы пытаюсь благодарить за спасение, за то что не выдал. Не продал!!!

К вечеру мы прибыли в Дачарин, где обнявшись со всеми, я рассталась с обозом Йорэта, предварительно отсыпав ему немного золота из своих запасов. Он отказался, но я настояла и он, вызвав тем самым у меня усмешку, все же согласился. Деньги для торговца — это святое! Найдя хорошую гостиницу, сняла себе комнату и заказала ванну и ужин в номер. Час отмокала от двухнедельной грязи, скопившейся на мне с момента побега, гигиенические процедуры в лесных ручьях не в счет. Постирала свои вещи в остывающей воде, поужинала и завалилась спать в жесткую, но тем не менее, чистую гостиничную кровать, правда, перед этим перетаскив всю остальную мебель к двери, заблокировав ее. Окна я тоже тщательно закрыла для обеспечения собственной безопасности.

Проснувшись уже довольно поздно, за окном, судя по солнцу, уже давно за полдень. Умывшись и заплетя косу, я тщательно оделась в свежую чистую одежду, привычно укутавшись в темный плащ, собрала вещи и спустилась вниз. Устроившись в самом темном и дальнем уголке, заказала обед. Пока ждала заказ, из-под капюшона наблюдала за посетителями. Большинство были люди, самые разные, среди них выделила парочку странных, которые двигались с пластикой животных, и я сделала вывод — передо мной оборотни, возможно. Когда один из них в нервном ожидании постукивал когтями по столешнице, убедилась что права. Несколько гномов громко спорили о каких-то делах, своими голосами перекрывая общий шум, но тут в общий зал вошли шестеро мужчин, так же как и я закутанные в плащи, с накинутыми на головы капюшонами, напоминая своим видом группу теней. Они подошли к стойке и о чем-то договорились с хозяином, выложив пару золотых монет, вызвав тем самым у него довольную улыбку. Затем прошли к одному из свободных столов и расположились за ним. Я расслышала, как человек, сидящий неподалеку от меня, прошипел соседу.

— Опять эти темные сюда пожаловали, все ищут что-то, вынюхивают. Хотя в последнее время все реже их видно в городах. Они больше у себя отсиживаются. Ну и слава богам, они подальше — нам спокойнее. Говорят, они хуже зверей!

Не забывая работать ложкой, с любопытством присмотрелась к интригующей меня шестерке и чуть не подавилась, поймав на себе такой же заинтересованный взгляд серебристых глаз. Самое странное, что из-под капюшона были видны только блестящие глаза, а лицо было словно укрыто в тени, не давая более подробно рассмотреть их обладателя. Но почему-то от взгляда этих холодных серебристых глаз ёкнуло сердце, вызвав у меня легкое удивление. Что это? Остальные сидели ко мне либо спиной, либо в пол-оборота, укрытые плащами, и хорошо рассмотреть этих темных, мне не удалось. Да и лучше не надо, а то они тоже могут мной заинтересоваться, вдруг возникнут вопросы, а как следствие — неприятности, причем у меня. Тщательно все съев, взяла мешок и, поблагодарив служанку, пошла на выход, всем телом ощущая на себе взгляд серебристых глаз незнакомца. И этот взгляд заставлял все сильнее опускать голову, сутулить плечи и шевелить ногами, чтобы как можно быстрее скрыться от него.

Зашла в конюшню и порадовалась, что за уплаченные мной деньги, Росу выскоблили и хорошо накормили. Мы вместе с ней отправились пополнять наши съедобные запасы. Совершенно случайно в одной из лавок взглядом напоролось на инструмент, похожий на гитару, только немного поменьше, но проверив звучание струн, выяснила, что и в этом они

похожи. Я долго торговалась, но в итоге стала счастливой обладательницей вирны, так здесь называли этот инструмент. Как бонус мне подарили чехол к вирне. Много места она не занимает и почти ничего не весит, поэтому прицепив ее к мешку, направилась дальше.

Когда, наконец, купила все необходимое для дальнейшего путешествия и ненавязчиво выяснила дорогу к оборотням, уже наступил вечер. Я крутила головой, пытаюсь определиться в какой стороне находится так понравившаяся гостиница. В очередной раз выбрав неправильное направление, я уже решила было остановиться на ночлег в первой попавшейся, как неожиданно меня схватили за ногу и сорвали с Росы. Капюшон откинулся назад от удара о землю, и я испуганно посмотрела, кто это меня так невежливо ссадил с лошади. Передо мной стояли три здоровых мужика, явно пьяных и жаждущих приключений на энное место. Причем энное место, явно находится у меня пониже спины. Зашипев, стала отползать от них подальше и судорожно искать спасателей, но, как назло, в этом переулке все словно вымерли. Паника грозила отключить рассудок, но я еще пока держалась.

— Баааа, какие девочки ходят без присмотра! Вот свезло, так свезло, робяты! Куколка, рыпаться не будешь, получишь удовольствие, а если вздумаешь кричать, то удовольствие получим только мы трое.

Я шипела, потому что отползать было уже некуда, позади, как говорится, уже стена. Встала и, продолжая свирепо шипеть и щериться, незаметно для себя плакала. Действительно, как-то все легко у меня выходило: и сбежать, и сюда доехать. А ведь высшие предупреждали, что за все хорошее надо платить: и за жизнь, и за красоту, и за дар, и за будущее счастье и любовь — за все! И похоже, сейчас с меня за все возьмут оптом. Самый трезвый из них притиснул меня к стенке, я же уперлась ему в грудь руками и сосредоточилась. От злости и страха руки снова нагрелись, и мужик, зашипев, отскочил, но не успела я обрадоваться, как он подскочил обратно и, отвесив мне оплеуху, схватил обе руки и завернул их за спину, повернув лицом к стене. Я завопила что есть мочи. Кричала что насилуют и что пожар, но никто не откликнулся. Меня тюкнули об стенку, от чего из носа потекла кровь и зазвенело в ушах, а потом начали задирать подол и стягивать штаны. Я из всех сил дергалась, мешая их занятию, царапая себе лицо об стенку, и вопила что есть сил. Неожиданно чужие руки исчезли с моего тела, оставив в покое разодранную сзади рубашку и еще не снятые штаны. Руки оказались свободными, и я тут же, прижимая рубашку к себе, развернулась лицом к нападавшим и замерла от увиденной картины. Пятеро мужчин в плащах стояли полукругом и наблюдали, как шестой методично режет длинным тонким кинжалом моих несостоявшихся насильников, и все это в полном молчании, в сопровождении хрипов, стонов и редких вскриков со стороны теперь уже жертв. Из-под капюшона мужчины, убивающего насильников, уже знакомо блеснули серебристые глаза и это притом, что на дворе глубокий вечер, и сумерки стусились до почти ночной темноты. Но я разглядела этот яростный серебристый блеск. Было страшно до икоты, я неуверенно подобрала свой плащ и, все еще не зная что делать, доверилась своему телу. Голой спиной протиснулась между этой бойней и стеной к Росе и, вскочив на нее, рванула прочь. Знакомая гостиница оказалась через два переулка, отдав конюху Росу и наказав ее накормить и почистить, снова замоталась в плащ и зашла внутрь. Как и вчера заказала себе ванну, сегодня она мне была особенно нужна — смыть с себя страх, ощущение чужих рук на теле и грязь стены, об которую меня так безжалостно приложили, а еще ужин и завтрак, и тут же поднялась наверх.

Три дня и три ночи я скакала, не давая себе больших передышек и поблажек. Мне снова повезло помочь. Буквально на второй день после моего отъезда из Дачарина ранним утром я наткнулась на небольшой разграбленный человеческий обоз. К сожалению, нашла только одного живого, но сильно израненного парня. Исцелив его раны, выяснила, что на них напала бандитская шайка. Забрали пару женщин из обоза, лошадей, а мужчин убили. Только ему и удалось выжить благодаря мне. Помогла ему похоронить трупы и оставила позади себя, уверенная, что теперь более-менее здоровый взрослый парень сможет позаботиться о себе. Сама же, имея целью добраться до территорий оборотней, удалялась все дальше от владений светлых эльфов. И чем дальше от них находилась, тем больше уверенности и спокойствия появлялось в душе.

Между тем, все бы ничего, но росло чувство одиночества. С рождения привыкшая к тому, что меня от всего защищал папа, заботилась и лелеяла мама, сейчас наиболее сильно чувствовала свое одиночество и тоску по дому и родным, по ласковым рукам родителей. Иногда разговаривала с Аллоис, рассказывая ей какие-нибудь истории или жалуясь на что-либо из моей нынешней жизни и даже тот факт, что ответа ни разу не получила — все равно хоть какое-то общение. Даже если говорить приходится самой с собой. Или с Росой! Она-то меня уже с полуслова понимала, иногда ехидно кося глазом или пофыркивая. Из-за того что произошло со мной в эти последние дни: нападение зомби на обоз и попытка изнасилования, практически не спала по ночам, следила за каждой тенью, вздрагивала от любого шороха, раздававшегося неподалеку, лишь на короткое время забываясь тревожным сном. После встреченного разграбленного бандитами обоза, я съехала с общей дороги и, ориентируясь на подсказки, которые дал спасенный парень, по лесу направилась в нужную мне сторону. Так для меня безопаснее и спокойнее.

Солнце стояло в зените, а я от размеренной ходьбы Росы буквально сползала с ее спины, все время проваливаясь в беспокойный сон. Я заметила огромный камень, с которого стекал небольшой ручей и падал в пруд, образуя водопад. Меня восхитила кристальная чистота воды в пруду, в нем были видны даже самые маленькие камешки. Расседлывать Росу я не стала, просто отпустила ее пощипать траву на зеленой полянке рядом, а сама, раздевшись до нижней короткой рубашки, доходящей до середины бедра, пошла купаться. Вода была на удивление теплой. Вдоволь накупавшись, залезла на камень и села на нагретую солнцем плоскую площадку. Лениво осматривала окружающий лес, звенящий от перезвона насекомых и птиц. Над камнем склонились тонкие ветви, на которых цвели потрясающей красоты крупные цветы с тонким ароматом. Несколько из них упали на камень, медленно увядая. Я подобрала один и поднесла к лицу, наслаждаясь запахом. Распустив мокрые волосы, расчесала их пальцами и легла, чувствуя как тепло камня проникает в меня и расслабляет все мышцы. Вытащила из-под себя волосы и, устремив взгляд в небо, любовалась его чистотой и голубым цветом, а потом и не заметила как уснула.

Меня разбудило чье-то прикосновение. Такое легкое и нежное, что я улыбнулась во сне и щекой потянулась за дополнительной лаской, а потом проснулось сознание, и я вздрогнув, в панике, широко раскрыла глаза. Рядом со мной на коленях сидел мужчина с темно-серой кожей и светло-серыми волосами, густой волной стекающими до талии. Огромные серебристые глаза напоминали цветом скорее сталь, тонкий нос с широкими крыльями и

твердые тонкие губы, из-под которых торчали небольшие парные клыки. Почти незаметно, но все же видно и, в принципе, даже симпатично. Высокий и довольно мощный мужчина пристальным взглядом скользил по моей недлинной рубашке и коротким широким шортикам на шнурке, которые я сама еще в поместье Бельфаласа пошила, не в силах отвыкнуть от привычного нижнего белья, вызвав неожиданно учащенное сердцебиение и томление в груди. А тем временем, мое тело все обдумало гораздо раньше чем мозги, поэтому подогнув ноги, с силой их распрямила, оттолкнув его от себя, а потом соскользнула с камня и быстро рванула по берегу к лошади. На другой стороне пруда я заметила пятерых удивленных мужчин, похожих на первого и еще ускорила. Вскочив на Росу, на всех парах, не обращая внимания на свой внешний вид, рванула в лес. Я не оборачивалась, чтобы убедиться едут они за мной или нет, слишком уж плохой наездник еще, чтобы во время езды еще и головой крутить. Получасовая скачка по лесу, и я в надежде, что они отстали, поехала чуть медленнее и это меня сгубило. В спину что-то ударило с такой силой, что меня вышибло из седла и хорошенько приложило о землю и корни деревьев. Придя в себя, задрала голову и, оглядев поляну, на которой оказалась, решила, что у меня дежа-вю. Причем в утроенном варианте. Вокруг стояли страшные грязные небритые мужики и ухмылялись щербатыми ртами. Парочка, поймав Росу, потрошила мои вещи. Они радостно присвистнули, отыскав драгоценности и золото. Вокруг стояло еще человек пятнадцать, а рядом со мной — трое самых мерзких из них. Один, не тратя времени на разговоры, подошел ко мне и попытался зачем-то ухватить за ногу. Я подорвалась и побежала в лес, намереваясь затеряться среди деревьев, но меня догнали за пару секунд и, схватив за волосы, заставили встать на колени. Мутными красноватыми глазами главарь банды смотрел на меня с усмешкой и презрением. Боже, как же я ненавижу это выражение на лицах тех, кто смотрит на меня. Откуда такое презрение ко мне у этих полуживотных? Ведь я-то им ничего не сделала или осознание, что я слабее и беззащитнее их, априори вызывает презрение в этом мире, но ведь я же видела, как Йорэт и его спутники уважительно и по-доброму, относились ко мне, и к своим женщинам, защищая и заботясь. Не может быть, чтобы они были единственные в этом мире нормальные мужчины!!!

Я держалась за его кулак, которым он крепко сжимал мои влажные после воды волосы, и затравленно смотрела на него. Просить не буду, бесполезно, но в голове была абсолютная пустота и решения как выйти из этой ситуации, я не видела. И от этого стало еще страшнее.

— Порадуешь меня, светлая, и я, возможно, оставлю тебя в живых! Начинай красавица, а то время уходит, скоро вечереть начнет и домой пора бы уже.

Я слушала его, закусив до крови губу, и молчала, внутреннее вся сжавшись от страха и обреченности. Он дернул меня за волосы, пытаюсь вывести из оцепенения, но я только сильнее вцепилась в его кулак и зубами в свою губу, чтобы не завывать от бессилия и отчаянья. Он потянул руку вверх, вынуждая меня встать на цыпочки, вытянувшись в струнку вдоль его тела. Потом дернул к своему лицу и, понюхав мои волосы, с довольной ухмылкой выдал.

— Такая сладкая девочка! Мммм!

Потянулся ко мне лицом, а я, не обращая внимания на волосы, зажатые в его кулаке, отпрянула в сторону. В эту секунду раздался странный вжик и мужик с глубоким удивлением на лице, начал заваливаться вбок вместе со мной, не выпустив волосы. Рухнув рядом с ним, с трудом вытащила их из кулака и, поскуливая от ужаса, отползла в сторону. Поляну наполнил тихий свист и громкие крики. Уже через несколько мгновений все смолкло, только иногда раздавались редкие стоны еще живых раненных людей. Прижав колени к груди и обхватив их

руками, выла уже не в силах плакать. Почти четыре месяца боли, страха, напряжения и отчаянья смешанного с одиночеством, сделали, наконец, свое черное дело. Я сломалась. Обхватив колени руками, сидела прямо на земле, укутанная пологом из пламенеющих волос, и из-под лобья наблюдала, как ко мне медленно подходит темный эльф с серебристыми глазами. Черный плащ, словно преданная собака, вился возле его ног, темная рубашка до середины бедра выглядывала из-под кожаной жилетки, сейчас развязанной на широкой груди, и черные штаны из плотной ткани, заправленные в высокие кожаные сапоги до колен. Остановившись в нескольких шагах от меня, он отложил в сторону лук и колчан со стрелами. Теперь понятно, что за свист раздавался вокруг, и с такой точностью находились жертвы летучей смерти. Оставшись безоружным, он подошел вплотную и опустил передо мной на колени, положив руки на мощные бедра.

— Если бы ты не сбежала снова, маленькая эла, этого не случилось бы! А сейчас успокойся, все хорошо, больше тебя никто не тронет.

В его глазах было столько тепла и участия, что я не выдержала, громко всхлипнув и привстав на коленях, прижалась к нему всем телом, и, уткнувшись в его шею, горестно зарыдала, выплескивая пережитый ужас. Его руки сомкнулись у меня за спиной, а потом начали мягко и нежно поглаживать, успокаивая и утешая. Меня как ребенка ласково гладили по голове и что-то тихонько шептали. Потребовалась пара минут, чтобы взять себя в руки и прекратить истерику. Вытерла слезы и огляделась вокруг. Один из темных стоял рядом, но не смотрел на нас, зорко вглядываясь в окружающий пейзаж. Остальные четверо споро сносили трупы и умирающих в одну кучу. Хотя, судя по тому, что редкие стоны прекратились, живых, скорее всего, не осталось. Затем еще один присел на корточки и, что-то начертив на земле, хлопнул ладонью о землю и отошел в сторонку, а я, замерев от ужаса, забыв обо всем наблюдала что-то нереальное. Вокруг трупов зашевелились корни деревьев, и они один за другим начали уходить под землю, оплетаемые корнями. Через несколько мгновений от них не осталось даже пятнышка, только земля, поросшая травой. Как и не было ничего.

Я в шоке залезла с ногами на своего спасителя и вцепилась в него всеми конечностями, не дай бог уронит, а меня голодные корешки слопают. Господи, я спокойно так спала на земле и боялась не того, чего нужно было в первую очередь опасаться.

— Что случилось, светлая?

Услышав вопрос, я повернула застывшее изумленное лицо, к своему спасителю и хрипло шепотом спросила.

— Это что сейчас такое было?

— Нейлин, светлая, странно, что ты не знаешь, как называется способ захоронения своих предков!

Взглянув в мое ошарашенное лицо, он удивленно наклонил голову, от чего серые волосы мягко накрыли мою руку, и продолжил спрашивать.

— Сколько тебе лет, девочка, что ты не знаешь простейших истин своего народа?

Я почувствовала, как во мне растет раздражение, буквально заставила себя разжать руки и выпустить такую надежную шею, дарующую упоительное чувство безопасности. Потом слезла с его колен и встала, чувствуя себя неуверенно в одном нижнем белье, под их любопытными взглядами. Но все же, задрав подбородок, чтобы посмотреть в глаза вслед за мной вставшему с колен мужчине.

— Месяц назад по эльфийским законам я стала совершеннолетней.

Они шокировано переглянулись меж собой.

— Как тебя зовут и почему ты одна?

— Меня зовут Эленаль и раз я совершеннолетняя, то могу путешествовать одна! Не спрашивая ни у кого разрешения.

Они недоуменно подняли брови, а спаситель нахмурился и спросил.

— Имя твоего рода, девочка, я не услышал.

Я промолчала, не опуская глаз, всем видом давая понять, что говорить не буду. Он только еще больше нахмурился, а остальные просто усмехнулись.

— Почему ты оказалась здесь и куда идешь?

Я не видела смысла скрывать ответы на эти вопросы, поэтому честно ответила, и более того, в голову неожиданно пришла любопытная мысль, которую я незамедлительно озвучила.

— Я иду к волкам-оборотням! Слышала, они принимают в своих землях людей, надеялась, что и мне не откажут. Знаю, что они не сильно любят светлых, но надеюсь, мне как целителю удастся уговорить оборотней разрешить поселиться на их территории и под их защитой. — перевела дыхание, затем собравшись с силами, выпалила: — Я читала, что земли эльфанов и оборотней граничат, если вы направляетесь домой, можно ли мне проехать с вами хоть какое-то расстояние? Поближе к их территориям... Если вы не против, конечно же?

Чем больше я говорила, тем сильнее округлялись их глаза и вытягивались лица. Мой спаситель очень быстро стер удивление с лица и, сощурившись, подозрительно уставился на меня.

— Кто ты такая, Эленаль? И почему ты здесь? Мне нужна только правда, и ты мне ее скажешь!

— Но я же уже сказала вам зачем здесь и почему, что вам еще надо от меня?

— Девочка, если ты думаешь, что мы поверим во всю эту чушь, что ты сейчас нагородила, то ошибаешься.

Стоящий рядом мужчина с голубыми глазами и единственный, у кого волосы были заплетены, причем в две косы, достигающие ягодиц, гневно смотрел на меня. А потом быстро сел и, нарисовав закорючку на земле, хлопнул по ней ладонью. У меня от ужаса перехватило дыхание, я обернулась к сероглазому, но он только хмуро смотрел на меня. И тут, о ужас, по мои ногам поползли корни, оплетая так сильно, что не было возможности даже двинуться с места. Я в панике забила на месте, но как только поняла, что ничего не смогу сделать, подняла глаза, из которых опять потекли слезы, и умоляюще протянула к нему руки. Ступни уже ушли под землю, но тут мой герой не выдержал, быстро присел и, тоже начертив значок, прекратил мои мучения, освободив ноги из плена земли. Меня все еще трясло, и я цепко держалась за его рубашку. Чувствовала как бешено бьется мое сердце от страха, грозя выскочить из груди. Голубоглазый появился рядом со мной, а я при виде его холодных глаз, затравленно вжалась в тело своего спасателя. Но голубоглазый с угрозой в голосе повторил свой вопрос.

— Кто ты такая и почему здесь? Одна?

Я устала, сильно устала от всего. И из этих сильных рук, крепко обнимавших меня за плечи, высвободиться не хотела, но надо. К чему хранить секреты? Мне не стыдно за свое прошлое и поэтому скрывать не стоит. Неохотно отлепившись от горячего тела, отошла на пару шагов, словно выстраивая заранее между ним и собой невидимую стену для защиты от

его презрения, которое непременно последует, и, словно разглядывая одной лишь мне видимую картинку среди деревьев, рассказала все, опустив лишь встречу с 'пятнами'. Не надо о ней кому-то знать — в этом я была твердо уверена. Пока рассказывала, словно заново переживала каждую ситуацию и всю боль, что скопилась в душе, а ведь уже совсем скоро добавится новая — как только в серебристых глазах увижу презрение к себе. Удивилась, ощутив как болит сердце в предчувствии этого. Я закончила говорить и опустилась на землю от усталости; я уже перестала опасаться корней. Так сильно измучилась, не волновало даже то, что сижу полуголая и босая перед шестью здоровыми клыкастыми темно-серыми мужиками. Вообще, хотелось лечь и навсегда уснуть. Молчание длилось несколько мгновений, потом раздался глухой голос голубоглазого.

— Я о подобном никогда не слышал, но от этих выроdkов-светлых, можно чего угодно ожидать. Если бы встретил твоего так называемого отца, лично бы под кустом прикопал.

Я удивленно подняла лицо, вглядываясь в хмурые лица мужчин. Видимо заметив мое состояние, мужчина с серебристыми глазами присел рядом со мной на корточки и мягко пояснил.

— Эленаль, эльфы другие! В какой-то мере светлые правы, мы ближе к животным чем к ним и воспринимаем жизнь по-другому. Для нас неважно, что ты в прошлой жизни была человеком. Главное, что ты из себя представляешь сейчас. Да, любой эльф гораздо больше презирает светлого, чем самую безмозглую нечисть. Не в обиду будет тебе сказано. Для любого эльфа, ты — просто эльфийка, причем женщина, и этим все сказано. Эльфы никогда не причинят вреда женщине. Любой женщине! И еще, уважаем мы за заслуги, а презираем за поступки, девочка моя! А не за прошлую жизнь. Тем более, ты прошла посвящение и принята самой Аллоис. Я вытерла слезы, все еще катящиеся по щекам и неуверенно улыбнулась.

— Значит вы согласны, если я поеду с вами туда, куда хочу попасть?

— Это значит, что мы согласны сопровождать тебя туда, куда тебе НУЖНО попасть.

Я не стала придирается к словам и, помявшись, опустила голову, испытывая смущение, попросила.

— Извините меня, я вас там, на камне, ногами ударила, я просто испугалась. Ииии если можно, отвернитесь, пожалуйста, мне нужно одеться.

Поискав взглядом свою кобылу, заметила усмешки на лицах мужчин, но они все же отвернулись. Подошла к лошади и тут до меня дошло — всю одежду и сапоги оставила у пруда, когда так поспешно сбегала, осталось лишь то, что лежало в мешке и сейчас валялось рядом. Вздохнув, подобрала разбросанные бандитами вещи и быстро оделась, с тоской посмотрев на босые ноги, — другой обуви не было, да и плаща тоже... Рядом неожиданно появился голубоглазый эльф и с усмешкой протянул мне одежду и сапоги, забытые в спешке. Смущенно прошептав благодарность, поспешила обуться и затолкать все в мешок. Неожиданно нашла мешочек с деньгами, сиротливо валявшийся возле корня, и со страхом подобрала его, быстро вернувшись к Росе. Как только я была готова, вернулась к мужчинам и заметила, что они с интересом наблюдают за мной, не испытывая смущения из-за того, что не выполнили до конца просьбу. Они подошли ближе и начали по очереди представляться. Мужчину, который так неожиданно затронул мое сердце, звали ан Кэлэбриан Даэбран, голубоглазого — ан Ладрос Саренан, двое темноглазых братьев с волосами темно-серого цвета, представились как аны Вайрэ и Гритнир Айлейдан. После них представился сероглазый белоснежный мужчина с косами — ан Даэрон Веран и последний мужчина с

лукавым блеском в болотных глазах и шрамом на щеке назвался как ан Дэнэтор Вайдролан. Кликнув лошадей, все сели в седла и поехали прочь с этого вынужденного кладбища.

Через некоторое время я начала клевать носом и вскоре заснула, прижавшись к холке Росы, но неожиданно ощутила полет и, испуганно раскрыв глаза, ожидая падения, поняла, что Кэлэбриан забрал меня на свою лошадь, усадил к себе на колени, обнял, давая возможность поспать, что я и сделала без смущения и сомнений. Я несколько суток нормально не спала, а недавние события забрали последние силы, так что я была только благодарна Кэлу (про себя назвала его так) за заботу. Прижавшись к его груди, удовлетворенно закрыла глаза и тут же заснула под мерный стук его сердца и копыт жеребца.

Проснулась от того, что затекла шея, потянулась, стараясь размять ноющие мышцы и замерла, осознав, что сижу на коленях Кэлэбриана. Подняв лицо, уткнулась в расплавленное серебро его глаз, в которых как только мы встретились взглядами, засверкали искры.

— Как ты себя чувствуешь, маленькая эла?

— Вполне сносно, ан Кэлэбриан!

— Я прошу тебя обращаться ко мне по имени, если это не оскорбит тебя или не будет столь неприятно для светлой элы.

— Хорошо, как скажешь, Кэл! Мне так даже удобнее, а то у тебя имя очень длинное. И меня это нисколько не оскорбляет и даже приятно.

Я весело улыбнулась, глядя в его смеющиеся глаза, которые, тем не менее, не отрываясь следили за моим лицом, откровенно подмечая эмоции, которые мелькали на нем. Вокруг стояла вечерняя прохлада и сумерки начали свое незаметное наступление на лес. Я зябко поежилась, и Кэл, почувствовав мою дрожь, укрыл лапами своего плаща.

— Почему твоя лошадь коричневая? Если бы не цвет, я бы считал ее чистокровной Айренской породы?

— Я боялась чрезмерного внимания и перекрасила ее, видишь, она местами уже светлее чем грива. Скоро краска совсем сойдет, и она снова станет белоснежной. Мне ее перед посвящением подарили, чтобы на церемонии род Аундаэ не опозорила, приехав на обычной. Сплошной фарс, который не делает кому-то из них чести, а столько суеты вокруг.

Вспомнив о плохом, нахмурилась, пытаюсь избавиться от тяжелых мыслей. И снова почувствовала тяжесть не только в душе, но и на сердце. Непривычно. Кэл, одной рукой держа поводья, вторую положил мне на руку и, сжав мою ладонь, коротко прошептал на ухо.

— Не жалею о прошлом, оно тебя многому научило, но и не позволяй ему управлять твоим будущим, а главное — настоящим. Отпусти прошлое и живи настоящим.

Удивленная его словами, резко повернула лицо, и он, не успев отстраниться, скользнул губами по моей щеке и губам. Я покраснела из-за этого, а он пару мгновений внимательно смотрел на меня, а потом снова уставился вперед, сверля спину едущего впереди Гритнира. Впереди всех ехал Ладрос, за ним следовали братья, за которыми ехали мы на жеребце Кэлэба по кличке Темный, рядом семенила Роса, изредка кося взглядом на нас. А позади — Даэрон с Дэнэтором и тихонько о чем-то разговаривали.

— А как долго до ваших территорий добираться?

— Если не возникнет непредвиденных ситуаций, то что-то около двух недель, а может больше, — предвидя мой второй вопрос, добавил, — А до оборотней еще неделю, после того как доберемся до наших границ. Между людьми и нами пролегает узкая полоска приграничных болотистых низин, там обитают вампиры, так что есть большая вероятность натолкнуться на них. Эти низины и болота тянутся практически на всем протяжении границы, через которую нам придется проезжать. Придется быть очень осторожными. Ты еще не передумала ехать с нами? Не боишься?

Я покачала головой и ответно пожала ладонь Кэлэба.

— Нет, с тобой я ничего не боюсь! — потом до меня дошло, что я только что сказала и смущенно поправилась, — С вами! Всеми! И я хотела бы еще раз сказать вам спасибо, за то что спасли меня в Дачарине, в переулке, и теперь снова спасли здесь. А я не поблагодарила

— от ужаса даже думать не могла, просто ускакала, да и сейчас вела себя как истеричка. Простите меня за неблагодарность и грубость.

— Не волнуйся, мы тебя понимаем и благодарность принимаем. Лучше поздно, чем никогда! Я прав, маленькая?

Снова в его глазах искры и смех, а я, улыбаясь, не могу оторваться от них и отвернуться тоже не могу. Потом, с трудом опустив взгляд, сказала.

— Я думаю, нам лучше не напрягать Темного двойной ношей. Я отдохнула благодаря тебе, и в состоянии пересесть на Росу.

Он слегка помрачнел, чем вызвал мое недоумение, но не успел ничего ответить, потому что мы выехали на полянку, возле которой обнаружился узкий ручеек. Ладрос повернулся в седле и, посмотрев на Кэлэба, сказал.

— Думаю нам лучше остановиться здесь! Дальше может не быть воды. Да и стемнело уже.

Кэл соскользнул с лошади и только после этого, обхватив меня за талию, осторожно снял с Темного и поставил рядом с собой, медленно убрав руки с моего тела. Я не смотрела на него, а опустив голову, отошла к своей лошади. Братья Гритнир и Вайрэ ушли на охоту, остальные без суеты принялись обустроить ночлег. Я же отошла в сторонку и, удовлетворив свои туалетные нужды, вернулась обратно, по дороге набрав разных полезных травок для отвара. Даже эльфам нужно заботиться о своем здоровье, особенно мне. Ополоснув травку в ручье, набрала в котелок воды и поставила на весело потрескивающий костер. Через час вернулись братья, неся пару освежеванных тушек, похожих на кроликов, только немного крупнее. Вдаваться в подробности и выяснять, что это за зверюги благоразумно не стала. Меньше знаешь, лучше ешь! А я шашлык уже сто лет не ела, точнее с прошлой жизни, поэтому, заметив свежее мясо, радостно встрепенулась и, с восторгом глядя на братьев, поздравила с удачной охотой. Все мужчины тоже заулыбались, заметив мой голодный энтузиазм. Пока готовилось мясо, я разлила горячий отвар по кружкам и предложила мужчинам. Они не спешили пить, но как только заметили, что я пью его и сама, не стали привередничать. Я не обижалась. Действительно, кто я такая для них. Они меня знают всего один день и видели пару раз до этого.

Пока ждали мясо, я спросила у всех сразу.

— А вы почему так далеко от дома находитесь?

Все мужчины потемнели лицами и нахмурились, словно я задела свежую рану, и она снова закровоточила. Ответил Ладрос, бросив короткий взгляд на Кэлэба.

— Нас привели в Дачарин слухи, что у тамошнего торговца имеется нужный нам артефакт. Но нас в очередной раз ввели в заблуждение, и сокровище оказалось пустышкой.

— Он такой важный или особенный, что ради него надо было ехать так далеко шестерым мужчинам?

Снова переглядывания между собой, а потом Ладрос пожал плечами и ответил, с болью смотря в огонь.

— Это не совсем артефакт, эла Эленаль! Да и тайны-то никакой нет, в конце концов. Сто тридцать лет назад представитель племени вампиров напал и убил одну из наших женщин, а вторую, совсем молоденькую девочку, увел к себе в логово. Старший ее рода обратился за помощью в свой Верховный Дом. Ту девочку спасли, а всех членов рода, куда входил вампир-похититель, уничтожили. Но самый старый из них перед смертью проклял всех эльфанов. Как только участники спасательной экспедиции вернулись обратно, пройдя

границу, и вернули дочь родичам, тем самым активировали проклятье старого колдуна-вампира. Все женщины-эльфаны, находящиеся в пределах наших земель заснули. Их пытались будить, но все без толку, потом лечили, но результата не получили. За несколько лет мы перепробовали все, однако они, словно мертвые, спят беспробудным сном. Через тридцать лет одна старая ведунья-гномка, семью которой спас один из наших мужчин от нападения бандитов, рассказала нам как снять проклятье. И вот уже больше ста лет мы не прекращаем поиски артефакта, который способен вернуть наших женщин.

Я сглотнула и, чувствуя что замерзаю не только внутри, но и снаружи, спросила, пристально вглядываясь в Ладроса.

— И что это за артефакт?

— Мы сами не знаем, и гномка тоже точно не смогла ответить. Она сказала, что проклятье снимет хрустальная слеза, выращенная огнем и жизнью, омытая состраданием и милосердием, и ко всему остальному, еще и подаренная добровольно. Мы объездили весь свет, перетаскали кучу хрусталя и разных камней или артефактов, хоть какое-то отношение имеющих к хрусталу или слезам, но пока результатов нет.

Печаль зависла над огнем и всеми нами, но аппетитные запахи, исходящие от прожаренного мяса, заставили всех приступить к еде, и уже совсем скоро напряжение спало, и дружно заработали челюсти. Я сидела рядом с Кэлом, и даже жмурилась от этой вкуснятины, с удовольствием принимая все новые кусочки, которые он мне протягивал, срезая с 'кроликов'. Мужчины с любопытством и улыбкой наблюдали за мной, а я — за ними. Наевшись до отвала, сходила к ручью. Умывшись и снова набрав в котелок воды, бросила еще одну щепотку травок и поставила на огонь. Мы просидели еще не больше часа, а потом стали укладываться спать. Я хотела как всегда улечься рядом с Росой, но эльфаны поступили иначе. Расстелив пару одеял на земле, все легли в ряд и оставили мне место между Ладросом и Кэлэбрианом. При этом они распределили ночную вахту, и первым дежурил Кэл. Меня сначала немного смущало присутствие рядом чужих мужчин, и я долго ворочалась с боку на бок, но потом сквозь тревожную дрему почувствовала рядом с собой движение, и знакомое тепло Кэла окутало с ног до головы. Он прижал меня к себе рукой, а я не стала отодвигаться. Уже через минуту я уснула, чувствуя покой и умиротворение.

Мы ехали уже третий день, и я начала чувствовать себя в этой компании почти своей. Я больше не вздрагивала по ночам от малейшего шума, спокойно засыпая, если рядом лежал Кэл. Утром я вставала пораньше и сама готовила всем завтрак, чем в первый раз сильно всех удивила, но против никто не сказал ни слова. Более того, с удовольствием съев мою кашу, очень тепло поблагодарили. Обед мы старались есть легкий, чтобы не тратить впустую дневное время, а вот вечер всегда радовал жареным мясом и нескучными посиделками. В один из таких вечеров в ручье неподалеку от лагеря смыла с себя всю грязь и, поменяв одежду, присела перед костром и начала расчесывать свои длинные волосы. Заметив замороженные взгляды мужчин, наблюдающих за движением гребня, смутилась и потупила глаза. Рядом со мной возник Кэл и, забрав у меня из рук гребень, напряженно заглядывая мне в лицо, спросил.

— Эленаль, позволишь ли ты мне расчесать твои волосы и заплести в косу.

Пожав плечами, еще сильнее смутившись от того, что мужчины услышав просьбу Кэла, ухмыльнувшись, с напряжением наблюдали за мной, ожидая ответа и реакции на этот вопрос, ответила.

— Буду тебе очень благодарна за это!

Глаза Кэла хищно блеснули в свете костра, или мне только показалось, зато все заулыбались и, поглядывая на нас с Кэлом, расслабились. Странные какие?! Пока он осторожно распутывал мои волосы, я довольно жмурилась и, не вытерпев, спросила у Ладроса. Я сразу определила, что в этой компании он самый старший и опытный, но при этом, судя по некоторым деталям и словам, был на втором месте после Кэлэбриана. Его слушались все, не задавая вопросов и не перечая, что меня удивляло, потому что Кэл явно не демонстрировал свой статус или положение вожака и вел себя сдержанно и вежливо со всеми пятью мужчинами.

— Расскажите хоть немного про эльфанов, Ладрос, а то я только до драконов в справочнике по расам дошла. Вы следующие после них, но у меня пока нет возможности изучать учебники.

Они удивленно уставились на меня, а Кэл позади проворчал.

— Ну и слава Черному Тринимаку, а то я представляю, какую чушь там про нас написали под руководством светлых!

Ладрос, усмехнувшись на эту реплику, начал рассказ.

— Ну с географией ты уже ознакомились, так что эту часть могу пропустить. Эльфанов возглавляет Темный Повелитель и его же Высший Дом является правящим. На ступеньку ниже — Верховный Совет, состоящий из представителей пяти Высоких Домов, в которые входят более мелкие или менее родовитые семьи или кланы. Совершеннолетие у нас наступает так же в тридцать лет, а посвящение проходит в пещере Тринимака. Большинство из нас владеет магией земли, встречаются огневики и слишком редко — целители. Правда, последняя из них сейчас лежит, скованная проклятьем, не в силах кому-либо помочь и даже самой себе. Пока не снято проклятье, женщины, не попавшие под него, не могут вернуться домой и живут среди людей под охраной своих семей, но их так мало!!! Не знаю, что тебе еще рассказать.

Нега ушла, оставив тревожное любопытство.

— А ваши женщины тоже спят, Ладрос?

Его голубые глаза обожгли меня болью и тоской.

— Моя жена Савэри и две дочери лежат в Харписе!

Заметив мое непонимание, пояснил, поморщившись.

— Харпис создали специально для них. Подземный дом для спящих женщин, который круглосуточно находится под магической охраной. Все там! В Харписе! Хотя некоторых женщин семьи оставили дома, не в силах расстаться с ними.

Я грустно посмотрела на других мужчин, сидящих рядом со мной возле костра, но за всех ответил хмурый Даэрон.

— У каждого из нас там лежат любимые: у кого-то матери, или сестры, или невесты. Моя невеста Хириан лежит там рядом с моей матерью и матерью моей матери.

Я в шоке застыла, пытаюсь в уме произвести несложные вычисления. Сто тридцать лет длится проклятье, а там лежит его невеста, так сколько ему, нет, им лет? А вот следующая мысль заставила зажмуриться от боли и страха. Открыв глаза, я спросила, обращаясь к другим мужчинам, при этом чувствуя, как рука самого желанного сердцу мужчины замерла на моем затылке, словно он почувствовал мое состояние.

— И у вас тоже там невесты... Или жены... У всех?

Гритнир и Вайрэ, качнув головами, коротко ответили.

— Только мать и бабушка! Мы пока свободны, светлая эла и, судя по всему, наша свобода еще долго продлится. Как у Дэнэтора и ана Кэлэбриана, хотя быть может ан Кэлэбриан имеет больше шансов чем мы расстаться со своей свободой чуть раньше.

Они хитро посмотрели на меня, а я неуверенно подняла лицо и повернула голову в сторону Кэла. Он пристально смотрел на меня, а его стальные глаза, вглядывались в мои, словно что-то там искали. Коснувшись указательным пальцем моей скулы, он погладил щеку и произнес.

— В Харписе лежат мои сестра и мать. Больше никого любимого и близкого мне там нет!

Я, не осознавая, облегченно выдохнула, как оказалось, пока ждала его ответ перестала дышать. И по тому как в его глазах снова вспыхнул торжествующий хищный блеск, он заметил этот выдох и правильно его расценил. Отвернувшись от него, уставилась в огонь и только краем уха слушала неторопливый разговор братьев ни о чем. А я все еще думала, как странно реагирует на Кэла мое сердце. То бьется, словно пойманная в силки птица, то замирает и кажется больше ни разу не потревожит грудную клетку. Но оно проснулось и испытывает чувства — это несомненно, и с каждым проведенным в его обществе мгновением все сильнее и интенсивнее. Через несколько минут Кэл присел напротив и перекинул красиво заплетенную косу мне на грудь. Я с восхищенным удивлением заметила, как между прядями волос сверкает вплетенная тонкая ажурная цепочка, а снизу и сверху завязаны кожаные шнурки, чтобы коса не расплеталась. Полюбовавшись цепочкой, горящими глазами посмотрела на Кэлэбриана и тихо спросила.

— Это мне? Подарок?

Он улыбался, согласно кивая головой, но в его глазах была едва заметна боль и напряжение. Мне так сильно захотелось убрать их из его глаз, что я, встав на колени, обняла его за шею и прижалась всем телом.

— Спасибо большое! Мне еще ни один мужчина подарков не дарил, особенно таких красивых.

Его руки еще сильнее прижали меня, позволяя оценить и величину мускулов и ширину плеч и жесткость сильного тренированного тела, а так же насладиться неповторимым, только ему присущим ароматом. В голову пришла хорошая идея, и я поспешила ее выполнить. Отстранившись от Кэла, разворошила свой мешок и нашла тонкий плетеный кожаный шнурок, который я купила именно для того, чтобы хоть как-то сдерживать свою гриву волос. Повернувшись под заинтересованные любопытные взгляды остальных, взяла в руки гребень и предложила.

— А можно я тебе тоже косу заплету и подарок сделаю, конечно же, не такой красивый и дорогой как твой, но другого у меня нет. Сейчас!

Он все так же сидел на корточках, но когда услышал предложение, вскинулся и посмотрел на меня с таким голодом в глазах, что у меня невольно закралась тревожная мысль, что делаю что-то не так. И взгляд его тревожил скорее мою нижнюю часть тела, которая откликнулась на его голод, и внизу живота разгорался пожар, заставляя при этом почему-то гореть еще и щеки от смущения. Не знаю, что он прочел у меня на лице, но только довольно улыбнувшись, схватил меня за руку и поцеловал ладонь, в которой я сжимала подарок для него. Затем сел передо мной, повернувшись спиной, и откинул голову назад, демонстрируя фронт работ по расчесыванию и плетению кос.

— Может сразу две заплетем?

Гритнир с Лардосом поперхнулись отваром, который цедили мелкими глотками, и насмешливо уставились на меня. Кэлэбриан тоже улыбнулся, но уже с другим выражением на лице. Как собственник! От чего моя неуверенная улыбка чуть от испуга не сбегала.

— Маленькая моя! Пока ты только одну заплести можешь, но я обещаю, что очень скоро тебе придется плести мне и вторую. Я постараюсь ускорить этот процесс!

От непонятных слов появилось еще больше неуверенности, но я начала расчесывать шелк его волос и вся потерялась в этом увлекательном и приятном занятии. Скоро я завязала кожаный узелок в конце косы и так же как и он чуть ранее перекинула ее ему на грудь.

— Вот, принимай работу!!!

— Великолепна и безупречна, как и ты сама, моя единственная!

От этих слов я впала ступор, а потом сильно покраснела. И даже такому профану в отношениях мужчин и женщин как я стало понятно, что за мной ухаживают, оказываются. Осталось выяснить насколько серьезны его планы в отношении меня и не имеют ли они своей подоплекой только снятие спермотоксикоза.

Сумерки уже совсем завладели лесом, и крапал мелкий дождик, когда мы неожиданно выехали на большую прогалину, в конце которой увидели большое хозяйство с домом посредине. Мужчины, рассмотрев подворье, сделали вывод, что здесь живет деревенский кузнец, а значит неподалеку находится большая деревня. Искать приют где-то в другом месте мы не стали и, подъехав ближе, постучали в ворота. Встретил нас большой бородатый мужик в серой домотканой рубахе и темных плотных штанах. Переговорив с Лардосом, мужчина согласился принять нас на постой, но пояснил сразу, что его дом не рассчитан на такое количество народу. И в дом они могут пустить на ночевку только меня, а эльфы переночуют на сеновале. Прежде чем согласиться, Лардос вопросительно посмотрел на Кэлэбриана, а тот в напряженном раздумье — на меня. Заметив, как я дрожа кутаюсь в сырой плащ, согласно кивнул головой. Заведя лошадей в конюшню и задав им корму, мы все собрались в большой, наполненной светом свечей и огня в печи, комнате за круглым столом. Невысокая плотная женщина сустилась возле печи и готовила для нас поздний ужин. Ей помогали девочка лет семи и девушка лет шестнадцати, когда она подняла лицо и повернулась ко мне, я заметила, почему она так стесняется. Всю правую щеку рассекал уродливый шрам. Да, с таким-то украшением вряд ли ее замуж возьмут без большого приданного. И так жалко девочку стало, аж в глазах защипало. Прикинув все за и против, которых практически не нашлось, решила чуть позже, после ужина поработать с девушкой и постараться исправить ее лицо.

Мы сидели за столом и осторожно отвечали на вопросы хозяев. Я уже плотно наелась и мечтала как можно быстрее уйти спать, но тут все насторожились, услышав хриплый кашель с печки.

— Не волнуйтесь гости, это мой сынок. Болен он с рождения, с трудом вот двенадцать годочков у смерти отвоевали, но ему все хуже и хуже дается.

Хозяин с теплом и грустью в голосе успокоил моих спутников, а сам подошел к печке и, посмотрев поверху, спросил у мальчика, спрятанного под ворохом одеял.

— Кирван, может поешь, сынок?

Ответом ему послужил хриплый грудной кашель. Да, совсем дело плохо. Я встала и подошла к хозяину и, положив ему на предплечье ладонь, попросила.

— Спустите его вниз, на лавку, я посмотрю, что можно сделать для вашего сына. Я слабенькая, толком не обученная, но целительница. Может чем помогу ему?

Женщина, прижав к груди руки с надеждой посмотрела на мужа, а тот только молча кивнул головой и позвал мальчика. Из-под одеял показался худосочный синевато-бледный паренек, на вид ему от силы лет семь можно было дать. Как только отец положил его на лавку, прикрыв его щуплое тело шерстяным одеялом, я присела рядом с ним и с болью в сердце оглядела с ног до головы. Боже ты мой, как же все это знакомо! Двадцать три года я страдала от похожего заболевания, и только технологии моего мира и деньги моей семьи позволили прожить так долго. Погладив его по щеке, сквозь слезы прошептала ему, глядя в испуганные и вместе с тем восхищенные глаза. Еще бы, мало того что светлая эльфийка, так еще и рыдает над ним.

— Со мной долгое время было тоже самое, и видишь, я вполне хорошо себя чувствую. Я сделаю все, что в моих силах, что бы ты тоже был здоров и в свой срок порадовал отца и

мать внуками. Только потерпи, может быть больно, но ты же большой парень и сможешь потерпеть.

Откинув одеяло, положила руки на худую узкую грудь и скользнула чистой энергией в его тело. Я не знаю как долго провозилась с ним, но очнулась стоя перед лавкой на коленях, упираясь лбом и руками в тельце мальчика. Тот спал, причем здоровым крепким сном. Я же чувствовала, что меня паровоз переехал, причем пару дней назад, потому что в животе громко орали голодные кошки, требуя пищи. Сев на попу, я устало оглядела присутствующих в комнате эльфов, напряженно следящих за мной, хозяина и хозяйку, прижавшихся друг к другу, которые, похоже, боялись лишним вздохом меня отвлечь и девочек, сидящих в ногах родителей и беззвучно сглатывающих слезы!

Пожав плечами на их странное для меня поведение, тяжело вздохнула и сказала.

— У него сердце большое было, я исправила, теперь главное — кормить хорошо и выгуливать почаще. И пусть ходит сам и подолгу. Только пару недель поосторожнее с ним, ко всему привыкать только будет, а бегать прямо сейчас захочет. Вот как проснется, так и захочет, а пока нельзя. Надо постепенно. И хозяйюшка, можно мне опять покушать, а то твой сыночек из меня всю энергию выпил.

Закончив говорить, попыталась встать, но не смогла — ноги от усталости дрожали, протянув руку к Кэлу, взглядом попросила помочь. Уже через мгновение была у него на руках и за столом. Я так вымоталась за этот день и потратила чересчур много сил на лечение, пока еще не научившись контролировать свои силы и энергетические потоки, которыми я пользовалась при лечении. Именно поэтому только смутилась и, не смея посмотреть кому-то в глаза, уставилась в пол. И говорить, что сама бы с лавки не упала не стала, мне было приятно сидеть у него на коленях и, облокотившись спиной ему на грудь, теревить серую косу, и греться в тепле заботы. Ничего страшного, если коса растреплется, будет повод еще раз заплести. Зато мое сердце рядом с ним словно цветок расцветало после щедрой подкормки и полива.

Хозяева судорожно суетились вокруг печи, доставая уже убранные котелки с едой. Женщина тайком утирала слезы и, наполнив тарелку еще не остывшей густой наваристой похлебкой, трясущимися от переполнявших чувств руками поставила ее передо мной. Через мгновение к похлебке добавились хлеб с маслом и медом, а также кружка теплого молока. Я даже не заметила, как все съела и удовлетворенно откинулась на широкую грудь Кэла. Довольная, обвела всех взглядом, забыв про смущение и стыд, что веду себя не совсем прилично для эльфы-аристократки, да еще в присутствии посторонних людей. Эльфы улыбались глазами, стараясь не смущать людей своими клыкастыми улыбками, а хозяева сидели возле пацана, держа его за руки и поглаживая влажные от пота волосы.

Заметив мой невольный зевок, хозяин отошел от сына и жены и обратился к Кэлэбу.

— Господа эльфы, для вас приготовлен ночлег на сеновале. Маиса отнесла туда одеяла, так что не замерзнете. А госпожу мы положим отдыхать в комнате Маисы, она с сестрой и Кирваном здесь на печке поспит.

Я вдруг испугалась остаться одна без Кэла и его тепла ночью, уже привыкла засыпать, чувствуя его тело рядом и слыша его равномерное дыхание, а еще пришла крамольная мысль: 'А вдруг я им уже надоела, и они просто уедут без меня, а я вновь останусь одна.' От этих мыслей стало зябко и тревожно, я непроизвольно сжала ладонь Кэлэба, но этот жест не остался незамеченным. Кэл крепче прижал меня к себе, Ладрос слегка нахмурился, зачем-то снова осматривая помещение, а кузнец поторопился успокоить, почему-то глядя только на

Кэла.

— Не волнуйтесь, уважаемый, ваша жена в моем доме будет в полной безопасности. Ради Кирвана мы для вас что угодно сделаем. Нам же теперь вжись не расплатиться с таким-то долгом. Если хотите, можете переночевать вместе с ней, в комнате Маисы кровать хоть и небольшая, но вы поместитесь.

Я покраснела как помидор, услышав подобное предложение, и только открыла рот, чтобы сказать, что хозяева ошибаются насчет нас, как услышала спокойный ответ Кэлэба.

— Я думаю, лучше дать Эленаль как следует выспаться, нас ждет долгая дорога. Поэтому составлю компанию своим спутникам на сеновале, но очень надеюсь, что ей действительно будет здесь удобно и БЕЗОПАСНО! А мы присмотрим за домом и двором пока здесь, поэтому сегодня ночью можете спать спокойно!

Вроде и вежливо, и спокойно сказал, но даже у меня какое-то смутное подозрение, что сказано с неприкрытым предупреждением на тяжелые последствия, если что нет так! С удивлением повернув голову, посмотрела на Кэлэбриана, который с нежной улыбкой уже для меня мягко произнес.

— Не волнуйся, малышка, мы на сеновале, утром за завтраком встретимся. Если тебя что-то будет беспокоить, приходи к нам.

Я забыла, что хотела пожуричь его за то что имеет совесть угрожать таким хорошим людям, особенно в их же собственном доме, но заглянув в его серебристые очи уже привычно утонула в них, затаив дыхание и ни о чем не думая. Неделя совместного путешествия все сильнее привязывала к нему, причем такими толстыми канатами и морскими узлами, которые уже не в силах кому-то разорвать или распутать. И сейчас я это отчетливо поняла. Как я попала!!! Поймав эту мысль, быстро прикрыла глаза, чтобы он не прочел в них все, что я чувствую к нему и неловко слезла с его колен. Краем глаза заметила, что он нахмурился и пристально смотрит на меня. Но я побоялась снова посмотреть ему в лицо, быстро кивнув остальным эльфам, повернулась к Маисе и попросила показать место ночевки.

Утро встретило сказочным ароматом, поднимающемся с первого этажа. Хозяйка приготовила выпечку. Оооо, как я обожаю горячие булочки. А так же головной болью, не смотря на усталость, я плохо спала, всю ночь ворочаясь с боку на бок, тяжело вздыхая и вздрагивая, когда мне снился очередной кошмар. А вот рядом с Кэлом кошмары не мучают. Быстро проделав утренний туалет, оделась и спустилась вниз. Хозяйка выкладывала румяные булочки в тарелку, стоя возле печи, девочки споро накрывали на стол, а хозяин, сидя за столом держал на коленях смеющегося Кирвана и щекотал его за бока. Заметив меня, с улыбкой наблюдающую за этой семейной идиллией, женщина, оставив свое занятие, бросилась ко мне и, упав на колени, схватила руки начала их целовать, неистово шепча слова благодарности за спасение сына. Я сначала от неожиданности замерла, не зная, как себя вести дальше, но тут встал хозяин дома, пересадив пацана на стул, и тоже подошел ко мне. Поклонился в ноги и только открыл рот, чтобы выразить слова благодарности, как я резко отошла в сторону, вырывая свои руки из крепкого захвата женщины, и прошептала хриплым от смущения голосом.

— Все хорошо, простого спасибо мне будет достаточно. И если немного еды нам в дорогу соберете, я вам вдвойне благодарна буду. А всего этого не надо, мне специально для таких как Кирван боги способность лечить подарили. Это мой долг и плата за дар и за много еще чего. Сама вот тоже не знаю как расплачиваться буду, так что считайте вы помогли хотя

бы часть этого долга вернуть моим кредиторам.

Мужик помог подняться своей жене и, прижав крепче к груди плачущую женщину, тоже хриплым от волнения голосом, ответил.

— Не все так думают, светлейшая эла, что даром делиться надо. Я такую как вы впервые встречаю. Другие вот отказались лечить, потому что столько денег я им заплатить бы вжисть не смог. А вы сами взялись, бесплатно. А ведь эльфийка, все знают, что эльфы людей даже за разумных не считают. А вы другая! И с темными дружбу водите и мужа себе эльфа выбрали. Хотя, говорят, враги вы с ними. Но я буду всю жизнь богов благодарить, за то что они вашу дорогу через мой дом проложили. И вас, светлейшая, в своих молитвах никогда не забуду! Благодарю вас, госпожа! Двери моего дома всегда для вас открыты, и стол накрыт в любое время.

Я смутилась еще больше и не знала что предпринять. И почему-то опять не стала поправлять мужчину, ошибочно решившего, что я замужем за Кэлом. Мой взгляд невольно остановился на печально улыбавшейся Маисе. Мне очень понравилась эта симпатичная скромная девушка, снова заметив ее шрам, вспомнила, что же хотела сделать. Снова повернулась к хозяевам и, неуверенно пожав плечами, не зная как остановить поток благодарностей, все же решилась на шоковую терапию.

— Простите меня, пожалуйста, но у нас мало времени. Сейчас мои спутники придут и все — завтрак и в путь. А у нас еще одно незаконченное дело есть. Маиса! Я чувствую вашу благодарность и этого мне достаточно, придет время, и вы кому-нибудь окажете помощь. Бесплатно и не ожидая благодарностей и признания ваших заслуг. Просто так!

Взяв Маису за руку, не обращая внимания на ее удивленный вид и шокированные лица родителей, уселась вместе с ней на лавку и занялась изуродованной шрамом щекой. К сожалению, полностью исправить не получилось, но вместо шрама, остался лишь едва заметный белый росчерк. Через несколько минут, сидя за столом и уплетая третью булочку с маслом, восстанавливая затраченные силы и жмурясь от удовольствия, услышала шум, и в комнату вошли мои шестеро спутников. Самым первым зашел Кэлэбриан, с настороженным и внимательным взглядом обследовав помещение, встретился с моим — радостным от нашей встречи. Из его глаз сразу исчез холод и опасная темнота, и взамен пришли тепло и нежность. Подойдя ближе и положив на мое плечо ладонь, он заглянул мне в глаза, и тут же в его глазах вспыхнули яркие искры, от которых у меня все запело внутри и потеплело внизу живота, и тихо сказал.

— Как спала, моя маленькая светлая эла?

Услышав его вопрос, с прозвучающим в нем подвохом, вспомнила свои грешные и неприличные сны с его участием, очень покраснела и резко отвела взгляд, и тут некстати наткнулась на ухмыляющуюся физиономию Ладроса. Нахмурившись, буркнула в ответ!

— Хорошо спала, надеюсь, как и ты!

Совсем не ожидала, что Кэлэбриан сядет рядом со мной и, не глядя на усмехающихся друзей, не стесняясь, ответит.

— К сожалению, мне спалось плохо! И даже не знаю в чем причина отсутствия у меня хорошего сна!!!

Я замерла от надежды, разливавшейся у меня в груди и, не выдержав, посмотрела на него, наткнувшись на жадный голодный взгляд мужчины на желанную женщину. Я такой взгляд довольно часто видела у отца, когда он смотрел на маму. С трудом проглотив кусок булки, застыла, когда рука Кэла протянулась к моему лицу, и он, вытерев пальцем масло с

моей губы, отправил его к себе в рот. Потом все так же, не отрывая от меня взгляда, провоцирующее заметил.

— Какая вкусная... еда!

В замешательстве быстро поднесла к губам кружку, смачивая пересохшее от переполнявших меня чувств и желаний горло, и пряча за ней взгляд, продолжила завтрак.

Дождик, зарядивший еще вчера, все никак не хотел прекращаться. Я ехала на Росе и зябко поеживалась от сырой прохлады, царящей вокруг. Час назад я отказалась пересесть к Кэлу на Темного, чтобы он согрел меня под своим плащом, и брать предложенный им плащ — тоже. Он же не железный и замерзнет, а вот пересаживаться к нему я стеснялась. И вообще, я заметила, как сильно изменилось его поведение за несколько дней. Сначала он вел себя насмешливо предупредительно, все время выказывая заботу, но не сильно проявляя чувства. Точнее, я бы сказала, не демонстрируя их мне столь явно, хотя с нашей первой встречи в таверне я заметила его заинтересованный взгляд. И в городе с теми несостоявшимися насильниками дрался именно он. И с той секунды, как он нашел меня спящей на камне, возле меня все время был Кэлэбриан. Остальные пятеро мужчин шутили, смеялись, охотно и с удовольствием беседуя обо всем, что нас интересовало, но ни разу за это время они не пытались ухаживать за мной, или делать многозначительные комплименты, и даже прикасаться ко мне в различных ситуациях. В любом месте рядом со мной незаметно и неизменно появлялся Кэлэбриан и незримой тенью следовал рядом, словно предоставляя время привыкнуть к нему, к его постоянным касаниям, горячему телу и бархатному спокойному голосу. А еще, по некоторым незначительным намекам и действиям мужчин, я поняла, что они, скорее всего, охрана Кэлэбриана, а не просто друзья или спутники.

Пообедали мы той едой, что в огромном количестве дали нам с собой кузнец и его супруга в благодарность за лечение детей. Если бы мы пожелали, они бы нам всю живность с собой загрузили, но Ладрос согласился только на птицу, похожую на большого жирного гуся, пояснив мне, что в такую погоду дичь будет прятаться по норам, и мы можем остаться голодными. Поэтому молчком свернув птице голову, подвесил ее к седлу и поехал впереди всех. Я же, сроду не видевшая как убивают животных, в душевном раздрае от такого зрелища, ехала молча, мысленно оплакивая птицу. Шашлык-то я люблю, но вот видеть, как животных убивают перед тем как съесть, мне пришлось впервые. Так я и ехала, продрогшая, расстроенная и вся в себе, а завидев впереди тушку убиенной животины, едва сдерживала слезы и, кутаясь в полы плаща, старалась отвести взгляд на окружающий пейзаж, не обращая внимания на встревоженные нахмуренные лица моих спутников. Неожиданно к вечеру небо посветлело, и настроение снова поползло вверх, и на птицу я уже смотрела как на будущий ужин, а не жертву произвола и насилия. Мужчины, заметив во мне перемены, немного оживились и решили остановиться на ночлег пораньше.

Вайрэ занялся гусем, а остальные готовили своеобразный навес из больших веток, чтобы ночью мы не промокли под дождем, если он возобновиться. Даэрон пытался развести костер и ругался себе под нос из-за того, что не выходит — сырые поленья никак не хотели гореть. Дэнэтор, усмехнувшись, попытался помочь, но костерок сначала вяло занялся, а потом, пахнув дымом, потух. Еще несколько попыток закончились тем же. Я нерешительно подошла к ним и присела рядом. Протянула руку и попросила огонь во мне помочь с костром, и он с удовольствием откликнулся на просьбу. Уже через минуту на поляне горел ровный весело потрескивающий костер. Все уставились на меня с удивлением, молча пристально разглядывая, как будто искали, что же еще во мне упустили. Почувствовав неловкость, неуверенно произнесла, глядя на Кэлэбриана, который с непонятным выражением лица,

прищурившись, смотрел на горящий костер.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Я наверное забыла вам сказать, что во время посвящения на моем кустике были зеленные и красные цветы. О том, что я целитель вы уже знаете, а еще я дружу с огнем.

— Ана Эленаль, а есть что-то еще, о чем ты забыла нам сказать? Сейчас самое время! — Ладрос, ехидно глядя на меня, все же задал вопрос, при этом бросив короткий настороженный взгляд на Кэла, чем удивил меня и насторожил. Словно просил разрешения на этот вопрос, скорее похожий на допрос. Я сначала покачала головой, а потом произнесла твердо и уверенно.

— Я все рассказала, а если еще что-то забыла, так просто потому, что не сочла это важным или достойным вашего внимания. И вообще, ан Ладрос, я для вас открытая и уже довольно хорошо прочитанная книга, а вы для меня только слегка начатый многотомник. Это у меня могут возникнуть к вам претензии, а не у вас ко мне!

Он снова усмехнулся, но уже довольной усмешкой и ответил.

— Вы, ана Эленаль, можете спрашивать о чем угодно, от вас у нас секретов нет и судя по всему не будет!

У меня непроизвольно вытянулось лицо от удивления, но отметила, как после замечания Ладроса нахмурился Кэл, особенно когда заметил выражение моего лица. Похоже, он не больно стремится так скоро открывать свои секреты. И явно не потому, что хочет от меня что-то скрыть, а скорее чтобы я не сбежала раньше времени. Мне именно так почему-то показалось, заметив их обмен взглядами и мимикой. И это сильно заинтриговало. И ещё, Ладрос уже второй раз обратился ко мне как к женщине темных — ана, видимо ошибся, ладно, не буду уточнять. Пока размышляла, Вайрэ вернулся с ошипанной и вымытой тушкой и, насадив ее на палку, пристроил над костром. Рядом с ним уселись и остальные. Даэрон принялся приводить в порядок свои белоснежные спутанные волосы и, несколько минут понаблюдав за его мучениями, неуверенно предложила.

— Если хочешь, я помогу тебе. Хочешь, я заплету тебе косу?

Даэрон заметно смутился и, не думая, тут же ответил.

— Нет, спасибо, у меня уже есть невеста!

Потом почему-то виновато опустил взгляд в костер, а я, взглянув на Ладроса, заметила, что он нахмурившись смотрит на Кэлэбриана, который после нашего с Даэроном разговора, потемнел лицом и грозно смотрел на понурившегося мужчину. Как на СОПЕРНИКА! Я вытаращившись, пыталась сообразить что произошло. Что могло вызвать такую реакцию? Потом, тщательно прокрутив все в голове и сопоставив факты, опешила. И все же не рискнула задать главный вопрос, который так и вертелся на языке. Для своего же спокойствия прикинулась шлангом, к поднятию некоторых тем, я пока еще не готова.

— А где сейчас твоя невеста?

— Она проклята, как и все. И находится под охранной в Харписе. — Даэрон с болью в голосе ответил мне, не поворачивая голову и все так же смотря в огонь. А я, еще больше шокированная, опять подсчитала сколько же он находится в состоянии помолвки и все-таки решилась задать еще вопрос.

— Но ведь вы сказали, что это произошло сто тридцать с лишним лет назад. И ты ее все еще ждешь, любишь? А если проклятье не снимется еще лет сто? Почему? И тут все посмотрели на меня. Даэрон тихо ответил.

— Мое сердце ее услышало и почувствовало!

Я недоуменно вскинула брови, переваривая эту новость, все еще до конца не понимая значения фразы. Мужчины же без злости и пафоса, просто грустно улыбнулись, словно неразумному ребенку и Лардос пояснил.

— Эленаль, эльфаны, да и светлые тоже, имеют одну особенность, отличающую их от других. Мы можем любить только одну женщину пока живы, или пока жива она. Если сердце эльфа услышало и почувствовало такую женщину — это навсегда. И пока она жива, другой не будет в его жизни. Ведь его сердце слышит и чувствует только ее. Мы с Даэроном будем ждать наших женщин до самой смерти, если нам не удастся снять это проклятье. Забери Тринимак душу этого проклятого богами старого вампирюги-колдуна. Если бы можно было, я бы его еще тысячу раз собственными руками на мелкие кусочки разорвал. Он слишком легко умер!

Я пожевала в волнении губы и спросила, обращаясь к Ладросу.

— А эльфаны женятся без любви как светлые? Например по расчету?!

— Нет ана, это для нас противоестественно, ведь брак заключается на всю жизнь и освящается Темным Тринимаком, а он не приветствует лжи и жестко наказывает за подобный подлог. Мы соблюдаем его законы. Это Светлейшая Аллоис весьма добра к своим детям и спускает им маленькие слабости, а наш Темный Бог воспитывает в строгости, но и бережет своих детей. Это он подсказал старой гномке-ведунье путь к снятию проклятья, по крайней мере, так она сказала. Жаль от вампиров не уберег, но как говорится, сами виноваты и мой клан более всех, а расплачивается весь мой народ.

Кэлэбриан, строго посмотрев на Ладроса, веско заметил не терпящим возражений голосом.

— Любой на твоём месте поступил бы так же! Никто не знал и не понимал этого, пока не стало поздно. Это вина вампиров. Мне жаль только одного, что мы сейчас не в состоянии отомстить за совершенное ими. Нас и так слишком мало. За столько лет оставшиеся вне наших территорий женщины произвели на свет всего троих младенцев. Если мы не снимем проклятье еще пару столетий, нам грозит вымирание, в случае если хоть одна раса позарится на наши земли и объявит нам войну.

Его выговор Ладросу, пронизанный болью и тревогой, прервался, как только он заметил мой сочувствующий взгляд. Понятно, большие сильные серые мачо не любят, когда их жалеют, поэтому поторопилась с вопросом.

— А дети? У светлых, как я выяснила, женщина должна любить мужчин и хотеть потомство, чтобы забеременеть.

Его взгляд мгновенно потеплел. Кэлэбриан мягко взял меня за руку и, глядя в лицо, смущая этим, кстати, ласково пояснил, видимо вспомнив по какой причине я сбежала от светлых, и почему меня так беспокоит этот вопрос.

— Маленькая моя! Наши дети рождаются только в браке, где оба супруга любят и желают своего потомства. Это похоже на светлых, ведь мы одна раса, только две разные ветви. И поверь, любой темный почтет за счастье и честь соединить с тобой свою судьбу, если услышит свое сердце, и ни по какой другой причине. В этом ты можешь быть абсолютно уверена.

Он пристально вглядывался в мои глаза, словно что-то в них искал, ответы на свои мысленные вопросы, наверное, и мне показалось, что в его глазах изредка всплывает боль и тоска, когда он теряет над собой контроль. Заметив, что 'гусь' готов, поспешила кивнуть головой, стряхивая с себя его гипнотический взгляд, и брякнула.

— Я рада, что хотя бы у темных есть понятия о чести и любви. А то было бы страшно жить в мире, где все продается и покупается. Может поужинаем уже?

Все усмехнулись, только Кэл молча отвернулся от меня и устался в огонь, явно думая о чем-то невеселом. С трудом удержалась от того, чтобы не протянуть руку и не погладить его светло-серую голову, чтобы успокоить, приласкать и сказать, что его грусть причиняет мне боль.

Проснулась слишком рано, посмотрев в сторону Даэрона, который сидел спиной ко мне и ковырялся веткой в слабом огне костра, решила сходить умыться и приготовить как всегда завтрак для мужчин. Я лежала на груди Кэла и ощущала, как под моей ладонью мерно бьется его сердце. В это утро я впервые проснулась лежа на нем. Обычно либо он прижимал меня к себе, либо я спала, свернувшись калачиком у него под боком. Но вот так как сегодня не просыпалась ни разу — слишком близко, слишком интимно. Посмотрев ему в лицо, пальчиком осторожно коснулась его бровей, проведя по дуге. Потом, едва дыша от восхищения и страха, что меня застанут за столь неприличным занятием, украдкой взглянула на Даэрона и, убедившись что он все так же не обращает на меня внимания, продолжила свои исследования. Коснулась гладких щек и тонких губ, из-под которых не слишком заметно торчали клыки. Острые, однако! Сделав глубокий вдох-выдох, чтобы успокоить расшалившееся от переизбытка гормонов сердце, начала от него отстраняться, но заметила, в руке Кэла свою косу и довольно ухмыльнулась. Похоже, даже во сне он боится, что я сбегу или потеряюсь. Счастье нахлынуло волной, смывая сомнения. Аккуратно, чтобы не потревожить, раскрыла его пальцы и высвободила кончик косы, а потом не удержалась и уткнулась носом в его ладонь, вдыхая только ему присущий запах, который я запомнила навсегда. Насладившись его ароматом, уже ни о чем не думая, сначала лизнула кисть, где бился его пульс, а потом поцеловала его пальцы и легонько потерялась об них щекой. И тут мой счастливый вороватый взгляд натолкнулся на насмешливый и понимающий Даэрона. В предрассветных сумерках он все равно бы смог рассмотреть ярко-красный цвет моего лица. Совсем смутившись, опустила взгляд, пытаюсь избежать его довольной ухмылки и, к своему стыду, натолкнулась на горящий желанием взгляд серебристых глаз Кэлэбриана. Судорожно сглотнув, я неловко поднялась и, секунду помедлив вспоминая, что я там планировала сделать, ринулась к ручью, протекающему неподалеку. Умывшись, с силой потерла еще полыхающее лицо, пытаюсь вернуть мозги на место, но перед глазами все еще стояли его глаза. Было нестерпимо стыдно появляться перед мужчинами на поляне. Ударив несколько раз по воде кулаком, в отчаянии опустив голову, прошептала.

— Дура! Дура! Ну какая же я дура! Ну кто меня просил?!

— Я! Эленаль, я прошу тебя прикоснуться ко мне и разрешить мне прикоснуться к тебе. Прошу разрешить мне официально ухаживать за тобой. Хочу, чтобы ты навсегда стала моей!

Я испуганно обернулась и с замиранием сердца, и трепетом слушала его слова, и наблюдала, как Кэлэбриан, словно ночной хищник приближается ко мне из нарастающих сумерек, все еще властвующих в лесу. Подойдя ко мне, опустился на колени и, перехватив мои запястья, мягко дернул на себя, заставив мое тело распластаться по нему. Запрокинув голову, с опаской посмотрела на него и хриплым от переживаний голосом спросила, внимательно вглядываясь в его глаза.

— Зачем? Зачем я тебе нужна, Кэл?

— Ты заставила меня слышать стук своего сердца и почувствовать его. Я так сильно чувствую его, Эленаль, что мне больно и страшно, что ты не услышишь его и покинешь меня,

когда придет время.

Сплотнув, чтобы убрать першение в горле, возразила, желая все-таки выяснить перспективы развития наших отношений, я слишком мало знаю об этом мире и хотела определенности в отношениях, как всякая женщина в моем бывшем мире.

— Ты же сам пообещал, что поможешь добраться до оборотней, а потом я пойду своей дорогой, а ты своей. Его глаза потемнели, а руки, обвивающие мое тело, напряглись от чего даже дыхание сперло.

— Нет, девочка моя! Я пообещал доставить тебя туда, где тебе НУЖНО быть, а не куда ты хотела. Как только встретил тебя уже в третий раз возле пруда, сразу почувствовал, где твое место. И поверь, оно рядом со мной. И тебе НУЖНО быть только в моем доме, так что забудь об оборотнях. Тебе там вообще делать нечего, ради такой самки они поубивают друг друга! Неужели, Эленаль, ты так жестока, что позволишь погибнуть целому народу? — если первую часть он произнес жестко и напористо, то вот последнюю с легкой кривоватой усмешкой на тонких, но таких красивых губах. Особенно когда заметил, как на моем лице расплзается понимание, а потом меняется на злость и упрямство. — Сладкая моя девочка, позволь показать тебе, что лучше меня тебе никого не найти. Я докажу, что достоин тебя. И в любом случае, я не позволю тебе уйти от меня, Эленаль!

Я гневно сверкнула глазами на его замечание, с отчаяньем понимая, что почти две недели видела только его фасадную сторону, а на самом деле не видела и не знаю даже половины того, на что он способен. Единственное, что сейчас немного успокаивало, это его слова о том, что его сердце меня слышит и чувствует, а больше всего беспокоило свое сердце, похоже, оно тоже и чувствует его, и слышит. Вот же серая зараза, тишком пробрался в сердце и чувствует себя там вполне вольготно. Видимо он что-то заметил в моих глазах, потому что жадно приник к моим губам. Я так никогда не целовалась, и самое странное, даже поцелуй с Бэором был скорее просто познавательным и любопытным, а здесь и сейчас я горела. Рассудок упал в обморок от моего поведения, а стыд и скромность ушли на заслуженную пенсию. Мои ладони сами по себе зарылись в его волосы, поглаживая затылок и стремясь сблизить нас еще крепче. Я урчала словно голодная кошка, а мой язык неистово сплетался с его, чувствуя при этом маленький вкусовой взрыв... Такой вкусный и такой необходимый для меня.

Воздуха катастрофически не хватало, а тело все сильнее выгибалось дугой стремясь слиться в единое целое. Краем уха слышала дикое рычание и через секунду я лежала на траве, подмятая его телом. Сильный рывок, и его руки разорвали мои верхнюю и нижнюю рубашки, открыв доступ к груди, к которой он тут же приник, вызвав у меня гортанный вскрик удовольствия. Его руки и губы сделали меня неразумной безвольной куклой, способной только прижимать к себе его голову, держась за уже порядком растрепанные волосы. Но как только он отстранился и начал развязывать штаны, мои мозги, слегка охлажденные легким ветерком, скользнувшим между нашими разгоряченными телами, решили, наконец, что лес — это не то место, где должно расставаться с невинностью. И вообще, сначала ЗАГС, а стулья потом, а то свалился мне тут на голову еще один великий Бендер.

Я ужом выскользнула из-под него, все еще не отрываясь глядя на широкую мускулистую грудь и живот, от которого все кубики в восторге, и его руку, недвусмысленно лежащую на почти развязанном шнурке штанов, висящих на очень внушительном честном слове, заставляющем меня то краснеть от смущения, то бледнеть от сожаления, что мозги не

вовремя проснулись. Не могли подождать еще чуть-чуть, а вдруг бы нам всем понравилось! А потом мой взгляд, с трудом оторвавшись от такого сокровища, смог достигнуть его лица и заметить жадный голодный взгляд, с которым он заглядывал на оголенную грудь в разорванный ворот рубашки. Я неловко сжала ее концы в кулаке, скрывая наготу, и затравленным взглядом посмотрела на него. Именно сейчас я смогу гораздо глубже заглянуть в его сущность.

Заметив мой испуг, он тяжело присел на пятки, все еще упираясь коленями в землю и полуприкрыл веки, с трудом отведя взгляд и смотря сквозь деревья. Сиплым чужим голосом прохрипел, прижимая кулаки к напряженным бедрам.

— Прости, единственная моя! Я поторопился и испугал тебя. — он замолчал, словно собираясь с силами, а потом продолжил, пододвинувшись чуть ближе. — Я знаю, что тебе пришлось пережить, родная, и моя вина становится еще весомей. Я прошу прощения и... Прошу дать мне второй шанс! Я не буду торопиться, маленькая, я подожду еще! Я умею ждать, поверь мне, Эленаль!

С последним словом подобрался вплотную и осторожно привлек к себе мое трясущееся от большого выплеска адреналина тело, крепко обнял, склонив голову и зарываясь лицом в мои растрепанные и спутанные с веточками и травой пылающие волосы. Я не стала терзать ни его, ни себя. Ласково обвив его руками, с наслаждением уткнулась ему в шею и глубоко удовлетворенно вздохнула. Только слегка напряглась, когда он снова тихо спросил, обдавая мое ухо теплом своего дыхания и вызывая у меня массовое мигрирование мурашек.

— Сердце мое, ты простила меня? — я только согласно кивнула головой, смущенная всей этой ситуацией. — Ты согласна стать моей? Навсегда?

Чуть помолчав, я все же спросила, уточняя его вопрос.

— Перед вашим богом? Перед Черным Тринимаком?

— Да, единственная моя! Для меня это очень важно! Важно чтобы ты на законных основаниях принадлежала мне, и чтобы ни одно живое существо в этом мире не смогло забрать тебя у меня. Наш брачный союз должен быть освящен богами, моя светлейшая эла!

Горящими счастьем и восторгом глазами, я посмотрела на него и задала свой главный вопрос.

— Значит ли все это, что ты меня любишь, Кэлэбриан?

Коснулся ладонью моей щеки, а потом, прямо взглянув мне в глаза, напряженно ответил.

— Да, Эленаль, мое сердце отныне принадлежит только тебе. Навсегда! И теперь ты его хозяйка и можешь распоряжаться им по своему усмотрению.

Я не верила своему счастью, неужели это возможно? Чтобы он полюбил меня? Не важно, что сейчас я прекрасная эльфийка, ведь внутри меня до сих пор живет обычная среднестатистическая землянка, годами пытающаяся справиться с болезнью, и тем самым плодя в себе все новые и новые комплексы, а новые родственники только прибавили мне таковых. И то что вижу в зеркале прекрасную богиню не означает, что мое старое 'я' сразу приобрело уверенность в себе. Это очень длинный процесс, и в моем тяжелом случае на него явно уйдет несколько лет. Сильно сжав руки у него на шее, очень крепко прижалась к нему, всем телом чувствуя, как медленно уходит из нас напряжение. Еще раз вздохнув, я сияющими от счастья глазами, выдохнула, глядя на Кэла.

— Я согласна, Кэлэбриан, стать твоей женой.

А потом, все же покраснев от смущения, честно пролепетала.

— А еще я тогда... ну когда мы... я не испугалась тебя, а скорее себя и своего поведения. Видишь ли, ты будешь первым и... я хотела... точнее хочу, чтобы это было после заключения брака, в кровати, а не под деревом в лесу. Хотя бы в первый раз, потому что в лесу, под деревом тоже, конечно, романтично, но...

Я не успела закончить, потому что его большие ладони обхватили мое лицо, и он снова приник к моим губам, а через мгновение прошептал прямо мне в губы.

— Я более чем счастлив, девочка МОЯ! И это счастье подарила ты, родная. Эленаль! Моя Эленаль!

Легкие касания глаз, скул, щек и, наконец, снова губ и танец языков. К костру и своим спутникам мы вышли растрепанные, счастливые, но, к сожалению, не удовлетворенные. Сама так пожелала — придется терпеть. Зато увидев довольные радостные ухмылки мужчин, опять покраснела как маков цвет, хотя они меня, надеюсь, толком не разглядели, я ловко нырнула за широкую спину Кэлэбриана, пока он сообщил, что по прибытии в Варгос, столицу страны эльфанов, мы сразу пройдем брачный обряд. От мужчин послышались искренние поздравления, а я с радостью заметила, что они тоже даром времени не теряли и завтрак уже готов. Ну да, кушать хочется всегда!

Чем дальше мы продвигались на восток, тем все более настороженными становились мои спутники. Кэл все время держал меня в поле зрения, не расслабляясь ни на секунду. Еще один момент меня беспокоил — люди в редких поселениях, которые мы изредка проезжали и крайне редко в них останавливались, были насторожены и не слишком гостеприимны. Как сегодня сообщил Ладрос, мы находимся очень близко от территорий вампиров. Осталось дня три-четыре, и мы окажемся на земле темных. Понимала, что из-за такого ахового наездника как я, мы едем так долго, но исправить ничего не могла. Конечно я ездила несравнимо лучше, достаточно освоившись с верховой ездой, но не так хорошо и уверенно как спутники. Мне вообще иногда казалось, что даже на ночлег они останавливаются только ради меня, а сами могли бы ехать всю ночь в седле и даже дремать изредка.

Лошади настороженно зафыркали, прядая ушами, а мужчины обнажили клинки, внимательно и хмуро вглядываясь в вечерний сумрачный лес, а через пару минут мы выехали на широкую поляну, на которой у костра сидели двое мужчин. По неторопливым грациозным движениям, с которым они встали при нашем приближении, трепету крыльев носа и хищному блеску глаз, отражающих свет, я догадалась — оборотни, причем, скорее всего, из семейства кошачьих. А если судить по их габаритам, уверенным вальяжным движениям и походке, то из семейства очень крупных кошачьих.

Они поприветствовали друг друга, а я во время разговора Ладроса и оборотней подъехала вплотную к Кэлу, который тут же забрал у меня поводья Росы и мягкой улыбкой успокоил. Оборотни восхищенно, не отрываясь, разглядывали меня и в то же время беседовали с Ладросом. Для нас было бы затруднительно сейчас, в темноте, искать другое место для ночлега, и довольно быстро стороны договорились о совместной ночевке. Коты (как я мысленно их назвала) уже поели, а мы начали готовить для себя. Один из оборотней по имени Кайрон вернулся от ручья с котелком воды и, подвесив его над костром, обратился ко мне, вызвав явное недовольство Кэла.

— Светлейшая, я заметил, что у вас с собой есть вирна, вы играете?

Я смутилась, потому что заметила, как на меня уставились все остальные, с интересом ожидая ответа. Нервно сглотнув, сообщила, стараясь уверенно смотреть на чужака.

— Да, терр Кайрон, я играю и иногда даже пою. — и не слишком тонко намекнула, — Правда только для себя и когда одна.

Террион, второй оборотень, с полосатой длинной гривой волос и черными ногтями, сильным рычащим голосом попросил.

— Если вы не сочтете за труд, порадуйте и нас тоже. Пожалуйста. Мы так давно не имели счастья слышать звуки музыки.

Я неуверенно посмотрела на Кэлэбриана, но тот склонился ко мне и, легко коснувшись губами уха, от чего кончики моих ушей сразу загорелись, прошептал.

— Я бы тоже хотел услышать твой голос. Он так похож на горный хрустальный ручеек.

Коротко вздохнув, приводя свои гормоны на место, сходила за вирной. Пока путешествовала одна, иногда тренировалась, перебирая ее струны, но сейчас все равно нервничала.

Если сто раз с утра все не так.

Если пришла пора сделать шаг.
Если ты одинок,
Значит, настал твой срок
И ждёт за углом
Перекрёсток семи дорог.
Там не найти людей,
Там нет машин
Есть только семь путей,
И ты один.
И как повернуть туда,
Где светит твоя звезда,
Ты выбираешь раз и навсегда.
Перекрёсток семи дорог,
Вот и я.
Перекрёсток семи дорог —
Жизнь моя.
Пусть загнал я судьбу свою,
Но в каком бы не шёл строю,
Всё мне кажется,
Я, как и прежде, на нём стою.
Сколько минуло лет,
Сколько дней.
Я прошагал весь свет,
Проплыл сто морей.
И всё вроде, как всегда,
Вот только одна беда,
Всё мне кажется,
Я на нём свернул в никуда.
Перекрёсток семи дорог,
Вот и я.
Перекрёсток семи дорог —
Жизнь моя.
Пусть загнал я судьбу свою,
Но в каком бы не пел краю,
Всё мне кажется,
Я, как и прежде, на нём стою.
Перекрёсток семи дорог,
Вот и я.
Перекрёсток семи дорог —
Жизнь моя.
Пусть загнал я судьбу свою,
Но в каком бы не шёл строю,
Всё мне кажется,
Я как и прежде, на нём стою.

Начала с песни Макаревича 'Перекресток', заметила ошарашенные лица мужчин и замерла, закончив песню. Террион кашлянул в кулак и, улыбнувшись мне, заметил.

— Прекрасная как сама светлейшая Аллоис, да еще с таким интересным и глубоким репертуаром. Я просто в нетерпении услышать, какие еще песни вы поете. Я ухмыльнулась и спела 'Летний дождь' Бумбокс, а потом еще пару подобных песен. Они с огромным интересом слушали мое исполнение и, судя по довольным лицам, мой концерт им весьма пришелся по вкусу. Ладрос, звенящим от восторга голосом, сказал.

— Ана Эленаль, в тебе с каждым днем открывается все большее количество граней и талантов. Я счастлив, что могу прикоснуться хотя бы к некоторым из них.

Я рассмеялась и, заметив суровое нахмуренное лицо Кэла, склонившего голову набок и пристально сверлящего Ладроса жестким взглядом, потянулась к нему и обвила его шею руками, прильнув всем телом. Он прижал меня к себе, носом выводя невидимые рисунки на моем виске и ухе, хрипло шепнул.

— Моя!

— Только твоя! — я ответила немедленно, сердцем чувствуя, что все сказанное нами истинная правда. Мои размышления прервали две шумные тени, скользнувшие над головой и заставившие мужчин повскакивать со своих мест и сосредоточиться на поиске возможной опасности. Я же только могла рассматривать происходящее, выглядывая из-за спины Кэлэбриана и успокаивая странно зашипевший костер. Через пару минут на поляну вышли еще двое мужчин. Они коротко поздоровались со всеми, но заметив Кэла, оба замерли в удивлении.

— Ан Кэлэбриан Даэбран! Как давно мои крылья не пересекали ваших земных путей. Приветствую наследника темных на серых территориях.

Я почувствовала, как тело Кэла напряглось и застыло каменным изваянием. А потом услышала его холодный мертвый голос, который меня до жути испугал с непривычки. До этой секунды Кэл говорил только мягко и ласково, обращаясь ко мне и спокойно, поделовому — со своими сопровождающими.

— И я приветствую тебя, аро Дэруфин Арван, младший наследник!

После его приветствия новоприбывший дернулся как от удара, а его спутник застыл в гневе, и по блеснувшим, сузившимся как у змеи зрачкам, я поняла — перед нами драконы. Злые драконы! Положив обе ладони между лопаток Кэлэбриана, уткнулась носом ему в плечо, выглядывая из-за него только одним глазом. Я-то хорошо помню, что драконы воруют женщин и используют их в качестве рабынь для утех в отместку своим ветреным и непутевым женщинам. Но Дэруфин меня увидел и, более пристально рассмотрев Кэла, едко заметил.

— О-о-о, я заметил, что наследнику эльфанов заплели косу... и сам он тоже научился заплетать волосы. Ну что ж, рад первым узнать столь радостную и долгожданную для твоего народа новость. Надеюсь, вы позволите разделить с вами костер и ночь, наследник.

Ладрос кривился от каждого слова дракона, другие так же не радовали его приветливыми улыбками. Я снова изображала шланг и жалась за спиной Кэла. Совсем не нравится постельное рабство, тем более я только от него сбежала. Но правила приличия обязывали эльфанов и котов принять новых гостей в наш круг. Жаль, если до этого было тепло, легко и весело, то сейчас царила гнетущая обстановка. Мы молчком, каждый думая о своем, поужинали, и тут Кайрон снова попросил сыграть и спеть. Деруфин слишком пристально уставился меня. Даэрон, к моему удивлению, тоже присоединился к просьбам

оборотней, и я сдалась. Взяв вирну в руки, пока перебирала струны, думала чтобы исполнить. А потом озорная усмешка появилась на моих губах. Настроившись на задорный лад, ударила по струнам и запела.

Мне приснился дом лесной
Под зелёною сосной,
Где спасаясь от дождя
Повстречались ты и я.
Пахло сеном и смолой,
Было нам тепло с тобой.
Было всё, и всё прошло,
Листопадом замело.
Плачет дождик, листья шуршат,
И как дождик, плачет душа.
Всё, что было, нам не вернуть,
Всё, что было — ты позабудь...
Плачет дождик, листья шуршат,
И как дождик, плачет душа.
Всё, что было, нам не вернуть,
Всё, что было — ты позабудь...
Дождь дрожит у нас в глазах,
На ресницах и губах.
И не знаем ты и я
Где нам скрыться от дождя,
Вспомню, видя долгий сон,
Паутинкой тает он.
Для разлуки только миг,
Только ранней птицы крик.
Плачет дождик, листья шуршат,
И как дождик, плачет душа.
Всё, что было, нам не вернуть,
Всё, что было — ты позабудь...
Плачет дождик, листья шуршат,
И как дождик, плачет душа.
Всё, что было, нам не вернуть,
Всё, что было — ты позабудь...
Мне приснился дом лесной
Под зелёною сосной,
Где спасаясь от дождя
Повстречались ты и я.
Пахло сеном и смолой,
Было нам тепло с тобой.
Было всё и всё прошло,
Листопадом замело.
Плачет дождик, листья шуршат,

И как дождик, плачет душа.
Всё, что было, нам не вернуть,
Всё, что было — ты позабудь...
Плачет дождик, листья шуршат,
И как дождик, плачет душа.
Всё, что было, нам не вернуть,
Всё, что было — ты позабудь...

(Надежда Кадышева и Премьер Министр)

Оборотни, не стесняясь, притопывали, эльфы посмеивались, зато драконы, внешне расслабившись, пристальными змеиными взглядами сверлили меня, вызывая дрожь в коленках. Подняв лицо и посмотрев на Кэла, увидела, что он улыбается и с нежностью смотрит на меня, в голове тут же всплыла песня, которая способна разбудить любое сердце. Не отрываясь от него, сливаясь с ним взглядом начала петь. И заметила, что с каждой новой строчкой в глазах моего жениха рождается нечто большое и незыблемое. Он открыл мне душу и показал свою любовь.

Покроется небо пылинками звёзд,
И выгнутся ветви упруго.

Тебя я услышу за тысячу вёрст,
Мы — эхо, мы — эхо,
Мы долгое эхо друг друга.
Мы — эхо, мы — эхо,
Мы долгое эхо друг друга.
И мне до тебя, где бы я ни была,
Дотронуться сердцем не трудно.
Опять нас любовь за собой позвала.
Мы — нежность, мы — нежность,
Мы — вечная нежность друг друга!
Мы — нежность, мы — нежность,
Мы — вечная нежность друг друга!
И даже в краю наползающей тьмы,
За гранью смертельного круга
Я знаю, с тобой не расстанемся мы,
Мы — память, мы — память,
Мы — звёздная память друг друга.
Мы — память, мы — память.
Мы — звёздная память друг друга!
(Анна Герман, 'Мы эхо')

С трудом вырвавшись из плена глаз Кэла и сбросив с себя дурман нахлынувших чувств, усилием воли вернулась в реальность и обернулась к остальным. Мужчины больше не усмехались, как один погруженные в невеселые думы, а некоторые смотрели на меня с

тоской. Решилась их немного отвлечь и объявила, что спою последнюю на сегодня. И черт меня заставил посмотреть на Дэруфина во время песни.

Солнце ярким желтым шаром
Догорело в вышине.
Искры тех лесных пожаров
Снова вспыхнули во мне.
Что со мною?
Кто мне скажет?
В сердце серая зола.
Может в том пожаре страшном
Я и сам сгорел дотла...
Лесные пожары — пылающий лес.
Горит мое сердце огнем до небес!
Горит мое сердце, пылает огонь!
И рвется на волю как бешеный конь!
И пышет мне жаром и прет на рожон,
И я как пожаром тобой окружен.
И я как пожаром тобой окружен.
Тобой окружен!
Тобой окружен!
Лесные пожары...
Лесные пожары...
На рассвете мы проснемся
Не грусти, любовь моя,
Никогда мы не вернемся
В опаленные края...
Время в нас огонь потушит,
Но в горящих тех лесах
Все мерцают наши души
В раскаленных небесах!
Лесные пожары — пылающий лес,
Горит мое сердце огнем до небес!
Горит мое сердце, пылает огонь!
И рвется на волю, как бешеный конь!
И пышет мне жаром и прет на рожон.
И я как пожаром тобой окружен!
И я как пожаром тобой окружен!
Тобой окружен!
Тобой окружен!

Я замолчала, совсем выдохнувшись. Все сидели молчком и в напряжении глядя на бледного Дэруфина, который в этот момент, не отрываясь, смотрел в огонь. Я убрала вирну в чехол и, поднявшись, пошла к Росе, чтобы положить рядом с ней и вещами столь дорогую

моему сердцу вещь. Я сделала только пару шагов, но, поравнявшись с драконами, вздрогнула — рука Дэрүфина словно кандалы сомкнулась на моем запястье, заставив выронить инструмент.

— Такое сокровище может быть только моим, светлая эла! Я, в отличие от других, признаю тебя истинной, душа моя.

Я дернулась в попытке вырвать руку, и в туже секунду мимо меня пронеслась тень в сторону дракона, и того смело с бревна серым смерчем, в котором только через несколько мгновений узнала Кэла. Клубок рычащих тел, а через минуту он сидел на груди Дэрүфина, коленями прижав руки дракона, клинок эльфа упирался ему в шею. Затем раздался холодный скрежещущий по нервам голос Кэла.

— Это сокровище принадлежит мне, МЛАДШИЙ НАСЛЕДНИК! Она МОЯ ЖЕНА! НИКТО не смеет к ней прикасаться кроме меня. Ты ПОНЯЛ меня, аро Дерүфин Арван, ил мне стоит лучше пояснить тебе эту истину, а то вы, ящерицы, бываете иногда такими непонятливыми.

Глаза Дэрүфина сверкали злобой и ненавистью, сузившись до едва заметных щелок, но он проскрипел, лежа распятым под Кэлом.

— Я понял, ан Кэлэбриан Даэбран, и приношу извинения как Вам так и Вашей супруге. Прощением мне может служить только ее несравненная красота и чарующий голос, словно дурманом, застившие мой разум.

Всего одно движение, и Кэлэбриан уже на ногах. В два шага оказался рядом со мной, пристально с тревогой вглядываясь в лицо. Он стоял не шелохнувшись, словно ожидал моего выговора, а я, довольно быстро придя в себя и передернув плечами, стряхивая оцепенение и страх, скорчив просительную гримаску, тихонько спросила, всовывая в сжатую в кулак руку Кэла свою ладонь.

— Можно я тебе волосы переплету, а то растрепались сильно. А ты мне, а то я разнервничалась очень. Кэл подхватил меня на руки и отнес к импровизированному лежаку, который соорудил Даэрон, а Вайрэ, подобрав вирну, отнес ее к моим вещам. Присутствующие, поняв что конфликт исчерпан, начали неспешно расходиться, чтобы устроиться спать. Ладрос налил всем горячего отвара и, коротко кивнув оборотням, подошел к нашей компании эльфанов. Мы отдельно, остальные тоже. Я расчесывала струящиеся блестящие в свете двух лун волосы Кэла, а потом не выдержала, и сказала, с восхищением вспомнив схватку.

— Ты был похож на смертельный вихрь. Нет, торнадо! Это было жутко, но самое удивительное — красиво. Твоя другая сторона смертельно опасна и испугала меня, но вместе с тем восхитила и успокоила. Действительно, пока ты рядом, я в полной безопасности.

Все поражено замерли. Кэлэбриан, помолчав мгновение, резко повернулся и, схватив меня за талию, рванул на себя, усаживая на колени. Ойкнув, я посмотрела на него, внутренне испугавшись, что возможно обидела своими словами, но встретив его горящий желанием взгляд, вздохнула уже по другому поводу. Как бы моя первая брачная ночь не состоялась прямо здесь и сейчас.

— Я счастлив, что ты так считаешь, а главное, сочла нужным сказать мне об этом!

Ладрос, чуть качнув головой, со снисходительной усмешкой пояснил мне.

— Ана Эленаль, ты еще слишком молода и практически ничего не знаешь о нашем мире, но со временем разберешься. Наши женщины привыкают к своей и мужской звериной

натуре с рождения. Поэтому их подобными инцидентами не удивишь и практически даже не заставишь волноваться, а вот с тобой все обстоит по-другому. Ощущение, что идешь по острию ножа и любое лишнее движение или слово — вызовешь негативную реакцию. Твой суженный весь сон потерял, приручая к себе и боясь испугать или отвратить. Так что твои слова — это лучшее успокаивающее для его расшатанных нервов.

Я расслабилась, зато Кэл нахмурился, прищуренными гневными глазами гипнотизируя враз поникшего Ладроса. Я встала, с трудом высвободившись из рук Кэла, и расположилась на коленях позади него, продолжив заниматься его волосами. Потом, вспомнив один забытый момент, чуть дернув его за почти заплетенную во французском стиле косу, спросила.

— А почему он тебя наследником назвал? Наследником кого?

Мрачная заминка с ответом заставила меня нахмуриться и встревожиться.

— Я единственный наследник своего отца — Повелителя эльфанов Кирдана Даэдрана Темного.

Смысл сказанного постепенно доходил до моего сознания, вот это да! Хорошо меня воспитывали без лишнего пиетета к сильным мира сего, а то бы точно коса выпала из рук, а так они, лишь слегка дрогнув с моим удивленным 'о', продолжали работу и аккуратно вплели подаренный мной шнурок в волосы. Завязав его концы, осторожно переложила уже привычным жестом косу ему на грудь и, сложив руки на коленях, задумчиво замерла. Решив пока не касаться вопросов наследия, спросила о более интересном, показавшемся сейчас более важным.

— Скажи, причем тут ваши косы?

Ладрос только печально ухмыльнулся, потерев две свои, а Кэл ответил.

— Светлые обмениваются брачными браслетами, а эльфаны плетут косы. Когда ты заплела мои волосы, то дала всем понять, что имеешь на меня брачные виды и пометила как свою собственность, вплета в них свою вещь... подарок. Когда ты разрешила мне заплести свои, дала согласие на брак со мной, и с того момента являешься моей собственностью и женой. Для ВСЕХ! Черный Тринимак освещает союз и после него на запястьях и ушах супругов проявляются брачные метки. Если брак истинный! И в отличие от светлых, наши браки несут нерасторжимый характер.

Нервно пожевав губу, сопоставила обращения эла и ана. Да, Ладрос не ошибался, когда обращался ко мне как женщине эльфанов, что ж, я не против. Вспомнила еще один момент и спросила.

— То есть мы уже женаты?! А две косы, что означают?

— Да, единственная моя, мы уже женаты. Одна коса означает, что эльфан женат, две — счастливый обладатель не только жены, но еще и потомства. Две косички по бокам лица как у Даэрона, заявляют всем об официальной помолвке эльфана. Но мы, слава Черному, проскочили этот этап. Надеюсь, ты простишь, что я не поставил тебя об этом в известность, когда мы заплетали косы в первый раз.

Он снова усадил меня перед собой и, обвив мои бедра ногами, принялся переплетать мои волосы. А я расслабилась и растеклась мягким воском у его ног, испытывая удовольствие от его рук, массирующих кожу головы. Мррррр!!! Даже не заметила, как привалившись к его груди с блаженной улыбкой, заснула, укутанная его теплым телом.

На следующее утро драконы поспешно улетели, а мы с оборотнями направились в совместный путь. Через несколько часов выбрались на широкий, но слегка запущенный тракт и к вечеру остановились в придорожной таверне. Плотно поужинав, я спокойно в одиночестве приняла ванну, а вот спать мне пришлось в компании Кэла, но слишком далеко он заходить не стал, будучи постоянно настороже в чужом многолюдном месте, да и о нашей договоренности у ручья помнил. Даже во время ужина мои спутники всех держали под наблюдением, и как только мы поели, отправились по комнатам отдыхать.

Позавтракав, не дожидаясь мужчин, вышла на улицу и, подняв лицо к солнцу, счастливо зажмурилась, впитывая его тепло, утренние ароматы свежей выпечки и влажной от росы земли. Из неги меня вывел топот копыт, раздавшийся рядом, и едкий голос, заставивший похолодеть и в ужасе втянуть голову в плечи.

— Так-так, Эленаль, наконец-то я нашел свою прекрасную невесту-беглянку. И где? На полпути к краю мира!

Бэор красиво соскользнул со своего белоснежного жеребца и приблизился ко мне, при этом очень внимательно изучая меня, видимо заметив изменения, которые произошли со мной за полтора месяца, прошедшие с побега. Испытав минутный страх, вдруг стало противно от себя самой. Чего я боюсь? Его? Так незачем! Я изменилась! Мне помогли измениться многие встреченные в дороге люди и нелюди тоже. Я лучше узнала себя и свои скрытые резервы, и слабости. За это время пережила столько, сколько за всю жизнь не смогла бы. Сейчас я была более чем уверена, что могу справиться со многим. И с Бэором и со своим папочкой! Теперь я темная ана, а не светлейшая эла, и этим все сказано. Я распрямила плечи и, задрвав подбородок, недоуменно презрительно выгнула бровь.

— Приветствую тебя, эл Бэор! Мне странно слышать твои слова на счет невесты. Насколько я помню, своего согласия ни разу не давала, ни на помолвку, ни на свадьбу, поэтому мне не понятна ни ваша фамильярность, ни то зачем ВЪИ меня искали!

Он в удивлении поднял брови, но довольно быстро пришел в себя, сменив удивление на усмешку, и по-новому взглянул на меня, с долей уважения, и эта малость помогла мне почувствовать еще большую уверенность в себе.

— Девочка, эль Бельфалас сдерет с тебя твою прекрасную шкурку, если сам поймает, а в то что он тебя ищет, надеюсь, ты веришь! Поэтому тебе лучше поехать со мной и стать моей женой как можно скорее, чтобы получить безопасность моего рода и имени.

— Это невозможно, Бэор, и не только потому, что я не люблю тебя и презираю, но и потому что уже замужем.

С каждым моим словом снисходительное выражение испарялось с его лица, сменяясь яростью и гневом. Он слишком близко стоял рядом, от чего я не в силах унять дрожь, замерла холодным извоянием.

— Мне все равно, Эленаль, что ты придумашь сейчас. ТЫ поедешь со мной и станешь моей женой и матерью моих детей. Естественно, как только смогу убедиться, что ты не носишь чужого ублюдка.

Я сначала разозлилась от такого заявления, а потом стало его просто жаль. Посмотрев на него с жалостью и презрением, ответила.

— К твоему несчастью, я не только не смогу стать твоей женой, потому что уже

замужем, но и мать твоих детей тоже стать не смогу. Так что твой гнев и старания бессмысленны как и наша гипотетическая свадьба. Ни ты, ни отец не сможете заставить меня родить вам наследников.

— Ты хочешь сказать, что бесплодна, Эленаль? Успокойся, Галдор сказал, что ты абсолютно здорова.

Я только печально покачала головой и снова сказала, глядя ему в глаза.

— Я смогу родить только от одного мужчины в этом мире. Все остальное неважно, потому что я слышу и чувствую его своим сердцем. Оно бьется в унисон с его, Бэор, и это уже никому не изменить. Я принадлежу своему мужу телом и душой, мы, как видишь, уже заплели косы, и это навсегда.

Когда до него дошел смысл сказанного, его бешеный взгляд уперся мне за спину. Медленно обернулась и увидела Кэлэбриана, в глазах которого смешалась радость от моих слов и ярость от слишком близкого присутствия возле меня Бэора. А позади стояли веером готовые к схватке пятеро наших друзей и телохранителей. Побледневший Бэор с ненавистью выплюнул.

— Вы оба еще пожалеете об этом!

И резко развернувшись, прошел мимо нас. Шестеро его спутников-светлых, торопливо последовали за ним. Кэлэбриан, ухмыляясь, проводил взглядом бывшего соперника, повернулся ко мне и обнял, крепко прижимая к себе. Потом поднял мой подбородок и, заглянув в мои глаза, настойчиво спросил.

— Это правда, любимая? Что твое сердце тоже слышит меня? И ты моя навсегда?

Мои глаза защипало от выступивших слез. Подняла руку и ладонью ласково погладила Кэла по щеке, наслаждаясь его теплом и ее гладкостью, а потом прошептала.

— Да, любимый, это правда! Я твоя со всеми потрохами. Навсегда! Представляешь, как долго тебе придется со мной мучиться и терпеть?!

Он еще крепче прижал к себе, практически оторвав от земли и неистово целовал мое лицо, иногда выдыхая.

— Моя! Только моя! Никому не отдам! Моя!

Наши лобзания прервал насмешливый голос Ладроса.

— Ан, может уже поедem из этого осиногo гнезда! У вас теперь вся жизнь впереди, успеете еще насладиться друг другом.

Недовольный взгляд Кэла не произвел большого впечатления на Ладроса, который в этот момент подвел мне оседланную Росу и, выжидательно сощуриль глаза, смотрел на своего босса. Как я выяснила прошлым вечером, мужчины, сопровождающие наследника, были не из простых эльфанов. Ладрос возглавлял свой Высокий Дом, а остальные были наследниками разной очереди каждый в своем. Представители пяти Высоких Домов сопровождали своего будущего повелителя в поисках таинственного артефакта, способного снять проклятье с женщин эльфанов. Кэл посадил меня в седло, вскочил на своего Темного, и мы пустились в дорогу. Нам осталась всего пара дней до границы и еще сутки до столицы темных.

Мы заночевали на границе, с трудом отыскав небольшую сухую полянку в болотистых низинах, сквозь которые ехали уже сутки. Завтра мы ступим землю, которая станет моим новым домом и это событие вызывало радостный трепет в душе и легкое опасение, не смотря на все заверения мужчин, что Повелитель и представители всех Высоких Домов примут меня без презрения и осуждения Кэлэбриана за его выбор жены. Я заснула, лениво глядя в огонь костра, чувствуя на лице дыхание Кэла, обхватившего меня сзади и согревавшего своим телом. Я привыкла постоянно чувствовать его заботу, спать вместе с ним, чувствуя его сердце под ухом и тепло его тела вокруг меня, что отвыкнуть от этого уже просто не представлялось возможным. Никогда!

Проснувшись от тревожного чувства опасности. Оказалось мужчины уже на ногах и подкладывают больше дров и веток в костер, увеличивая светлое пятно вокруг нас. Лошади хрипели и бешено вращали глазами от ужаса, но накрепко привязанные к деревьям рядом с нами, не могли сбежать. Резко вскочила, поправив одежду, подошла к мужчинам и с тревогой спросила.

— Что-то случилось?

В этот момент раздался заунывный вой, продирающий до самых костей, и тут Кэл толкнул меня на землю и встал в боевую стойку, широко расставив ноги и выставив длинный клинок и короткий кинжал. Остальные заняли оборонительную позицию вокруг нас. Я подняла глаза и застыла от ужаса с застрявшим в горле криком. Из леса выступали невысокие, казалось, бесплотные тени. Темные балахоны на них жили своей жизнью, клубясь вокруг тел плотным черным туманом, создавалось ощущение, что позади них реют дырявые крылья. Бледные пятна лиц и белесые патлы волос, неровными прядями свисающие на плечи и лицо. Черные провалы глаз и красная нитка вместо рта с жуткими иглами вместо клыков. У меня на голове зашевелились волосы от страха, а пальцы непроизвольно сжали в кулак клочки травы.

Разговора не было, молчаливый осмотр будущего обеда, и жуткие тени со всех сторон ринулись на нас. Они хотели разьединить нас, и рыча нападали всем скопом, откидывая по одному в сторону. Я скулила, сжавшись в комочек, и могла только следить за смертельной битвой. Эльфаны крутились смертельными волчками, раскидывая нападающих в стороны, отрезая вампирам головы. Вокруг в большом количестве лилась кровь и не только чужая. Почти все эльфаны были не единожды ранены и истекали кровью, все больше слабея. Я почувствовала, как меня схватили за волосы и потащили из-под ног отчаянно бьющегося Кэла. Завизжав, я начала брыкаться, тормозить руками и ногами, волосы оставили в покое, но, к своему ужасу, я отвлекла на себя внимание Кэла, и это стоило ему очень многого — ему в грудь воткнули его же собственный кинжал. Больше я ничего не видела и не слышала, только полный муки и отчаянья взгляд Кэлэриана, понявшего что больше не в состоянии защитить меня от вампиров. Он медленно опускался на землю, не отрывая от меня глаз, а у меня в груди разгорался пожар. Я НИКОМУ НЕ ПОЗВОЛЮ ЗАБРАТЬ ЕГО У МЕН НИКОМУ!

Адреналиновый всплеск и я перестаю контролировать свое тело, словно со стороны наблюдая за происходящим. Вся объятая пламенем, вытянула руки и направила огненную струю похлеще любого земного огнемета по этим тварям. Они дико визжали, сторя заживо.

Я довольно ухмылялась, настигнув очередного. Вот из кучи поджаренных монстров вылез окровавленный до неузнавания Ладрос, вытягивая Вайрэ за собой. Потом Дэнэтор с облегчением обнаружил, что остался один, а вокруг только пылающие бегающие головешки. Гритнир, стоящий над Даэроном, лежащим сломанной куклой без сознания, проткнул клинком своего вампира за мгновение до того как тот вспыхнул. Мое пламя радостно урчало, накормленное до отвала, испытывая все больший прилив сил и желание поиграть еще. Живых врагов не осталось, и оно просило дать ему взамен что-нибудь еще, но я, заметив уставших, испуганных моим видом мужчин, смогла вернуть контроль над своим телом и приказала огню успокоиться. Ворча и сопротивляясь, он снова улегся у меня внутри маленьким огнедышащим дракончиком.

Я упала на землю и, потрянув головой, смогла прийти в себя. Огляделась вокруг и увидела рядом лежащего Кэлэбриана, с торчащим из груди кинжалом. Подвывая от страха и отчаяния подползла вплотную, проверила бьется ли его сердце. Услышав мелкий нитевидный пульс, облегченно вздохнула и, не утруждая себя стиранием слез, решительно взялась за рукоятку и выдернула нож из груди. Потом, откинув его в сторону, обе руки приложила к ране, из которой маленьким фонтанчиком лилась кровь и принялась за лечение. Я ушла в себя, и кроме ран на его теле меня ничего не интересовало. Прочувствовав, что ему гораздо лучше, пришла в себя, но Кэл был все еще без сознания. Повернувшись к мужчинам, с разных сторон с тревогой наблюдающих за нами, те, заметив облегчение на моем лице, заметно расслабились. Не в силах встать на ноги, на коленках подползла к Даэрому и принялась за его лечение. Ему практически оторвали руку и порядком обескровили. Уууу, вампирюги! После него у меня почти не осталось сил, я посмотрела на других, ощущая что даже мои глаза на пределе, в них как будто песка насыпали.

— Кто из вас ранен так, что это угрожает его жизни?

Трое закаленных в боях мужчин смотрели с пониманием и горечью. Но заметив, что Вайрэ сидит привалившись к ногам Ладроса, уже почти не видя вокруг, попросила.

— Дэнэтор, поднеси меня к Вайрэ, я ему хотя бы кровотечение остановлю, дальше он сам справится.

Спорить со мной никто не стал, и Дэнэтор, с трудом подняв меня на руки, пошатываясь, донес меня до друга. После того как я подлатала Вайрэ, отключилась, полностью истощенная.

Я лежала, не в силах открыть глаза и хотелось как в одном старом советском фильме ужасов сказать: 'Поднимите мне веки!' Но голос меня подвел, выдав только сиплый хрип. Но даже этот звук запустил цепную реакцию вокруг меня.

— Она очнулась!

В следующий момент мне в рот полилась живительная влага, которую я глотала, испытывая небывалый восторг и наслаждение. Через пару минут я все-таки смогла приоткрыть глаза и, вздохнув с облегчением, поняла, что солнце не светит в глаза, а мягко освещает большую светлую комнату, смогла полностью открыть их. Я лежала в огромной спальне со светлыми тканевыми обоями, на кровати поистине царских размеров, утопая в мягкой перине, а надо мной склонился Кэлэбриан, лежащий рядом. Я счастливо улыбнулась, испытывая ни с чем не сравнимое облегчение, что снова вижу его, причем живым. Почувствовала, как в уголках глаз собрались слезы и потекли по щекам. Горячая и такая ласковая ладонь Кэлэбриана коснулась моей кожи и вытерла соленую влагу, потом он прошептал, с безграничной любовью заглядывая в мои глаза.

— Все хорошо, мы дома, в безопасности. Все здоровы и ты, наконец-то, тоже. Ты спасла всех нас, маленькая моя! С виду такая беспомощная малышка, а внутри — вон какая пламенная!

Я улыбнулась еще шире и смогла поднять руку, чтобы с благоговением прикоснуться к его щеке и прошептать.

— Я так сильно тебя люблю! Это твоя боль родила во мне тот огонь, властелин моего сердца! — на секунду замолчав, наслаждаясь впечатлением, которое произвели мои слова на Кэла, добавила. — Вы оказались правы, на меня ваше проклятье не действует, а я боялась, что усну как остальные и еще долго не смогу посмотреть в твои серебряные глаза. Умереть не встать!

— Нет, на нашей территории проживают представительницы других рас, для них это безопасно. Проклятье действует только на женщин-эльфов. — добрый мягкий голос заставил меня оторваться от любования своим мужем и повернуть голову в сторону говорившего.

С другой стороны в креслах, стоящих вплотную к кровати, сидели Ладрос и мужчина средних лет, поразительно похожий на Кэла. А может это Кэл похож на него. Я судорожно сглотнула, увлажняя внезапно пересохшее горло, и прошептала, одновременно с этим непроизвольно хватая Кэла за руку.

— Здравствуйте э.....?

— ан Кирдан Даэбран! Отец твоего мужа, а теперь и твой, дочь моя Эленаль!

В голове немедленно раздался тоскливый стон, и возникла тревожная упадническая мысль: 'Еще один? Боги, третьего папочку я просто не переживу!!!'. Я тупо кивнула, соглашаясь и все еще плохо соображая. Заметив мой нерадостный кивок и вытянутое лицо, Повелитель и Ладрос расхохотались, а Кэл просто усмехнулся, осторожно придвигаясь ко мне и прижимая к себе. Я смущенно уткнулась ему в грудь и... снова заснула.

Два дня меня не выпускали из кровати, мотивируя тем, что я абсолютно истощена как магически, так и физически. Меня кормили по часам словно младенца, и Кэлэбриан выносил на балкон подышать свежим воздухом, неизменно держа на руках. Он практически

неотлучно присутствовал в моей комнате и все время касался меня, словно не веря своему счастью. Сам Повелитель тоже заходил несколько раз, и мы довольно весело и позитивно разговаривали о моей новой жизни. Вообще, было удивительно беседовать с ним о прошлой и настоящей жизни. Хотя прошлая очень быстро забывалась, и только образы родителей никак не могли померкнуть, я все еще страдала из-за разлуки с ними и не могла отпустить от себя. А нынешняя — изрядно повеселила и впечатлила своим разнообразием и насыщенностью моего-почти-свекра. Заходили и мои спутники, долго топтались в дверях, а потом, встав на одно колено, принесли клятву долга, чем немного расстроили. Я пыталась им пояснить, что поступила так, потому что люблю Кэла и считаю их своими единственными друзьями, а не для того чтобы они передо мной на коленях стояли. Клятву они отменять не стали, но насчет друзей сообщили, что для них это большая честь и сплошное удовольствие. Через три дня я расспросила о процедуре бракосочетания у Кэлэбриана, чем вызвала у него огонь в глазах, горячий энтузиазм и безотлагательную деятельность в плане организации нашей свадьбы.

Еще через три дня я сидела и тупо пялилась на свое свадебное абсолютно черное платье, украшенное множеством драгоценных камней, и пыталась заставить себя не острить на этот счет, задавая глупый вопрос прислуге — женщине-человеку: 'Это будет свадьба или чьи-то похороны?'

Как тут все интересно! За эти дни я прошлась по Дворцу Повелителя, а теперь еще и моему новому дому и с огромным облегчением убедилась, что дворец — это только название, а на самом деле большой дом, наполненный светом и воздухом с пьянящими ароматами цветов и трав, растущих повсюду и радующих глаз. Вчера меня официально представили Темному Двору, состоящему только из мужчин и от того, что в тронном зале стояла одна женщина — я, испытывала жуткую неловкость. Пятеро глав Высоких Домов, одним из которых являлся Ладрос, и еще четверо сильных мужчин с пристальным любопытством взирали на меня. Каждый из них лично поблагодарил за помощь и спасение их наследников, чем ввели меня в еще большее смущение. Но главное, в их глазах не было презрения, которое неизменно возникало в глазах светлых, смотревших на меня. Здесь меня уважали и довольно высоко ценили мои умения и способности, ведь для меня очень важно стать не просто красивым приложением к Кэлэбриану, но и найти себе занятие, которое принесет пользу новым соплеменникам и удовлетворение мне лично. После глав Высоких Домов уважение выказали главы более мелких родов, короче, на представление эльфам ушел весь день. Кэл пообещал, что после свадьбы сводит меня в Харпис и познакомит с матерью и сестрой. Точнее, покажет их тела. Мне было очень жаль, что на нашей церемонии бракосочетания не будет его любимых женщин.

Сегодня день моей свадьбы, а я сижу в ванной и трясусь от страха. А вдруг что-нибудь пойдет не так? А вдруг Тринимак откажет мне в освящении? А вдруг? А вдруг? Столько вдруг крутилось в голове, что я все не решалась надеть свадебное платье и наконец начать готовиться к ней. Но тут подошла дородная женщина-человек и, рывком вытащив меня из ванны, начала сильно растирать полотенцем, при этом бурча про глупых молодых девиц, не верящих в свое счастье. И так далее, и тому подобное, и все время пока меня одевали и украшали волосы цветами, она все бурчала и бурчала. Но это, как ни странно, взбодрило меня и привело в порядок расшатанные нервы.

На площадку перед священной пещерой Черного Тринимака я въехала на своей уже белоснежной Росе, вызвав всеобщий вздох восхищения у толпы окружающих меня мужчин-

эльфанов, собравшихся здесь в огромном количестве для свидетельствования заключенного брака. Кэлэбриан стоял вместе с отцом и жрецом-служителем, как только я подъехала, жених, наряженный в черный длиной до самого пола бархатный камзол и кожаные штаны, изредка мелькавшие в разрезе, подошел ко мне и аккуратно снял с лошади. Мы стояли, держась друг за друга, не в силах разорвать зрительный контакт. Его серебристые глаза-озера сверкали и искрились, затаенной внутренней энергией и желанием, уже не являющимися на сегодняшний день для меня тайными. Более того, я их охотно стимулировала и поддерживала. Взявшись за руки под прекрасные звенящие звуки свирели, мы вошли в пещеру, и в первый момент перехода из светлого в темное я потеряла ориентацию, но привыкнув к полумраку, с любопытством осмотрелась вокруг. Огромная площадка под высокими сводами пещеры была испещрена множеством символов, вырезанных, выжженных или выложенных мозаикой из драгоценных камней. По стенам тянулись темные ветви незнакомого растения с толстыми кожистыми листьями, которое словно корзинка без дна обвивала небольшой участок земли в центре пещеры. Мы направились к ней, и я с любопытством наблюдала, как мои ноги ступают по серой золе, поднимая в воздух небольшие плотные облачка пыли. Уже через пару шагов мы словно в тумане шли по пояс скрытые пыльным облаком. Войдя внутрь корзинки, встали друг напротив друга, а напротив замер жрец с кинжалом в руке. Стало страшно. Правила церемонии мне никто не удосужился объяснить, а спросить просто запомнила. Звук свирели все нарастал, смешиваясь с речитативом жреца, который, закрыв глаза, словно ушел себя, и только его голос жил сам по себе и под аккомпанемент свирели уходил под своды пещеры. Невольно обратила внимание, что площадка у наших ног потемнела, ветви и листья, окружающие нас, стали практически черными. Жрец, все так же не переступая невидимой границы корзинки, лишь протянул руку с кинжалом, не переставая петь, а Кэлэбриан, взяв меня за руку, протянул к жрецу. Я все ждала, а ничего не происходило, только песня все сильнее звучала в ушах, да возникла в груди странная вибрация. Неожиданно я увидела, как в воздухе замелькали черные огоньки, и это потрясло до глубины души. Маленькие черные звездочки словно звездная пыль клубилась вокруг нас и остальных эльфанов, а мне было непонятно, как в они могут сверкать будучи абсолютно черными. Мои размышления прервала резкая боль, от которой я взвизгнула и хотела одернуть руку, но не смогла. Оказалось, этот гадский жрец проткнул наши руки насквозь, соединив кинжалом. Кровь из ран, смешиваясь, орошала черные ветви растения-корзинки, и от этого оно словно разбухало и наливалось все большей чернотой, а мое сознание как будто отключилось. Я снова парила где ничто и нигде, а в голове раздался голос знакомого черного пятна.

— Любишь?

— Люблю! Больше жизни люблю!

— Счастлива?

— Да! Благодарю за это!

— Хочешь остаться с ним навсегда и разделить его судьбу?

— Да! Да! Да! Конечно только с ним!

— Хорошо, дитя мое, ты заслужила мое благословение! И позаботься о моих детях!

— Эээ... Хорошо, я постараюсь....

— Я знаю, дитя мое! И прими мой подарок на свадьбу, чтобы больше ничего не отвлекало тебя от ЭТОГО мира!

Темнота и вязкая серость пропала, а я увидела картинку, от которой бы плакала от

счастья и облегчения. Но плакать могла только моя душа, зависшая и ни кем не видимая, молча наблюдающая за происходящим в другом мире. Моем старом мире, о котором я уже так много забыла, но никак не могла забыть самое главное для меня. Небольшая больничная уютная палата, в которой находилась уже не молодая, но и не старая пара. Женщина кормила грудью младенца, с таинственной счастливой улыбкой наблюдая за личиком ребенка. Рядом с ними в белом халате сидел мужчина и с благоговением и восхищением смотрел на них. Было хорошо заметно, что он едва может сдерживать слезы счастья, застывшие у него в глазах. В комнату, постучавшись, вошла женщина-врач и, мягко поздоровавшись, негромко сказала, улыбаясь глядя на сразу забеспокоившихся родителей.

— Не волнуйтесь, Сергей Васильевич, все хорошо. Не смотря на преждевременные роды, ваш сын Максим Сергеевич Севастьянов абсолютно здоров. Никаких патологий или отклонений. Можно хоть сейчас в армию.

Врач заметила ставшее угрюмым лицо мужчины, когда тот услышал последнее замечание и, усмехаясь, попрощалась и вышла из палаты. А я же, зависнув под потолком, одновременно с болью и радостью наблюдала за своими родителями и новорожденным братиком. Значит у нас родился Максимка! Их вниманием опять завладел маленький прожорливый мальчик, с жадностью сосавший мамину грудь, а они с трепетом и любовью смотрели на сыночку. Мама подняла сияющие глаза от Макса и, посмотрев на отца, спросила.

— Сереж, я верю что Лена, она... она знает, что мы... все равно любим и помним ее?

Папа, помолчав, слегка нахмурился, потемнев в лице, и с болью в голосе ответил, ласково погладив маму по плечу, успокаивая.

— Я тоже уверен, что она знает, по крайней мере, чувствую это сейчас. Она знает и теперь будет спокойна. Знает, что мы любили, любим и всегда будем любить ее, а теперь и Максимку. Помнишь, как она была счастлива, узнав о нем. Я до сих пор благодарю бога, что решился тогда ей о нем рассказать. Я рад, что она знает, что мы не одни... И мы всегда рядом с ней...

Дослушать не успела, меня затянуло в жуткую черную воронку и выкинуло в темноту. Страх накрыл волной, и я, судорожно трепыхаясь, открыла глаза. Мгновение дезориентации, и я смогла различить склоненное встревоженное лицо Кэлэбриана над собой. С безграничным облегчением вздохнула, отпуская на свободу все плохое и принимая в сердце и душу еще больше любви своего мужа и радости от встречи с этим миром. Теперь точно моим миром. Подняла руки и, обвив его за шею, прижалась всем телом, счастливо улыбаясь новому дню. И только потом до меня дошло, что наши ладони разъединены, целехонькие, и я нахожусь на руках Кэла, а вокруг встревоженные лица Повелителя, Ладроса и других глав кланов и жреца. Нервно дернувшись, посмотрела на Кэлэбриана, который с тревогой смотрел на меня.

— С тобой все хорошо, любимая?

— Ммммм! Да, вообще-то! Просто боги последние супружеские наставления давали и подарки вручали, поэтому отключилась, наверное.

Я только пошутила, хоть и правду сказала, но вокруг все замерли, уставившись на меня, а в этот момент я снова вскрикнула от того, что меня как будто цапнули за уши и обожгли запястья. Убрав руки с шеи Кэла, сначала с шипением потерла уши, а потом с удивлением рассматривала широкие ажурные тату-браслеты, которые довольно быстро из ярко-черных становились все светлее, впитываясь в кожу. Уже через минуту от них остался едва видимый

серый рисунок и то только потому, что у меня кожа очень светлая, в отличие от эльфов. А вот тату на ухе Кэла впиталось практически полностью, и только если очень хорошо присмотреться, можно различить его рисунок. Но чувствую, на моих ушах будут очень хорошо видны расписные узоры. Жуть! Вокруг раздался общий восхищенный вздох, сотни мужчин и я, опустив взгляд, наткнулись на растение, которое мы так обильно поливали своей кровью. Оно зацвело! Огромные чернильно-черные цветы с махровыми лепестками расцветали в корзинке и разбегались по пещере. Скоро вся пещера была похожа на один цветочный ковер и начала благоухать ярким насыщенным кружащим голову ароматом. Как только свидетели почувствовали аромат, словно по команде ломанулись на выход, подталкивая друг друга. У меня от этого шоу округлились глаза, и я, недоуменно посмотрев на довольного и чересчур счастливого мужа, спросила.

— Отчего это они, а? Может нам тоже сбежать отсюда пока не поздно?

Кэл горячим взглядом окинул мое тело, затянутое в черное платье, и, взяв лицо в ладони словно в чашу, нежно коснулся своими губами. Потом, отстранившись, хриплым голосом, от которого у меня по спине побежали восхищенные мурашки, проурчал.

— Этот запаххххх — афродизиак для новобрачных. Чтобы никто и ничто не смогли отвлечь новобрачных от главной задачи — подарить Тринимаку потомство. Но как ты помнишь, наши женщины спят, поэтому мужчины удрали, чтобы не мучиться болью в одном месте, не в силах облегчить ее со своей половинкой.

— Ага, понятноооо!

Покинув пещеру, мы спешно вернулись домой и, отказавшись от ужина, уединились в спальне. Очутившись в кровати, я застыла в нерешительности. Яркое солнце проникало в комнату и своим теплом ласкало кожу, стирая неуверенность и страх. Кэлэбриан слишком быстро разделся, не скрывая от меня ничего, повернулся лицом, встал коленями на кровать и уставился на меня. Я с восхищением и страхом невинности смотрела на длинную косу, струящуюся по обнаженной мощной груди и достигающую серых волос в паху. Он был уже готов и глядел на меня сверкающими голодом желанием глазами. В каждой клеточке моего тела, которой коснулся его взгляд, разгорался стремительный пожар. Рывками расстегнула маленькие пуговички на груди и, распустив шнуровку сбоку, стянула платье, оставшись лишь в тонкой короткой сорочке на бретельках, доходящей до середины бедра и тоже черного цвета. Опустив глаза, посмотрела от чего же это его взгляд полыхнул почище лесного пожара. Моя грудь, слегка прикрытая черным шелком, быстро вздымалась от учащенного дыхания. Черный цвет рубашки великолепно сочетался с моей алебастровой кожей. Длинные гладкие ноги я вытянула вдоль кровати, и сейчас по ним гуляла горячая рука Кэлэбриана. Каждое его прикосновение рождало томление между ног и огонь, бегущий по моим венам. Ласки с ног сместились вверх и достигли груди. Он пальцем спустил одну из бретелек, а потом, наклонившись, рванул рубашку, клыками разрывая ее пополам и оголяя мое тело. Прикрываться не стала, помня какое наслаждение могут подарить эти губы моей груди, и с радостью отдалась его воле. За эту ночь меня целовали вдоль и поперек, облизали с ног до головы, любили столько раз, что в конце я уже ничего не соображала. И главное, я растворилась в нем. В Его темно-серой коже, бугрящейся налитыми мышцами, шелковых волосах и серебристых озерах, которые, не отрываясь, раз за разом ловили мои эмоции и каждый, не похожий на другие, оргазм. Кэлэбриан изучал мое тело руками, губами и всей своей кожей, запоминая его и награждая своим ароматом, словно ставя на мне дополнительную печать, как будто ушей и запястьев не хватает.

Три дня мы не вылезали из кровати, словно в пьяном угаре не в силах разъединиться или разлепить нашу кожу. Только иногда прерывались на сон и короткий перекус. Спасибо повелителю, не забыл о нас. В будущем, я уж точно как и другие буду с великой поспешностью уматывать из этой волшебной пещеры, как только увижу зацветающие пахучие цветочки. А то лично меня эта любовно-постельная лихорадка скоро до изнеможения доведет, хотя уже довела, в последнее время главным действующим лицом является только Кэл, а я довольным классическим бревном без сил лежу под ним. Только на четвертый день мы покинули спальню и вышли к людям, точнее, к эльфам. Встать на ноги помогла магия, с помощью нее я почувствовала, что семя Кэла дало всходы во мне, о чем, не подумав, искренне, но как оказалось, опрометчиво, сообщила мужу. Вырвите мне кто-нибудь за это язык. Кэл сопровождал меня повсюду, держа под локоток словно немощную. Повелитель смотрел, тайком утирая слезы умиления, кося взглядом на АБСОЛЮТНС плоский живот, что он там только видеть мог?! А остальные расшаркивались, стороной обходя по широкой дуге, чтобы не дай Черный Тринимак задеть меня своими мощными телесами, причинив всевозможный вред.

Вот именно в этот момент я и вспомнила о женщинах. В расстройстве от всей этой ситуации понимала, что пока я тут одна в окружении одиноких, ни чем не занятых кроме

боевых тренировок, мужиков, то меня заботой и любовью просто задавят. Да еще токсикоз не заставил себя долго ждать и беспричинные слезы, от которых я начала чувствовать себя истеричкой, и тем самым еще больше открывая слезливые краны. Короче, я больше скрывалась у себя в комнате, чем шастала по замку и мозолила всем глаза. Кэлу, все время ходившему за мной озабоченной тенью, было ласково предложено ненадолго, ну хотя бы до вечера, оставить меня в покое. А сама я, до посинения насидевшись в комнате, на следующий день отправилась ходить по замку, стараясь не попадаться кому-нибудь на глаза.

Проплутав часик по еще неразведанным коридорам, неожиданно заметила странную черную арку и лестницу, ведущую вниз. Недолго думая, нервно оглянувшись по сторонам, ступила на лестницу и медленно пошла вниз. Ступеньки закончились на небольшой площадке, в конце которой я заметила двустворчатые двери со странной рунной росписью. Положила обе ладони на полотно двери, почувствовала легкую вибрацию и тепло, быстро исчезнувшие. Подналегла, и дверь, благодаря моим усилиям, открылась, являя вход в огромную пещеру. Я зашла внутрь и обомлела, рассмотрев, что таит эта сокровищница.

Темные своды пещеры очень высокие, и я поняла, что Дворец Повелителя, пристроенный к горе, скрывает именно вход в нее. Темнота рассеивалась маленькими магическими светлячками, дрейфующими в воздухе в огромном количестве. Все пространство пещеры, конца которой даже не смогла увидеть, было заполнено стеклянными гробами. Здесь стояли, по меньшей мере, несколько тысяч гробов. Некоторые были закреплены вертикально вдоль стен, другие — на постаментах, образуя своеобразную лестницу, но только таким образом, чтобы крышку можно было в любой момент откинуть. Я в шоке рассматривала лежащих в них женщин, двигаясь по проходу, и вышла в центр огромного зала пещеры. Здесь стояли два стеклянных гроба, украшенных золотой росписью, мешающей рассмотреть лица женщин. А вокруг них располагались больше двадцати гробов, образуя двойное кольцо. Похоже, это жена Повелителя и его дочь, а вокруг — представительницы Высоких Домов. Возле гроба супруги Повелителя Иссиль находится стульчик, постояв возле сестры Кэлэбриана Мильсигран, подошла к его матери и присела. Руки тряслись от ощущения грандиозного масштаба проклятия, страха, странным образом, я не испытывала. Неуверенно и осторожно открыла крышку хотя бы для себя убедиться, что они все же живые, а не мертвые. Носа коснулся легкий аромат, похожий на жасминовый, я коснулась серого лица Иссиль и почувствовала кончиками пальцев тепло и нежность кожи. Светло-серые косы лежали на обоих плечах, а руки сложены на животе. Тонкие мягкие руки, явно способные подарить своим детям и мужу любовь и ласку. Иссиль одета в темно-зеленное бархатное платье, достающее до красивых черных туфель, украшенное серебристой вышивкой по всей ткани. Взгляд особенно привлекла одна деталь убранства — небольшой кулон в виде хрустальной слезы на тонкой изящной цепочке, обвивающей шею, а сам прозрачный камень лежал на груди.

Я сидела и тоскливо смотрела на окружающее меня вместилище скорби и печали целого народа, все сильнее испытывая тяжесть в груди и невообразимую печаль. Столько судеб разрушено, из-за одного вампира. Он погубил не только свой род, но, возможно, и весь народ эльфанов. А эти женщины больше ста лет вынуждены витать неизвестно где, пока их мужчины страдают в одиночестве, бессильные помочь любимым. А я должна за всех отдуваться... Не выдержав, начала выплескивать боль, скопившуюся в груди, жалуясь на токсикоз, чересчур навязчивую заботу и внимание. Я из-за них снова чувствую себя словно в ловушке или больнице. Не замечая бегущего времени, уткнулась в теплое бархатное плечо

Иссиль и всплакнула над их трагической участью. Горькие слезы, скатываясь по щекам, падали ей на грудь. А я все никак не могла остановиться, как же мне было всех жаль. Ну почему, почему все должно быть так жутко и печально. Они достаточно заплатили за свои ошибки. Должно же проклятие когда-нибудь закончиться. А то лежат тут, лежат! Вставать пора, там мужики совсем одни и страдают от этого, и мне жить спокойно не дают. Горько шмыгнув носом, отстранилась от женщины и заметила, что своими слезами залила ей всю грудь, и теперь платье в мокрых темных пятнах. Еще раз всхлипнув, протянула руку и внутренним огнем высушила платье от слез, а потом, не думая, направила на нее чуть-чуть энергии исцеления. И ничего! Тяжко вздохнув, вытерла последние слезы и, не думая, стряхнула с руки, часть из них снова упали Иссиль на грудь. Некоторые, словно роса осели на кулоне. Хрусталь, омытый горячими слезами, еще больше засверкал и заискрился, разбрасывая множество ярких бликов. Только я протянула руку, чтобы опять высушить платье, как от пятнышек моих слез, пропитавших платье и повисших на хрустальном кулоне, начали исходить золотистые искорки и, словно затягиваемые в воздушный поток, уноситься вверх к потолку. Их становилось все больше и больше, а воронка все шире и шире, и вскоре блестящий вихрь охватил все вокруг и даже возле меня крутился маленьким смерчем. Испугавшись, не сразу смогла оторвать взгляд от золотистых искр, но через какое-то время посмотрев вниз, натолкнулась на любопытный взгляд красивых серебристых глаз Иссиль. Она тяжело вздохнула и сказала.

— Мне жаль, дочь моя, что тебе в моем доме пришлось так тяжело. Мы все исправим. Я рада, что мой сын, наконец, обрел свое сердце. Было так тяжело год за годом слушать их боль и печаль, не в силах помочь, успокоить разделить их ношу и одиночество. Благодарю тебя, дитя мое, что разбудила. Но вообще-то, у тебя такие огненные слезы, что я, если бы могла, вопила от боли как оглашенная. Но пробуждение стоило моей боли. А теперь помоги мне встать, а то я отлежала себе все что могла.

Протянув руку, она внимательно посмотрела на меня. Я же зачарованно слушала ее монолог, пока не в состоянии понять, о чем она говорит, но стоило ей протянуть руку, как я завопила от ужаса и, развернувшись, ринулась прочь, краем глаза замечая, как приподнимается все больше крышек гробов. Не заметив препятствия, с криком впечаталась в чью-то грудь и, подняв взгляд, натолкнулась на серебристые глаза Кэлэбриана, так же в шоке глядящего на меня. Мое сознание не выдержало и отбыло в неизвестном направлении.

В себя пришла, как потом выяснилось, поздно вечером. Открыв глаза, не сразу определилась, где нахожусь, но тут надо мной с любовью, безграничным восхищением и нежностью склонился Кэл. Сглотнула, смочив горло, и хрипло прошептала.

— Скажи, это был сон с гробами или правда? А то мне кажется, я сошла с ума. Совсем!

— Нет, любимая, не сон, ты спустилась в Харпис, а защитная магия, признав как свою, пропустила внутрь. В это до сих пор никто не может поверить, но ты своими горячими слезами сняла проклятье и разбудила женщин. Сейчас из-за этого во дворце такая суматоха творится. Многие живут в нескольких днях пути от Варгоса, и для них сейчас организуют транспорт и сопровождение из неженатых эльфанов. А то столичные супруги, воссоединившись друг с другом, закрылись по своим домам и носа наружу не показывают. Чувствую я, у нас через год будет значительный прирост населения. Всюду разосланы гонцы, сообщающие о снятии проклятья, потому что другим домам нужно забрать своих женщин, они немного ослаблены и без помощи не обойдутся. Но все равно, это надо было видеть, когда одну за другой их выносили из Харписа и отдавали семьям. Столько слез, счастья и

радости Варгос не видел никогда. И все благодаря тебе, радость моя. Теперь в наш дом хлынет толпа желающих выразить свою искреннюю благодарность и восхищение. Ты теперь героиня. Отныне ты хрустальная слеза эльфов, сердечко мое непоседливое!

Он рассказывал с легкой насмешливой грустью, все еще сам до конца не веря в случившееся. Гладил мое лицо, наблюдая удивление, радость и, наконец, панику, причину которой правильно понял.

— Не бойся, любимая, вместе мы со всем справимся. Это приятные хлопоты.

— Как хорошо! — довольно потянулась к нему за поцелуем...

Кэл горячим взглядом окинул мое тело и быстрыми нетерпеливыми движениями начал сдирать с меня платье. Как только последний лоскут оказался на полу, он устроился между моих бедер и потерся своим напряженным телом. Судорожно вздохнув, погладила его скулы и, приподнявшись, облизала языком его губы, затем сначала его рот, а потом и все его большое сильное тело полностью подчинило мое, и вскоре я стонала в голос и сгорала в огне обоюдной страсти. Наслаждением нас накрыло одновременно, заставив словно срастись или слиться в единое целое, боясь даже выдохнуть, чтобы не разлететься на маленькие счастливые удовлетворенные частицы.

Мильсигран и я хохотали до слез, слушая Саренан, жену Ладроса, рассказывающую о том, как ее суперсуровый и хладнокровный муж упал в обморок, увидев ее и дочерей. Спустя неделю после снятия проклятия все последующие события уже воспринимались скорее со смехом, чем со слезами, как в первые пару дней. Весь дворец благоухал тысячами цветов, присланных мне в подарок благодарными мужчинами, мужьями, отцами или женихами проснувшихся женщин. Если это продолжится и дальше, дворец завалят цветами, а нам скоро дышать будет нечем. Честное слово, лучше бы деньгами благодарили, у нас столько свободной стеклянной тары для их хранения имеется. Но стоило только один раз сострить на эту тему в присутствии Повелителя и мужа, как они строго нахмурились, изобразив праведное возмущение. 'Ведь это же твой народ, как ты могла такое сказать?!' — читалось в их укоризненных взглядах, но буквально через пару минут, наверное, представив мои слова в материальном эквиваленте, рассмеялись, а потом согласились. Лучше бы деньгами, так для блага эльфов полезнее. Ага! Ага! Вывернулись!

Наш смех прервала служанка, передав просьбу Повелителя срочно зайти к нему в приемный кабинет. Я извинилась перед женщинами и с улыбкой, пока никто не видит, бегом припустила к Повелителю. Скорее всего, снова подарки прислали, надо принять лично. Возле кабинета перевела дух и, улыбаясь, вошла внутрь. В первый момент я увидела только Повелителя и взбешенного Кэлэбриана, позади которых стояли представители пяти Высоких Домов. Стерев улыбку с лица, коротко их поприветствовала, следуя этикету, и подошла к мужу, с тревогой заглядывая в его стальные, не серебристые, глаза.

— Вы меня звали, Повелитель?

— Ты ведешь себя непотребно, Эленаль! Хотя другого ждать и не приходится, учитывая все обстоятельства твоего происхождения.

Услышав позади себя мерзкий ненавистный голос, похолодела и с застывшим лицом обернулась, чтобы столкнуться взглядом с Бельфаласом, стоящим рядом с креслом, в котором сидел Повелитель светлых Иллуин, а позади них стояли Галдор и еще четверо светлых эльфов. Трое — явно охрана, а кто четвертый? Мне почему-то показалось, что он тоже маг. В ответ на слова Бельфаласа, Кэлэбриан весь словно заиндевел и, скрипя зубами от ярости, прошипел.

— Если ты, Бельфалас, сейчас же не закроешь рот — умрешь. Никто не смеет оскорблять мою жену.

Бельфалас вскинулся чтобы ответить, но его остановил Иллуин, подняв руку и приказав молчать, пристально посмотрел сначала на меня потом на Кирдана Даэдрана, затем на Кэлэбриана и выдал.

— Я не думаю, что моя племянница стоит разногласий между двумя народами, Кирдан, особенно в вашем положении, Темный.

— Я не понимаю о чем ты, Иллуин, но хочу заметить, что моя любимая невестка стоит гораздо больше, чем ты можешь себе представить, Светлый. Они с моим наследником — истинная пара и к тому же, скоро порадуют меня потомством.

Я прильнула всем телом к мужу, пытаюсь в его тепле найти защиту от внутреннего холода. Все же проснувшееся сердце слишком остро на все реагировало, с каждым произнесенным словом то взмывая ввысь, то падая в бездну страха. Как только Иллуин

услышал о моей беременности, его взгляд с сожалением пробежался по мне и словно потух, потеряв интерес. Он откинулся на спинку кресла и понимающе посмотрел на Темного Повелителя. Но все же сделал последний ход, обратившись ко мне лично.

— Эленаль, я предлагаю тебе вернуться и занять причитающееся тебе положение. Ты моя племянница, не смотря ни на что и, более того, должен заметить, что с некоторых пор я изменил свое мнение о тебе. При моем дворе ты сможешь занять весьма достойное место и получить желаемую свободу. Я лично прослежу за этим и за всем остальным тоже. Обещаю!

Темные напряглись, особенно Кэлэбриан, застывший каменным изваянием, но едва я открыла рот, почувствовала, что он, наконец, расслабился, и поняла, чего он так бесился. Он боялся потерять меня, боялся, что они найдут способ уговорить меня вернуться.

— Я уже заняла причитающееся мне место. И это место рядом с моим мужем ан Кэлэбрианом Даэдраном. Другого мне не надо и нашему ребенку, которого я ношу под сердцем, тем более. Мой дом и все, что я люблю и хочу для себя, находятся здесь.

Иллуин только едва уловимо поморщился от неудачи, но вот его брат и мой 'отец' Бельфалас молчать не привык, а уж его ненависть ко мне границ не имела и, судя по всему, превратилась в своего рода манию.

— Ты вернешься со мной, продажная тварь, а этого темного ублюдка, которого ты носишь, мы вернем после того, как ты его выносишь. В моем доме животным не место. А вы, темные, сейчас вообще должны сидеть в пределах своих земель и не шевелиться. А то ваши границы станут для нас слишком размыты и неточно установлены. Вы — грязные животные, темная пародия эльфов скоро все как один подохнете. Своих женщин потеряли, теперь на чужих рот разеваете. Тело моей дочери вам не достанется, иначе вспомните что такое война. И что вам останется в итоге? Потомства нет и не будет! Ни одна женщина не согласится разделить вашу судьбу, вы скоро один за другим уйдете к своему Черному богу, и даже память о вас исчезнет с лица Лайваса.

Бельфалас вещал, некрасиво брызгая слюной. Иллуин все больше округлял глаза, Галдор бледнел и морщился, а остальные светлые шокировано и тревожно начали поглядывать на темных. Мои же домочадцы, не двигаясь, стояли, окружив кресло Кирдана, и лишь презрительно приподняв брови, слушали бред Бельфаласа. Заметив потемневшее лицо Темного Повелителя, Иллуин медленно встал с кресла и, повернувшись к брату, зашипел.

— Закрой свой рот, предупреждаю в последний раз. Ты потерял дочь, когда воспитал из нее безмозглую куклу. И вот Аллоис дала тебе второй шанс. Шанс упрочить наше положение, усилить магию и положение рода, имея в семье истинную признанную дочь Светлейшей богини. Ты же все испортил, своими руками уничтожил свой шанс. А теперь обвиняешь в этом других. Вот в ком я разочарован, так это в тебе, Бельфалас, и мое решение о твоей дальнейшей участи ты узнаешь дома.

Резко развернувшись к нам, он мгновение помолчал, гневно поджав идеальные губы, и только открыл рот, как в комнату ворвалась Мильсигран, за которой вбежали две дочери Ладроса, а за ними чинно вошла Иссиль. Увидев, что муж не один, она недоуменно подняла бровь, а потом, видимо прочувствовав всеобщую атмосферу напряженности, царившую в комнате и посмотрев на меня, а потом на мужа, строго произнесла.

— Девочки, быстро на выход, ваши отцы сейчас заняты и не могут уделить нам внимания. — затем с поклоном обратилась в остальным. — Кирдан, Повелитель Иллуин, уважаемые гости, я забираю с собой Эленаль, вы же понимаете, ей нельзя нервничать, да и перекусить пора, мы забыли пообедать со всей этой неразберихой.

Потом, молчком подойдя к нам, с теплой улыбкой чмокнула сына в щеку, успокаивая его собственнические инстинкты в отношении меня, и, с усмешкой отцепив меня от мужа, увела из комнаты под ошарашенные взгляды светлых. О, я-то и забыла, ведь они еще не в курсе, что проклятье пало, и теперь мы будем активно плодиться и размножаться на благо Темной Родины и Черного Тринимака. Через час, за обедом, Повелитель рассказывал заинтересованным слушателям в лице супруги, дочери и меня, привычно сидящей на коленях у Кэлэбриана, который не мог надолго расставаться со мной, о произошедшем после того, как мы ушли. Оказалось, до обидного мало. Бельфалас побледнел и весь как-то сдулся, узнав, что я сняла проклятье с эльфанов. Иллуин тоже побледнел, но уже от злости и ярости на своего брата, за то что тот поставил его в такое положение, когда ЕМУ пришлось приносить извинения, причем прилюдно, а потом резко приказал своему магу и Гладору открыть портал, в котором они все незамедлительно исчезли. Женщины смеялись, слушая рассказ Кирдана, в лицах описывающего всю картину. А я, обняв Кэла за шею, смотрела в любимые серебристые глаза и как всегда утопала в них, чувствуя, как между нами бурлят эмоции и чувства. Как меня наполняет безграничная, сводящая с ума от счастья НАША любовь. Чуть позже, отпивая маленькими глоточками отвар здоровья, как я его назвала в шутку, с легкой грустью и печалью задумалась о том, что уже зная натуру эльфанов, скорее всего, скоро узнаю о безвременной кончине Бельфаласа. Потому что таких оскорблений мои новые сородичи не прощают никому. Но он сам виноват. Каждый выбирает свою дорогу сам!

Двадцать лет спустя

Расписные черные своды и стены пещеры уже привычно навевали благоговейный трепет и восторг. Я стояла рядом с Наследником (моим мужем), Повелителем, его супругой Иссиль и восхищалась молодой парой эльфанов, именно в эту минуту обретавшими семейное счастье, представ перед Черным богом для заключения брака. Привычно рассек воздух кинжал, завершая обряд и обильно поливая растение, отдавая кровавую дань нашему Тринимаку. Забывшись, чуть не пропустила ответственный момент. Резко развернувшись и крепко держа Кэла за руку, ринулась наружу, все время налево и направо бубня извинения, если мы кого-то нечаянно толкали.

— Извините! Простите! Ой, опять извините! Ага, простите, это снова я.

Ага, как в прошлый раз! Почувствовав отголоски волшебного аромата распускающихся цветов, удвоила свои усилия. И уже через минуту мы были вне опасного места, и я шумно пыталась отдышаться.

— Фуууух! Успели на этот раз! А то я уже махнула на все рукой, думала, ну все — снова кровать, потом пузо, а потом постоянное: 'Мам! Мам! Мам!'

— А я так надеялся, что мы не успеем. Я уже успел соскучиться по любовному марафону Тринимака. Он так поднимает настроение.

— Да, конечно, и после него лично у меня отнимаются ноги и растет живот. Я что — свиноматка??? Мы уже три раза опоросились, Тьфу ты, отрожались, может пора на пенсию. Хотя бы временную. Мы уже побили все рекорды по рождаемости. Ну скажи, кто еще смог так же отличиться как мы?

Кэлэбриан обнял меня за талию и потянулся к губам, потом нежно прошелся по лицу, стирая раздраженные морщинки, и с улыбкой прошептал.

— Ты забыла Даэрона? У него вообще-то четверо, а у нас пока только трое.

Пожевав губу, сосредоточенно придумывая ответ, и тут радостно выдала.

— Так это не честно! Они ж сразу по двое за один раз выдают. А я три раза мучилась.

В этот момент к нам подошли Кириан и Максимиан, который под мышкой тащил шестилетнюю Ильсиаль. Самый старший наш сынок — Максимиан, названный в честь моего братишки, в этом году справил свое двадцатилетие, наш второй сын появился годом позже, это я про цветочки забыла и вовремя из пещеры удалиться не успела, в итоге родился Кириан. Ильсиаль мы зачали уже осознано, я немного соскучилась по пеленкам. Но после этого маленького чертенка в юбке, я зареклась рожать еще кого-нибудь. Пока! Но с любовью оглядев свою семью и ощутив большие сильные руки мужа, тесно прижимающего меня к себе, все еще с трудом переносящего даже малейшие отлучки из дома, поняла, что все мои мечты сбылись.

Я любима и люблю. И я невероятно счастлива!

Больше книг на сайте - Knigolub.net